Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

На правах рукописи

Чернобаев Сергей Валерьевич

Институт запрета индивидуальных антиконкурентных действий в праве Европейского Союза

5.1.5. Международно-правовые науки

Диссертация
на соискание ученой степени кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук, профессор,
Калиниченко Пауль Алексеевич

Москва – 2024

Оглавление

Введение ***4***

Глава 1. Теоретико-правовые и институционально-правовые основы запрета индивидуальных антиконкурентных действий в ЕС ***21***

1.1. Формирование и развитие института запрета индивидуальных антиконкурентных действий в праве ЕС **21**

1.2. Источники правового регулирования в сфере пресечения индивидуальных антиконкурентных действий в ЕС **51**

1.3 Взаимодействие права ЕС и национального законодательства государств-членов в сфере запрета индивидуальных антиконкурентных действий **85**

Глава 2. Механизм применения норм о запрете индивидуальных антиконкурентных действий в рамках ЕС ***101***

2.1. Понятие и виды индивидуальных антиконкурентных действий в праве ЕС: классификация и характеристика основных форм на основе ДФЕС **101**

2.2. Роль Европейской комиссии в сфере пресечения индивидуальных антиконкурентных действий **114**

2.3. Прецедентная практика Суда ЕС в сфере запрета индивидуальных антиконкурентных действий **125**

2.4 Тенденции и перспективы развития правового регулирования в сфере пресечения индивидуальных антиконкурентных действий в ЕС, связанные с цифровизацией и формированием «цифровых монополий» **159**

Глава 3. Опыт ЕС в регулировании запрета индивидуальных антиконкурентных действий и интересы российского бизнеса ***182***

3.1. Практика Суда ЕС в сфере запрета индивидуальных антиконкурентных действий по делам российских компаний **182**

3.2. Оценка применимости опыта ЕС для становления и развития антимонопольного права ЕАЭС: возможность аппроксимации и адаптации успешных моделей **196**

Заключение ***204***

Список используемых источников и литературы ***207***

Источники первичного права Европейского Союза **207**

Источники вторичного права Европейского Союза *Регламенты*.....207

Иные официальные документы Европейского Союза.....211

Документы Евразийского экономического союза 211

Литература 212

Интернет-ресурсы 215

Электронные информационно-правовые системы 216

Введение

Актуальность темы исследования. В сложной структуре правовой системы Европейского Союза (ЕС) запрет на индивидуальные антиконкурентные действия является ключевым элементом антимонопольного права, отражающим основополагающую приверженность Европейского союза поддержанию конкурентной рыночной среды. Эта область права влияет не только на построение экономики ЕС, но и значительно затрагивает его социальные и политические аспекты. Согласно Дж. Фоллу и А. Никпею, «Правоприменение в области антимонопольного законодательства имеет решающее значение для содействия благосостоянию потребителей и эффективному распределению ресурсов. Таким образом, это ключевой инструмент для обеспечения надлежащего функционирования внутреннего рынка».[1] Актуальность данной темы заключается сразу в нескольких ключевых аспектах: экономическое обоснование, эволюция цифрового рынка и юридико-философские основы антимонопольного права.

1) Экономическое обоснование заключается в следующем: центральной частью антимонопольного законодательства ЕС является стремление создать условия, способствующие инновациям, благосостоянию потребителей и эффективному распределению ресурсов путем нахождения баланса в конкурентных процессах между их субъектами. Запрет на индивидуальные антиконкурентные действия, такие как злоупотребление доминирующим положением и ограничительные соглашения, направлен на предотвращение искажений на внутреннем рынке.

2) Эволюция цифрового рынка. Становление цифровой экономики проявило новые вызовы для многих отраслей права, в том числе и конкурентного права ЕС.

В последние десятилетия, в виду активного развития Интернета и цифровых технологий произошел трансформационный переворот в глобальной экономике, по

[1] Faull, Jonathan, and Ali Nikpay, eds. The EU Law of Competition. 3rd ed., Oxford University Press, 2014, p. 7

итогам которого возникли так называемые цифровые рынки. Эти рынки, отличающиеся быстрыми темпами инноваций, обширными сетевыми взаимосвязями и доминированием интеллектуальных активов, радикально изменили парадигмы ведения бизнеса и взаимодействия между потребителями и продуктами или услугами. На фоне этой цифровой революции поддержание справедливой конкуренции остается важнейшей задачей для регуляторов и политиков. Это особенно актуально в виду уникальных вызовов, которые формируются цифровыми рынками. Такие вызовы как, например, контроль над данными и концентрация рынка, которые часто приводят к доминирующим позициям и при определенных обстоятельствах могут подавлять конкуренцию. Кроме того, цифровые рынки характеризуются сетевыми эффектами, экономией масштаба и значением данных, что потребовало переосмысления традиционных антиконкурентных концепций. Как отмечают А.Джонс и Б.Суфрин: «Цифровая экономика предъявляет уникальные вызовы для антимонопольного права, требуя переоценки того, как определяется и злоупотребляется рыночная власть» [2]. Быстрое развитие цифровых рынков требует динамичного подхода к запрету антиконкурентных действий, чтобы закон оставался эффективным и защищал интересы не только тех субъектов, которые напрямую участвуют в конкурентных процессах, но и всех тех, интересы которых могут быть затронуты.

3) Юридико-философские основы. Запрет на индивидуальные антиконкурентные действия глубоко укоренен в более широких юридических и философских основополагающих обязательствах ЕС, которые основываются на справедливости, равенстве возможностей и интеграции рынка. Эти принципы имеют не только экономическую природу, но и отражают приверженность ЕС социальной справедливости и защите прав личности. Как говорят Уиш и Бейли, «Антимонопольное право не только об экономике; оно также о гарантировании равных условий для всех участников рынка и защите потребителей от

[2] Jones, Alison, and Brenda Sufrin. EU Competition Law: Text, Cases, and Materials. 6th ed., Oxford University Press, 2016, p. 21

несправедливых практик»[3] (Р. Уиш и Д Бейли, «Антимонопольное право,» 9-е издание). Этот взгляд подчеркивает многогранную актуальность антимонопольного права, охватывающую экономическую эффективность, защиту потребителей и справедливое обращение с бизнесом.

Законодательство ЕС в сфере запрета индивидуальных антиконкурентных действий постоянно адаптируется для преодоления вызовов, стоящих перед глобализацией и технологическими инновациями. Динамичный характер рынков, особенно цифровых, требует гибкого и прогрессивного подхода к политике в области конкуренции. Правоведы, такие как Дж. Монти, утверждают, что «ЕС должен продолжать адаптировать свое законодательство в сфере конкурентного права, чтобы гарантировать способность решать проблемы, стоящие перед быстро меняющейся глобальной экономикой»[4] (Дж. Монти, «Антимонопольное право и политика в ЕС и за его пределами»). Этот призыв к адаптации подчеркивает постоянную актуальность этой области права в формировании будущего европейской экономики и общества.

Актуальность института запрета индивидуальных антиконкурентных действий в праве ЕС невозможно переоценить. Она находится на пересечении экономической политики, юридической философии и вызовов современного рынка. По мере того, как Европейский союз прокладывает путь сквозь сложности XXI века, принципы и практики конкурентного права, безусловно, выполняли и продолжают выполнять ключевую роль в направлении его экономических политик и правовых рамок. Продолжающиеся дискуссии между правоведами, политиками и практикующими специалистами подчеркивает динамичный характер конкурентного права и его критическое значение для видения ЕС справедливого, конкурентоспособного и интегрированного рынка.

---

[3] Whish, Richard, and David Bailey. Competition Law. 9th ed., Oxford University Press, 2018, p. 17
[4] Monti, Giorgio. Competition Law and Policy in the EU and Beyond. Cambridge University Press, 2011, p. 31

Изучение института запрета индивидуальных антиконкурентных действий в праве ЕС, представляет собой значительный теоретический и практический интерес по следующим причинам:

1) Возможность рецепции положительного опыта и исключение некоторых ошибок Европейского Союза в данной сфере для применения в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС), членом которой является РФ.

2) Это дает возможность более полного и глубокого осмысления стратегий, применяемых в антимонопольном регулировании ЕС, и определения направлений развития нормативного регулирования ограничений на индивидуальные антиконкурентные практики.

Степень научной разработанности темы. В российской юридической науке в области международного и европейского права вопросы запрета индивидуальных антиконкурентных действий традиционно анализируются как элемент законодательства Европейского Союза в сфере конкурентного права в целом. Эту тему затрагивают в своих исследованиях такие ученые, как А.В. Жупанов, А.О. Иншакова, П.А. Калиниченко, С.Ю. Кашкин, С.О. Корогод, А.Н. Толоконников, А.В. Черныш, К.В. Энтин, М.Л. Энтин, Ю.М. Юмашев.

В частности, Ю.М. Юмашев и Е.В. Постникова [5], анализируя функционирование внутреннего рынка ЕС, подчеркивают важность честной конкуренции как ключевого фактора его эффективной работы.

П.А. Калиниченко [6] изучает взаимодействие России и ЕС в контексте антимонопольного права, обращая внимание на формы отношений, такие как партнерство и ассоциация, и их влияние на интеграционные процессы между Россией и ЕС, а также стратегическое партнерство между этими субъектами.

---

[5] Юмашев Ю.М., Постникова Е.В., Экономическое право Европейского союза: Монография, М., Норма, Инфра-М. 2014. С. 30.

[6] Калиниченко П.А. Правовое регулирование отношений между Россией и Европейским Союзом // Дис. …док. юрид. наук. М. 2011.

К.В. Энтин[7] освещает проблематику применения норм конкуренции ЕС к отношениям, регулируемым правом интеллектуальной собственности.

А.В. Черныш[8] изучает, как антимонопольное регулирование в ЕС соотносится с защитой прав человека, в то время как А.Н. Толоконников[9] фокусируется на анализе правовых основ такого регулирования. Отдельного внимания заслуживает кандидатская диссертация И.О. Митрофанова [10] «Запрет коллективных антиконкурентных действий в праве Европейского Союза» заключается в глубоком анализе и представлении системы Европейского Союза об исключениях из запрета антиконкурентных действий согласно статье 101 ДФЕС.

В целом, вопросы поддержания конкуренции на внутреннем рынке ЕС активно исследуются в учебных материалах, подготовленных выдающимися российскими правоведами, список которых можно продолжать.

Тема антимонопольного права Европейского Союза получила широкое распространение и обсуждение среди ученых по всему миру, отражая богатство правовой мысли и анализа. Научное развитие этой области можно наблюдать через вклад различных академиков, чьи работы в значительной степени сформировали наше понимание политики в области конкуренции, механизмов принудительного исполнения и более широких последствий антиконкурентных практик.

Ученые из Европейского Союза: Д. Жераден и И. Лианос [11] исследовали пересечение антимонопольного права и цифровых рынков, предложив идеи о том, как законодательство ЕС может адаптироваться к технологическому прогрессу. М. Мотта [12] предоставил исчерпывающий обзор экономических принципов,

---

[7] Энтин К.В. Право конкуренции и охрана интеллектуальной собственности в практике Суда ЕС и Европейской Комиссии // Дис. … канд. юрид. наук. М. 2011. - 176 с.

[8] Черныш А.В. Конкурентное право Европейского Союза и соблюдение прав человека // Дис. … канд. юрид. наук. М. 2015. - 194 с.

[9] Толоконников А.Н. Правовая защита конкуренции в Европейском Союзе // Дис. … канд. юрид. наук. М. 2007. - 172 с.

[10] Митрофанов И.О. Запрет коллективных антиконкурентных действий в праве Европейского Союза // Дис. канд. юрид. наук. М. 2021. – 184 с.

[11] Geradin, D., & Lianos, I. (2020). Competition Law for the Digital Era. Oxford University Press.

[12] Exclusionary Practices: The Economics of Monopolisation and Abuse of Dominance" (Cambridge University Press, 2018).

лежащих в основе политики в области конкуренции в ЕС, сочетая правовой анализ с экономической теорией.

Ученые из Соединенных Штатов (США), такие как Э. М. Фокс и Д.А. Крейн[13] являются одними из ведущих фигур в сравнении подходов ЕС и США к антимонопольному праву. Они выделяют различия в приоритетах и методологиях принудительного исполнения.

Цель и задачи исследования. Целью настоящего исследования является разработка теоретико-правовой концепции института запрета индивидуальных антиконкурентных действий в праве Европейского Союза, выявление закономерностей его формирования и эволюции, а также определение перспективных направлений его развития в условиях цифровизации. В рамках исследования предлагается сформировать целостное представление о сущности и структуре данного института, а также разработать рекомендации по применению наработанного опыта ЕС в практике Евразийского экономического союза с целью гармонизации подходов к конкурентному праву. Цели данного диссертационного исследования влекут за собой выполнение следующих задач:

1) провести доктринальный юридический анализ первичных и вторичных источников права ЕС, включая судебную практику, с целью выявления существенных и процедурных аспектов института запрета индивидуальных антиконкурентных действий.

2) проанализировать правоприменительную составляющую с целью выявления пробелов и предложению последующих рекомендаций, направленных на их устранение.

3) провести сравнительный анализ того, как различные государства-члены ЕС реализуют и применяют законодательство ЕС в области конкуренции на национальном уровне, выявляя лучшие практики и области расхождения.

4) провести сравнительный анализ регулирования индивидуальных антиконкурентных действий в ЕС и ЕАЭС.

---

[13] Eleanor M. Fox | Daniel A. Crane. Global Issues in Antitrust and Competition Law second edition.

5) предоставить рекомендации, направленные на усиление применения законодательства в области конкуренции в ЕС, с особым вниманием к адаптации к вызовам цифрового рынка и обеспечению гармонизированного подхода среди государств-членов.

6) выявить новые тенденции и вызовы в области законодательства о конкуренции, особенно в отношении цифровых рынков, и предложить области для будущих исследований и законодательных действий.

Объектом исследования являются общественные отношения, связанные с защитой конкурентной среды на внутреннем рынке ЕС, возникающие при совершении предприятиями и объединениями предприятий индивидуальных антиконкурентных действий, запрещенных правом Европейского Союза.

Предмет исследования. Исходя из поставленных целей и задач, предметом исследования являются положения учредительных договоров и нормативных актов институтов Европейского Союза, регулирующие запрет индивидуальных антиконкурентных действий, практика Суда ЕС, посвящённая вопросам применения запрета индивидуальных антиконкурентных действий, а также доктрина отечественной и зарубежной науки европейского конкурентного права. Кроме того, в сравнительно-правовом аспекте предметом исследования также выступает наднациональное антимонопольное законодательство Евразийского экономического союза, в том числе конкурентные нормы учредительного договора ЕАЭС, судебная практика ЕАЭС.

Методологическую основу настоящего диссертационного исследования составляют философские, общенаучные и специальные методы научного познания: исторический, сравнительно-правовой, системный, формально-юридический, а также иные логические приемы и методы исследования, способствующие достижению целей и задач диссертационного исследования.

В процессе исследования использовался исторический подход для анализа эволюции запрета индивидуальных антиконкурентных действий в законодательстве ЕС. Системный метод позволил определить границы полномочий, включая разделение обязанностей между органами Европейского

Союза. Путем сравнительного анализа были рассмотрены антимонопольные нормы Договора о ЕАЭС, выявлены их сходства и отличия от соответствующих механизмов в ЕС, а также предложены рекомендации по устранению обнаруженных проблем в законодательном регулировании. Формально-юридический метод применялся для изучения нормативных актов. В исследовании также использовался статистический подход, выражающийся в использовании данных из материалов Суда ЕС и Суда ЕАЭС.

Нормативная основа исследования включает источники международного и европейского права, а именно: Договор о Европейском Союзе, Договор о функционировании Европейского Союза, Хартию Европейского Союза об основных правах, нормативные акты институтов Европейского Союза, практику Суда ЕС, а также Договор о Евразийском экономическом союзе, нормативные акты Комиссии ЕАЭС и практику Суда ЕАЭС.

Теоретическую основу диссертации составляют исследования российских ученых в области международного и европейского права: А.Х. Абашидзе, А.И. Абдуллина, Л.П. Ануфриевой, Д.К. Бекяшева, К.А. Бекяшева, М.М. Бирюкова, П.Н. Бирюкова, Д.С. Боклан, С.В. Гландина, Р.Ш. Давлетгильдеева, А.А. Данельяна, А.С. Исполинова, П.А. Калиниченко, А.Я. Капустина, М.Б. Касеновой, Р.А. Касьянова, С.Ю. Кашкина, И.М. Лившица, М.Н. Марченко, О.М. Мещеряковой, Е.В. Постниковой, А.М. Солнцева, А.О. Четверикова, В.М. Шумилова, К.В. Энтина, Л.М. Энтина, М.Л. Энтина, Ю.М. Юмашева и других.

Вопросы конкурентного права ЕС затрагиваются в работах А.В. Жупанова, А.О. Иншаковой, П.А. Калиниченко, С.О. Корогода, С.А. Пузыревского, А.Н. Толоконникова, А.В. Черныша, К.В. Энтина, М.Л. Энтина и других.

Среди зарубежных авторов необходимо выделить работы Г. Де Бурка, А. Джонс, П. Крейга, М. Мотта, А. Пападопулоса, Б. Сафрин, Р. Уиша, Х. Швайцера, Ю. Шейни, Р. Шульца и других.

Научная новизна диссертационного исследования определяется его предметом, целью и задачами. В диссертации впервые в российской науке

международного и европейского права осуществлен комплексный анализ исторического развития регулирования запрета индивидуальных антиконкурентных действий в праве ЕС, начиная с Парижского договора 1951 года об учреждении Европейского объединения угля и стали и заканчивая современным этапом регулирования. Также выявлены тенденции его развития. Кроме того, впервые исследовано конкурентное право ЕС и антимонопольное право США с целью рецепции полезных положений и механизмов в рамках ЕАЭС в контексте современных практик.

На основе проведенного диссертационного исследования и разработанных выводов **на защиту выносятся следующие положения, содержащие научную новизну:**

1) Правовая и экономическая составляющие тесно переплетаются в антимонопольном регулировании на уровне ЕС. Созданные в начале XX века экономические модели предотвращения злоупотребления доминирующим положением компаний на рынке были успешно перенесены на наднациональный уровень с принятием учредительных договоров Сообществ и Союза.

В целом, становление и развитие института запрета индивидуальных антиконкурентных действий в праве Европейского Союза прошло 4 этапа, каждый из которых характеризуется модификацией ключевых законодательных и судебных основ.

1. 1950 - 1958 гг., этап экспериментального развития конкурентной политики в рамках ЕОУС;

2. 1958 - 2002 гг. этап становления «классической» общей европейской политики конкуренции и антимонопольного законодательства ЕС;

3. 2002 – 2010 гг., этап модернизации и перераспределения компетенции в антимонопольной сфере;

4. 2010 г. – настоящее время, который характеризуется принятием мер по цифровизации антимонопольного регулирования и, в свою очередь, включает две фазы:

4.1 2010 – 2017 гг. подготовительная фаза, характеризующаяся адаптацией антимонопольной политики и законодательства ЕС к регулированию цифровых рынков;

4.2 2017 – по н. в. активная фаза с вынесением конкретных судебных решений, а также принятием новых основополагающих актов в области цифровизации внутреннего рынка ЕС.

2) Запрет индивидуальных антиконкурентных действий основывается на положениях ст. 102 ДФЕС при их толковании Судом ЕС во взаимосвязи с другими положениями ДФЕС о защите конкуренции, и, прежде всего, ст. 101 ДФЕС, запрещающей коллективные антиконкурентные действия. Основным документом, закладывающим механизм реализации ст 102 ДФЕС, является Регламент Совета 1/2003 от 16 декабря 2002 г.

Злоупотребления доминирующим положением на внутреннем рынке ЕС принимает следующие основные современные формы, выведенные в практике Европейской комиссии (Комиссии) и Суда ЕС по делам о толковании положений ст. 102 ДФЕС:

– неправомерное («хищническое») ценообразование (например, дело AKZO Chemie);

– ограничительные торговые практики в форме эксклюзивных сделок (например, дело Michelin II);

– дискриминационные торговые практики в форме связывания и комплектации продукции (например, дело Microsoft Corp).

3) Главным институтом ЕС, реализующим запрет на основе ст. 102 ДФЕС является Европейская комиссия. Современные тенденции антимонопольного регулирования в ЕС все более ориентированы на динамическую оценку злоупотреблений, особенно в контексте цифровых рынков. Европейская комиссия использует сочетание юридических прецедентов, экономической теории и рыночных данных для оценки и преследования этих практик. Комиссия в своей деятельности по защите конкуренции на внутреннем рынке основывается также на ряде «незаконодательных актов», принимаемых в реализацию ст. 102 ДФЕС

(регламенты, решения, уведомления, зеленые книги, сообщения, инструкции). К функциям Комиссии в сфере обеспечения запрета злоупотребления доминирующим положением на внутреннем рынке ЕС следует отнести:

- проведение анонсированных и неанонсированных проверок предприятий, занимающих доминирующее положение на внутреннем рынке ЕС;
- направления запросов на предоставление информации предприятий, занимающих доминирующее положение на внутреннем рынке ЕС;
- инициирования расследований, предполагаемых злоупотреблений доминирующим положением на внутреннем рынке ЕС;
- наложение штрафов на предприятия, злоупотребляющие доминирующим положением на внутреннем рынке ЕС;
- вынесение приказов предприятиям изменить свои коммерческие практики для соответствия законодательству ЕС в форме решения о принятии предприятием односторонних обязательств о прекращении недопустимых практик или в форме решения о запрете определенных действий.

4) Выход Великобритании из ЕС (Brexit) создал новую ситуацию, при которой британские компании и европейские компании, ведущие бизнес в Великобритании, больше не подчиняются антимонопольным нормам ЕС в полном объеме. Это может вызвать риски регуляторного арбитража, поскольку компании могут выбирать юрисдикцию с менее жесткими правилами после Brexit. В результате Европейская комиссия и Великобритания вынуждены выстраивать новую форму сотрудничества в антимонопольной сфере. Глобализация привела к возникновению проблем конкуренции, затрагивающих несколько юрисдикций, в свою очередь это требует усиленного сотрудничества между ЕС и антимонопольными органами по всему миру. Это сотрудничество жизненно важно для рассмотрения дел, связанных с многонациональными корпорациями, чья деятельность затрагивает несколько национальных рынков.

5) Роль Суда ЕС в становлении и развитии института запрета индивидуальных антиконкурентных действий на внутреннем рынке заключается в следующем:

а) Суд сыграл ключевую роль в уточнении сложных правовых принципов, определяющих, что является злоупотреблением доминирующим положением;

б) решения Суда в сфере пресечения злоупотребления доминирующим положением способствовали повышению правовых стандартов в антимонопольном законодательстве, подчеркивая необходимость соблюдения строгости в отношении экономических аргументов и доказательств;

в) каждое вынесенное решение подчеркивает приверженность Суда ЕС защите конкуренции, гарантируя, что доминирующие компании не будут использовать свое рыночное положение во вред конкурентам и потребителям без негативных последствий для таких нарушающих компаний.

г) решения Суда оказывают глубокое воздействие на деловые практики по всему Союзу, заставляя предприятия с доминирующим положением более осторожно относиться к тому, как их действия могут рассматриваться в рамках антимонопольного законодательства ЕС, что стимулирует правомерное и конкурентоспособное рыночное поведение.

д) строгий подход Суда к правовому и экономическому анализу в этих делах служит ориентиром для национальных судов и антимонопольных органов государств-членов, способствуя согласованному применению принципов антимонопольного законодательства по всему Союзу.

е) значительная роль в глобальном применении антимонопольного законодательства, поскольку оно предоставляет ориентир для решения аналогичных вопросов в других юрисдикциях. Принципы, изложенные Судом, часто упоминаются в глобальных дискуссиях о антимонопольном законодательстве, оказывая влияние на международные стандарты и практики, включая практику Суда ЕАЭС.

6) Развитие цифровых монополий на внутреннем рынке ЕС привносит новые вызовы, требует эволюции в сфере применения антимонопольного законодательства и адаптации традиционных антиконкурентных подходов и концепций в сфере пресечения злоупотребления доминирующим положением. Сетевые эффекты, стратегическое использование данных, динамика цифровых

экосистем представляют собой новые параметры оценки злоупотребления доминирующим положением на цифровом рынке и его пресечения в соответствии с новым законодательством ЕС, а именно Регламенты о «цифровых рынках» и «цифровых услугах» («Акт о цифровых рынках» 2022 г. и «Акт о цифровых услугах» 2022 г.).

7) Известные в практике Комиссии и Суда ЕС в сфере обеспечения запрета злоупотребления доминирующим положением на внутреннем рынке российские дела (дело Алроса и дело Газпром/PGNiG) иллюстрируют динамичное взаимодействие между регуляторными рамками ЕС и глобальными бизнес-операциями, выделяя несколько важных аспектов применения антимонопольного законодательства ЕС и судебного контроля:

- регуляторный охват и дискреционные полномочия: эти дела демонстрируют широкий охват Европейской комиссии в регулировании доминирующих рыночных субъектов, независимо от их географического происхождения;

- уточнение баланса между исполнением норм и правами на защиту: решение Суда в деле Алроса подчеркнуло необходимость для Комиссии учитывать пропорциональность своих действий и потенциальное воздействие на бизнес, затронутый ее решениями;

- оба дела имеют широкие последствия для экономических отношений между ЕС и Россией, особенно в ключевых секторах, таких как энергетика и глобальный рынок алмазов;

- упомянутые дела Газпрома и Алросы служат прецедентами для в сфере применения антимонопольного законодательства ЕС к зарубежным для ЕС субъектам, работающим в пределах юрисдикции ЕС.

8) Применение положений Договора о ЕАЭС 2014 г. в сфере конкуренции открывает возможности рецепции успешных моделей ЕС по пресечению злоупотребления доминирующим положением на рынке в правовое регулирование единого экономического пространства в рамках ЕАЭС, что может способствовать гармонизации конкурентного законодательства и развитие правоприменительной

практики на постсоветском пространстве, включая защиту конкуренции в контексте цифровых рынков.

В основе развития антимонопольного права в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) лежат значительные заимствования и адаптации опыта Европейского Союза (ЕС). Одним из центральных аспектов, которые могут быть применимы в ЕАЭС, является развитие правоприменительной практики на основе европейских решений. Суд ЕАЭС уже имеет прецеденты, в которых опирается на решения Суда Европейского Союза, как было отмечено в делах о конкуренции и других сферах регулирования. Например, по делу о «вертикальных» соглашениях. Консультативное заключение Суда ЕАЭС по вертикальным соглашениям, вынесенное 15 октября 2018 года Министерством национальной экономики Казахстана (дело R-2/18). Суд ЕАЭС утверждал, что правила конкуренции на трансграничных рынках подпадают под действие наднационального права Союза. Таким образом, это исключает свободу усмотрения государств-членов в самостоятельном регулировании данной сферы. В деле также использовались ссылки на практику Суда ЕС, а именно на дело Consten and Grundig v Commission**,** Case 56/64.

9) Практические рекомендации для совершенствования антимонопольного регулирования в ЕАЭС на основе опыта ЕС. На основе анализа опыта ЕС в области антимонопольного регулирования, включая применение «Акта о цифровых рынках» (Digital Markets Act, DMA), предложены следующие рекомендации, направленные на развитие правоприменительной практики и нормативного регулирования в Евразийском экономическом союзе:

9.1. Введение четких критериев для определения доминирующих цифровых платформ. Адаптация подхода ЕС к «гейткиперам» (gatekeepers), ключевым платформам, может помочь ЕАЭС фокусировать регулирование на самых влиятельных субъектах рынка, повышая его эффективность;

9.2. Закрепление обязанностей для доминирующих платформ с целью поддержки справедливой конкуренции, как, например, запрет на самопредпочтение услуг и обязательность передачи данных другим участникам

рынка. Это может способствовать более здоровой конкуренции и повышению выбора для потребителей на цифровых рынках ЕАЭС;

9.3. Запрет конкретных антиконкурентных практик (например, блокировка пользователей от удаления предустановленных приложений), что позволит предотвратить доминирующее поведение, ограничивающее конкуренцию;

9.4. Введение строгих механизмов принудительного исполнения и значительных штрафов для компаний, нарушающих правила. Это создаст барьеры для антиконкурентного поведения и повысит общий уровень соблюдения регулятивных требований.

9.5. Формирование гибкого законодательства, адаптирующегося к изменениям, обусловленным цифровизацией. Интеграция механизмов для постоянного мониторинга рынка и обновления нормативных требований должна помочь ЕАЭС оставаться актуальной и адаптируемой к быстроменяющимся условиям цифровой экономики.

9.6. Развитие сотрудничества между национальными антимонопольными органами ЕАЭС по аналогии с Европейской сетью конкуренции (European Competition Network, ECN). Это позволит обеспечить последовательность и согласованность в применении антимонопольного законодательства на трансграничных рынках.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Результаты и рекомендации диссертационного исследования могут быть использованы для совершенствования правового регулирования интеграционных процессов в рамках ЕС и ЕАЭС. Предложенные совершенствования крайне важны для создания экономической среды, способствующей инновациям, росту и благосостоянию потребителей. Поскольку ЕАЭС продолжает развивать свою цифровую экономику и широкие рыночные структуры, опора на международные лучшие практики будет ключевым фактором для обеспечения того, чтобы его законы о конкуренции оставались надежными и актуальными на фоне развивающихся экономических вызовов.

Результаты диссертационного исследования могут применяться в последующих научных исследованиях в области международного и европейского права, например, при системном исследовании конкурентного права Евразийского экономического союза.

Основные положения диссертации могут быть использованы при преподавании учебных дисциплин «Европейское право (право Европейского Союза)», «Международное право», спецкурсов и семинаров по вопросам конкурентного права ЕС и конкурентного права ЕАЭС.

Степень достоверности. Диссертационная работа соответствует требуемой степени достоверности согласно применяемым способами и методами подтверждения ее результатов, основанных на объективных фактах и выводах.

Апробация результатов исследования. Диссертация подготовлена на кафедре интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), на заседании которой автором были доложены основные положения и выводы диссертации. Основные положения диссертационного исследования также были изложены на научно-практических конференциях, в том числе на Международном Конгрессе молодых ученых «Традиции и новации в системе современного российского права».

Основные выводы и положения диссертационного исследования опубликованы автором в научных статьях, три из которых в ведущих рецензируемых изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

Соответствие диссертации Паспорту научной специальности. Тема диссертации, ее содержание и результаты соответствуют следующим областям исследования паспорта специальности 5.1.5. «Международно-правовые науки»: понятие, правовая природа, виды, признаки, компетенция и деятельность международных интеграционных объединений. Право межгосударственных региональных интеграционных объединений. Право Европейского союза (ЕС). Право ЕАЭС. Международная правосубъектность и компетенция ЕС. (п. 26).

Структура Диссертации. Структура диссертационного исследования обусловлена поставленными перед ней целью и задачами. Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих девять параграфов, заключения, а также списка используемых источников и литературы.

Глава 1. Теоретико-правовые и институционально-правовые основы запрета индивидуальных антиконкурентных действий в ЕС

1.1. Формирование и развитие института запрета индивидуальных антиконкурентных действий в праве ЕС

Антимонопольное регулирование представляет собой многогранную систему, которая объединяет в себе правовые, управленческие и экономические начала. С экономической точки зрения антимонопольные меры направлены на изменение и управление рыночными отношениями, сохраняя при этом их сущность и добавляя новые характеристики. Это означает, что антимонопольное регулирование не разрушает рыночные механизмы, а адаптирует их для достижения целей, таких как защита конкуренции и предотвращение монополий и дальнейшего злоупотребления на рынке ЕС.

Основные категории и понятия, используемые в антимонопольном регулировании, формируются как раз в рамках экономической теории, которая определяет цели и методы регулирования. Экономическая теория в рамках учения о рыночной конкуренции акцентирует внимание на таких аспектах, как эффективность рынка, распределение ресурсов и рыночная власть. В то же время правовая природа антимонопольного регулирования заключается в создании и применении правовых норм и институтов, направленных на поддержание и защиту конкуренции. Эти нормы включают запреты на антиконкурентные соглашения, злоупотребление доминирующим положением и другие формы антиконкурентного поведения, подкрепленные юридическими санкциями и механизмами правоприменения. Правовая составляющая обеспечивает стабильность и предсказуемость регулирования, что важно для всех участников рынка.

Правовая и экономическая составляющие антимонопольного регулирования тесно взаимосвязаны и взаимодополняемы. Экономическая теория предоставляет основание для разработки правовых норм, а правовая система обеспечивает их

применение и исполнение. Это взаимодействие позволяет создавать эффективные механизмы регулирования, направленные на поддержание здоровой конкуренции и предотвращение монополизации рынков. В контексте Европейского Союза (ЕС) эта взаимосвязь проявляется в разработке и применении антимонопольного законодательства, основанного на экономических теориях конкуренции и рыночного поведения. ЕС активно использует экономический анализ для обоснования правоприменительных решений, что повышает их эффективность и обоснованность.

Многие ученые подчеркивают важность учета экономической теории в антимонопольном регулировании. Так, Р. Поснер, один из ведущих специалистов в области экономического анализа права, подчеркивает: «Антимонопольное регулирование эффективно только тогда, когда оно направлено на улучшение общей экономической эффективности, а не просто на защиту конкурентов от жесткой конкуренции. Правовые меры должны быть тщательно разработаны, чтобы избежать излишней регуляции, которая может препятствовать инновациям и динамике рынка»[14].

Экономические теории играют ключевую роль в формировании основ антимонопольного регулирования. Они помогают понять, каким образом конкуренция влияет на рынок и как регулирование может способствовать улучшению рыночной эффективности. Рассмотрим основные экономические теории, которые стали основой для развития современных подходов к антимонопольной политике.

Классическая экономическая теория, основанная на трудах Адама Смита, активно развивалась с конца XVIII века до 30-х годов XIX века. В своей работе «The Wealth of Nations» [15] Смит ввел концепцию «невидимой руки», представляющую конкуренцию как механизм саморегулирования рынка. Конкуренция, по мнению А. Смита, способствует справедливому распределению ресурсов и поддерживает рыночную власть на оптимальном уровне. Он

[14] Posner, Richard A. «Antitrust Law» University of Chicago Press, 2001.
[15] Адам Смит. «The Wealth of Nations» Cambridge, MA: MIT Press, 1977.

подчеркивал важность минимального государственного вмешательства в экономику, ограниченного борьбой с монополиями.

В этом отношении весьма противоположные взгляды в отношении обеспечения конкуренции на рынке высказывают представители кейнсианской экономической теории, которая также продолжает играть важную роль, особенно в период экономических кризисов. Идеи Дж. М. Кейнса, изложенные в его работе «Общая теория занятости, процента и денег»[16], подчеркивают необходимость государственного вмешательства для стабилизации экономики в условиях недостаточного совокупного спроса. Кейнсианская теория предлагает использовать фискальную и денежно-кредитную политику для стимулирования экономической активности и снижения безработицы. Дж. М. Кейнс признавал важность конкуренции для экономического роста и инноваций. Антимонопольное право, направленное на предотвращение антиконкурентных соглашений, монополизации и злоупотребления доминирующим положением, соответствует кейнсианским принципам поддержки конкурентных рынков, которые способствуют эффективному функционированию экономики. Кейнсианская теория также подчеркивает значимость социальной справедливости и экономического равенства. Антимонопольное регулирование помогает предотвратить чрезмерную концентрацию экономической власти, которая может привести к неравномерному распределению доходов и благосостояния, что соответствует кейнсианским принципам более равномерного распределения экономических выгод.

Однако, сегодня в мире доминирует неоклассическая экономическая теория, которая эволюционировала из классической школы экономической мысли. Неоклассическая теория акцентирует внимание на рациональном поведении экономических агентов и предположении, что рынки стремятся к равновесию через взаимодействие спроса и предложения. Эта теория основана на трудах таких

[16] Keynes, John Maynard. «The General Theory of Employment, Interest, and Money.» London: Palgrave Macmillan, 1936.

экономистов, как У. Джевонс[17], К. Менгер [18]и Л. Вальрас[19]. Эта школа мысли утверждает, что экономические агенты действуют рационально, стремясь максимизировать полезность и прибыль, что ведет к эффективному распределению ресурсов на рынке. Данная теория также включает понятия предельных величин, таких как «предельная полезность» и «предельные издержки», которые играют ключевую роль в анализе поведения потребителей и фирм. Она рассматривает конкуренцию как механизм достижения участниками рынка различных благ. Представители неоклассической теории выделяют понятие «совершенной конкуренции», которое характеризует состояние рынка, где ни один из продавцов не обладает рыночной властью. Они противопоставляют это состояние монополиям и олигополиям, где рыночная власть сосредоточена в руках немногих субъектов. Важно отметить, что, по мнению неоклассиков, рынки совершенной конкуренции в реальности не существуют и, возможно, никогда не существовали. Рынок на определенном этапе своего развития неизбежно движется в сторону монополии или олигополии. В рамках неоклассической экономической теории сложились две основные парадигмы конкурентной политики: Гарвардская и Чикагская школы.

Гарвардская школа конкурентной политики, разработанная в 1930-е годы Э. С. Мейсоном и развитая Д. Бэйном, представляет собой первое теоретическое обоснование необходимости антимонопольного регулирования. Основой этой школы является парадигма «структура-поведение-результат» (SCP), [20] утверждающая, что существует прямая связь между структурой рынка, поведением хозяйствующих субъектов и результатами такого поведения. Гарвардская концепция поддерживает идею государственного контроля за структурными аспектами рынка, такими как уровень концентрации и барьеры для входа на рынок, для достижения теоретической совершенной конкуренции.

---

[17] Jevons, William Stanley. «The Theory of Political Economy» London: Macmillan, 1871.
[18] Menger, Carl. «Principles of Economics» Vienna: Braumüller, 1871.
[19] Walras, Léon. «Elements of Pure Economics.» Lausanne: F. Rouge, 1874.
[20] Мейсон, Эдвард С. «Economic Concentration and the Monopoly Problem.» Harvard University Press, 1957

Примером применения этой парадигмы является запрет на концентрацию, создающую условия для монополизации рынка.

Чикагская школа, основанная на динамическом пересмотре парадигмы SCP, фокусируется на регулировании поведения предприятий. Ее представители утверждают, что хозяйствующий субъект не может самостоятельно приобрести и злоупотреблять монопольной властью. Государственное регулирование должно быть минимальным и вмешиваться только в случае «провала рынка», когда рынок не в состоянии самостоятельно регулироваться. Например, заключение антиконкурентного соглашения является одним из таким провалов. Чикагская школа также подчеркивает важность эффективности в антимонопольном регулировании, выделяя два вида эффективности: распределение ресурсов и производственная эффективность. Целью антимонопольного регулирования должно быть достижение максимальной эффективности распределения ресурсов при сохранении производственной эффективности.

Рассмотренные теории оказали значительное влияние на становление антимонопольное регулирование в США и странах Западной Европы в XX веке, созданные модели регулирования были взяты за основу для построения антимонопольной политики на уровне Европейских сообществ и Европейского Союза. Гарвардская парадигма проявляется в регулировании концентрации предприятий через статью 102 Договора о функционировании Европейского Союза (ДФЕС), которая запрещает злоупотребление доминирующим положением. Чикагская концепция также оказала влияние на антимонопольное регулирование ЕС, особенно в рамках статьи 101 ДФЕС, запрещающей коллективные антиконкурентные действия. Подход с позиции эффективности привел к тому, что антиконкурентные действия могут быть признаны законными, если они приносят значительные общественные блага.

Это взаимодействие различных экономических теорий и их влияния на политику Европейского Союза иллюстрирует, как практики антимонопольного регулирования могут эволюционировать и адаптироваться в ответ на изменения в экономической мысли. Гарвардская школа акцентирует внимание на структуре

рынка и контроле за концентрацией, предполагая, что высокая концентрация может привести к злоупотреблению рыночной властью и снижению конкуренции. В результате ЕС активно применяет правила по предотвращению доминирующего положения, стремясь сохранить конкурентную структуру рынка. С другой стороны, Чикагская школа, сосредоточенная на поведении и эффективности, утверждает, что не все формы концентрации и соглашений между компаниями наносят вред рынку. Согласно этой теории, действия, которые могут показаться антиконкурентными, могут принести пользу потребителям, если они способствуют повышению эффективности и инновациям. Например, слияния, которые улучшают производственные процессы или способствуют более быстрому внедрению новых технологий, могут быть разрешены, если доказано, что они принесут значительные общественные блага. В конкурентной политике ЕС сильнее прослеживается влияние Чикагской школы. Примером этого подхода является Регламент Совета (ЕС) № 139/2004 [21] , касающийся контроля за слияниями, который предусматривает возможность одобрения слияний, если они способствуют значительным экономическим и потребительским выгодам, несмотря на потенциальное сокращение конкуренции. Это отражает более сбалансированный подход, стремящийся учитывать как возможные негативные последствия для конкуренции, так и потенциальные выгоды для экономической эффективности.

Другим примером такой тесной взаимосвязи является Регламент (ЕС) № 1/2003 [22] , который позволяет национальным антимонопольным органам и судам применять статьи нынешние 101 и 102 ДФЕС (бывшие статьи 81 и 82 ДЕС[23]), что увеличивает «гибкость» и оперативность правоприменения. Это отражает подход чикагской школы, которая акцентирует

[21] Council Regulation (EC) No 139/2004 of 20 January 2004 on the control of concentrations between undertakings (the EC Merger Regulation) (Text with EEA relevance).
[22] European Council, 2003. Council Regulation (EC) No 1/2003 of 16 December 2002 on the implementation of the rules on competition laid down in Articles 81 and 82 of the Treaty (Regulation on the implementation of the competition rules applicable to undertakings).
[23] Treaty on European Union (1992) (Consolidated version 2012) // Official Journal C 326. 26.10.2012. P. 13–390.

внимание на необходимости эффективного и оперативного правоприменения для поддержания конкуренции и предотвращения злоупотреблений. Чикагская школа утверждает, что не все антиконкурентные действия вредны для рынка и что важен контекст, в котором они происходят. Регламент (ЕС) № 1/2003 обеспечивает механизм, который позволяет более точно оценивать рыночное поведение и принимать меры, основанные на эффективности и последствиях для рынка.

Бывает и так, что на один и тот же регламент оказали влияние сразу две экономические школы. Например, Регламент (ЕС) № 330/2010 (Блоковые исключения) [24] . В том, что касается структуры рынка, гарвардская школа подчеркивает важность структуры рынка и необходимости контроля за концентрацией. Регламент (ЕС) № 330/2010 устанавливает условия для вертикальных соглашений, которые могут быть освобождены от запрета на антиконкурентные соглашения, если они не приводят к значительному ограничению конкуренции. Это поддерживает структуру рынка, способствующую конкуренции. В том, что касается эффективности и инноваций, чикагская школа признает, что определенные вертикальные соглашения могут способствовать повышению эффективности и инновациям. Регламент (ЕС) № 330/2010 допускает такие соглашения, если они приносят значительные экономические выгоды. Это отражает Чикагский подход к оценке рыночного поведения через призму эффективности, позволяя экономическим агентам заключать соглашения, которые могут повысить общую рыночную эффективность.

Таким образом, антимонопольное регулирование ЕС представляет собой динамическую систему, в которой интегрируются различные экономические теории для создания эффективных и справедливых правил, направленных на поддержку конкурентного рынка и защиту интересов потребителей.

В свою очередь, ЕС продолжает во многом ориентироваться на опыт антимонопольного регулирования в США. Законодательство США также имеет

---

[24] Commission Regulation (EU) No 330/2010 of 20 April 2010 on the application of Article 101(3) of the Treaty on the Functioning of the European Union to categories of vertical agreements and concerted practices (Text with EEA relevance).

богатую историю становления и развития антимонопольного права. Начиная, с Закон Шермана [25] и Закон Клейтона [26], которые акцентируют внимание на создании среды, которая способствует инновациям и максимизирует благополучие потребителей. Этот подход направлен на стимулирование конкуренции, прежде всего, как средства предоставления потребителям лучших товаров, большего выбора и более низких цен. Эти законы в совокупности закладывают основу для регулирования конкуренции в США и обеспечиваются Министерством юстиции (DOJ) и Федеральной торговой комиссией (FTC). Они служат не только для устранения нарушений, ограничивающих конкуренцию, но и для того, чтобы направлять бизнес на соблюдение антимонопольного законодательства США. Принципы, заложенные в законах Шермана и Клейтона, продолжают оказывать влияние на регулирование развивающихся рынков, в том числе цифровых, в целях развития конкуренции и защиты потребителей. Изучив эти законы, другие юрисдикции, в том числе ЕАЭС, могут рассмотреть, как элементы этих законов могут быть адаптированы или служить моделью для решения их собственных регулятивных задач по эффективному управлению рыночной конкуренцией.

По словам Г. Ховенкампа, ведущего специалиста по антимонопольному праву: «основная цель американского антимонопольного законодательства — это благополучие потребителей, которое часто обеспечивается за счет активного стимулирования конкуренции и инноваций»[27].

Федеральная торговая комиссия (FTC) и Министерство юстиции (DOJ) являются основными органами, ответственными за соблюдение антимонопольного законодательства США. Они активно открывают и расследуют дела, связанные с антиконкурентными практиками, используя как юридический, так и экономический анализ для руководства своей деятельностью. Как отмечает Э. Фокс: «антимонопольные органы США используют сочетание экономического

[25] Sherman Act, 15 U.S.C. §§ 1–7.
[26] Clayton Act, 15 U.S.C. §§ 12–27.
[27] Hovenkamp, Herbert. "The Antitrust Enterprise: Principle and Execution." Harvard University Press, 2005, p. 74.

и юридического анализа для борьбы со сложными антиконкурентными практиками, особенно в динамичных секторах, таких как технологии и телекоммуникации». [28]

Правовая природа антимонопольного регулирования в целом заключается в создании и применении правовых норм и институтов, направленных на поддержание и защиту конкуренции. Эти нормы включают запреты на антиконкурентные соглашения, злоупотребление доминирующим положением и другие формы антиконкурентного поведения. Правовые нормы антимонопольного регулирования подкреплены юридическими санкциями и механизмами правоприменения, что обеспечивает их исполнение и соблюдение. Как писали в своей работе К. Хюшельрат и Х. Швайтцер «Публичное и частное правоприменение конкурентного права в Европе: правовые и экономические перспективы»: «Антимонопольное регулирование в ЕС строится на применении юридических санкций и правоприменительных механизмов, которые обеспечивают стабильность и предсказуемость регулирования, что важно для защиты интересов участников рынка и предотвращения антиконкурентного поведения»[29].

Правовая и экономическая составляющие антимонопольного регулирования тесно взаимосвязаны и взаимодополняемы. Экономическая теория предоставляет основание для разработки правовых норм, а правовая система обеспечивает их применение и исполнение. Это взаимодействие позволяет создавать эффективные механизмы регулирования, направленные на поддержание здоровой конкуренции и предотвращение монополизации и дальнейшего злоупотребления таким положением на европейских рынках. В контексте Европейского Союза (ЕС) эта взаимосвязь проявляется в разработке и применении антимонопольного законодательства, основанного на экономических теориях конкуренции и рыночного поведения. ЕС активно использует экономический анализ для

---

[28] Fox, Eleanor. "Modern Approaches to Antitrust and Their Application." Fordham International Law Journal, Vol. 33, No. 2, 2010, pp. 597-620.

[29] Hüschelrath, Kai, и Heike Schweitzer. Public and Private Enforcement of Competition Law in Europe: Legal and Economic Perspectives. Springer, 2015.

обоснования правоприменительных решений, что повышает их эффективность и обоснованность.

Формирование и развитие института запрета индивидуальных антиконкурентных действий в праве Европейского Союза представляет собой один из ключевых аспектов политики ЕС по обеспечению справедливой и эффективной конкуренции на внутреннем рынке. Этот институт, является важным элементом правового регулирования и направлен на предотвращение действий, способных ограничить конкуренцию, нарушить рыночные механизмы и нанести ущерб субъектам рыночных отношений.

Исторически, в Европейском Союзе уделялось значительное внимание вопросам конкуренции с целью создания равных условий для всех участников рынка. Введение запретов на антиконкурентные действия, таких как картели, злоупотребление доминирующим положением и антиконкурентные соглашения, стало основой для построения гармонизированного и устойчивого экономического пространства. Эволюция этого института отражает сложный процесс взаимодействия между экономическими теориями, политическими целями и правовыми нормами, который продолжается и по сей день.

И.О. Митрофанов выделяет три основных этапа в истории развития конкурентного права Европейского Союза и механизма запрета коллективных антиконкурентных действий: 1) 1950 - 1958 гг.; 2) 1958 - 2002 гг.; 3) 2002 – настоящее время [30] . Можно с уверенностью сказать, что институт запрета индивидуальных антиконкуретных действий в праве ЕС прошел практически такие же этапы. Однако, представляется несколько иная картина в отношении 3-го этапа. Так было бы логичнее связать начало третьего этапа с подписанием Ниццкого Договора 2001 г., а также добавить новый – четвертый этап, необходимость в выделении которого возникла в связи с активным развитием технологий и последующей цифровизацией внутреннего рынка ЕС, принципиально влияющими на процесс занятия доминирующего положения IT-компаний на цифровом рынке.

---

[30] Митрофанов И.О. кандидатская диссертация по теме: Запрет коллективных антиконкурентных действий в праве Европейского Союза. стр. 24-45.

Таким образом, 4-й этап (2010 г. – настоящее время), который в свою очередь можно разделить на две фазы:

4.1) 2010 – 2017 гг. подготовительная фаза, характеризующаяся адаптацией ЕС своих антимонопольных законов и политик для регулирования цифровых рынков и компаний;

4.2) 2017 г. – по н.в. активная фаза с вынесением конкретных судебных решений, как например, дело Google [31] , а также принятием новых основополагающих законодательных актов в области цифровизации внутреннего рынка ЕС,

Первый этап (1950 – 1958 гг.). Начиная с Договора о создании Европейского объединения угля и стали (ЕОУС) 1951 года, который является основополагающим документом в истории европейской интеграции, представляющим первые шаги к тому, что впоследствии стало Европейским Союзом. Этот договор в первую очередь нацелен на регулирование и интеграцию угольной и сталелитейной промышленности в шести европейских странах: Франции, Западной Германии, Италии, Бельгии, Люксембурге и Нидерландах. Положения, касающиеся законодательства о конкуренции в Договоре ЕОУС, были новаторскими на тот момент и заложили основу для более обширной политики конкуренции, которая была разработана в рамках Римского Договора и последующих европейских договоров в Договоре об учреждении ЕОУС. [32] Например, положения статьи 65 Договора об ЕОУС были направлены против антиконкурентных практик в угольной и сталелитейной отраслях. Они запрещали злоупотребления, которые могли препятствовать, ограничивать или искажать нормальную конкуренцию.

Основные аспекты статьи 65 включали:

---

[31] В 2017 году Европейская комиссия оштрафовала Google на 2,42 миллиарда евро за злоупотребление доминирующим положением на рынке поиска. Это решение стало знаковым в контексте регулирования цифровых платформ. Google LLC v. Commission, Case T-612/17, Judgment of the General Court (Grand Chamber) of 10 November 2021.

[32] Treaty establishing the European Coal and Steel Community, ECSC Treaty.

- запрет дискриминации. Договор исключал любую дискриминацию между производителями, покупателями и потребителями, особенно в отношении цен и условий поставок.

- ограничение на антиконкурентные практики. Договор запрещал соглашения и действия, связанные с производством и продажей продукции, которые могли бы привести к разделению рынка или эксплуатации потребителей.

- контроль за концентрацией. Пункт 2 статьи 65 регулировал концентрации, дочерние компании, слияния и приобретения, которые могли бы привести к доминирующему положению компаний на рынке, что могло бы подорвать цели договора по поддержанию конкуренции и рыночной интеграции.

Статья 66 также имела большое значение, поскольку эта статья фокусировалась на контроле концентраций и предотвращении монополий, угрожающих целям договора. Она наделяла Высокое Управление (исполнительный орган ЕОУС) полномочиями обеспечивать прозрачность и справедливость в угольной и сталелитейной промышленностях. Основные моменты заключались в следующем:

- надзор за инвестициями и производством. Высокое Управление имело полномочия собирать информацию и контролировать финансирование производственных программ, что было важно для предотвращения доминирующих позиций, противоречащих целям договора.

- разрешение слияний и поглощений. Пункт 7 статьи 66 давал Высокому Управлению право разрешать или отклонять слияния и поглощения в зависимости от их соответствия общим интересам Сообщества.

Отдельный интерес представляла собой 67 статья. Эта статья требовала, чтобы компании в рамках ЕОУС публиковали свои цены и тарифы, дополнительно поддерживая цель договора по предотвращению дискриминационных практик и продвижению прозрачности на рынках угля и стали.

Положения Договора ЕОУС о конкуренции внесли значительный вклад в развитие конкурентного права ЕС по нескольким причинам:

1) Первостепенная роль в политике конкуренции: эти положения представляли одну из первых попыток институционализации политики конкуренции на наднациональном уровне, предшествуя более известным законам о конкуренции, которые были приняты впоследствии.

2) Секторальный подход. В отличие от последующих законов ЕС о конкуренции, которые охватывают все экономические сектора, Договор ЕОУС был сосредоточен лишь на сфере угольной и сталелитейной промышленности, которые были ключевыми отраслями для послевоенной реконструкции и экономической стабильности в Европе.

3) Основа для последующих разработок. Опыт и правовые границы, разработанные Договором ЕОУС, повлияли на составление и реализацию законодательства о конкуренции в последующих договорах ЕС.

Таким образом, положения о конкуренции Договора ЕОУС сыграли ключевую роль в создании основ для развития всеобъемлющего политического контура для конкуренции в Европе. Они ввели важные понятия, такие как запрет на антиконкурентные соглашения, злоупотребление доминирующим положением и контроль за концентрациями, которые развивались и расширялись в последующих европейских договорах. Эти положения были критически важны для обеспечения честной конкуренции и интеграции в ключевых секторах угля и стали послевоенной европейской экономики.

Второй этап (1958 - 2002 гг.). Второй этап развития связан с созданием Европейского экономического сообщества (ЕЭС) и дальнейшими важнейшими процессами, как например расширение общего рынка между членами ЕС, последовавшими за этим событием.

Следующим важным шагом для формирования законодательства в сфере конкуренции на наднациональном уровне стало заключение Римского Договора, учреждающего Европейского экономическое сообщество в 1957 году[33]. Несмотря

[33] Настоящий документ прошел серьезную эволюцию по форме и содержанию, дважды сменив название. Сегодня это один из двух главных учредительных договоров ЕС – Договор о функционировании Европейского Союза (ДФЕС).

на то, что Римский Договор был принят в 1957 году, что соответствует временным рамкам первого этапа, полноценно механизмы и процессы, затронутые этим договором, начали работать позднее, после 1958 года, именно по этой причине данный договор рассмотрен во временных рамках второго этапа. Римский договор 1957 года — это основополагающий документ, который выразил первоначальную приверженность предотвращению практик, которые могли бы исказить функционирование внутреннего рынка. Однако сформулированные достаточно общие положения Римского Договора 1957 года требовали десятилетий правовых, экономических и политических уточнений для эффективного решения сложностей поведения на рынке и антиконкурентных практик. Формирование Европейского экономического сообщества (ЕЭС) путем подписания Римского Договора в 1957 году стало ключевым моментом в истории Европы, положив начало основаниям того, что впоследствии станет Европейским союзом (ЕС) и его обширным правовым регулированием, включая законодательство о конкуренции.

Д. Гербер[34] произвел проницательный анализ Римского Договора 1957 года, утверждая, что включение правил конкуренции было не просто экономическим решением, но и политической стратегией, направленной на содействие единству среди государств-членов через общие принципы рынка. Эта перспектива критически важна для понимания многогранных целей, стоящих за основным договором ЕЭС.

Положения о конкуренции Римского Договора значительны по нескольким причинам:

1) обширная сфера действия. В отличие от Договора ЕОУС, который был сосредоточен конкретно на угле и стали, Римский Договор 1957 г. применял свои правила конкуренции уже ко всем экономическим секторам, отражая более широкую приверженность созданию и поддержанию конкурентного рынка на всем ЕЭС.

---

[34] Gerber, D.J. (1998) Law and Competition in Twentieth Century Europe: Protecting Prometheus (Oxford: Clarendon Press).

2) правоприменение и регулирование. Договор установил механизмы правоприменения этих правил конкуренции, включая роль Европейской комиссии и Суда Европейского Союза в мониторинге соблюдения и разрешении споров.

3) основа для будущего развития. Принципы, заложенные в Римском Договоре 1957 года, продолжили служить основой для всех последующих разработок в законодательстве ЕС о конкуренции. Они были уточнены и расширены через принятие последующих договоров, различные регулирования и судебную практику. Все это стало следствием адаптации к сложностям растущей и более интегрированной экономики ЕС.

Другими словами, положения о конкуренции в Римском Договоре оказали решающей влияние при создании правовых и регуляторных механизмов, которые обеспечивали честную конкуренцию на всей территории ЕЭС. Эти механизмы со временем эволюционировали, но основа осталась укорененной в принципах, установленных Римским Договором и продолжила влиять на экономическую политику и стратегии рынка того образования, коим теперь является Европейский Союзе.

Однако, несмотря на существенный прорыв по тем временам, положения Римского Договора 1957 года, в сфере конкуренции были сформулированы в общих чертах, что требовало обширного толкования и уточнения. Первые годы ЕЭС были отмечены постепенным процессом правового и политического развития, направленного на определение объема и применения правил конкуренции. В. Корах [35] отмечает, что Комиссия и Суд Европейского Союза (СЕС) сыграли ключевую роль в этом процессе, толкуя положения договора таким образом, чтобы они отвечали возникающим вызовам интеграции рынка.

Римский Договор, подписанный в 1957 году, провел значительное расширение сферы европейской интеграции за пределы угольной и сталелитейной промышленности, которые рассматривались в Договоре ЕОУС. Он заложил основу для того, что в конечном итоге стало Европейским союзом. Положения о

[35] Korah, V. (2004). An Introductory Guide to EC Competition Law and Practice (9th ed.). Oxford: Hart Publishing.

конкуренции в Римском Договоре были фундаментальными в части создании надежной правовой основы для регулирования конкуренции в более широком экономическом контексте ЕЭС, охватывая все секторы, а не конкретные отрасли. Основными положениями о конкуренции, отраженные в Римском Договоре стали статьи 85 и 86.

Статьи 85 и 86 Договора (ныне статьи 101 и 102 ДФЕС) ввели первоначальные правила против антиконкурентных соглашений и злоупотреблений доминирующим положением, отражая фундаментальную приверженность сохранению конкуренции на рынке как средства достижения экономической интеграции и процветания среди государств-членов.

Статья 85 (ныне статья 101 ДФЕС) сыграла ключевую роль в формировании политики ЕС в области конкуренции. В данной статье содержится запрет на все соглашения между предприятиями, решения ассоциаций предприятий и согласованные практики, которые могут повлиять на торговлю между государствами-членами и имеют целью или результатом предотвращение, ограничение или искажение конкуренции на общем рынке. Это включает:

- фиксирование цен и разделение рынка. Явные запреты на картельное поведение, такое как фиксирование цен, ограничения производства, разделение рынка и другие подобные действия, которые напрямую манипулируют динамикой рынка.

Положение данной статьи очерчивают условия, при которых эти поведения будут считаться ограничивающими конкуренцию, фактически устанавливая основу для оценки антиконкурентных практик. Но есть и исключения: статья 85(3) предусматривала возможность исключений, если соглашения способствуют улучшению производства или распределения или содействуют техническому или экономическому прогрессу, позволяя потребителям получать справедливую долю от результата.

Другим центральным звеном законодательства о конкуренции в Европейском Союзе является статья 86 Римского Договора (ныне статья 102 ДФЕС). Данная статья дополняет статью 85, нацеливаясь на антиконкурентные практики,

осуществляемые одним или несколькими предприятиями при занятии доминирующего положения на общем рынке или его значительной части, при условии, что это может повлиять на торговлю между государствами-членами. Это включает в себя:

- злоупотребление доминирующим положением. Статья указывает, что любое злоупотребление одним или несколькими предприятиями доминирующим положением на общем рынке или в его значительной части, запрещено как несовместимое с общим рынком. Такое злоупотребление может включать непосредственное или косвенное наложение несправедливых закупочных или продажных цен, ограничение производства, рынков или технического развития в ущерб потребителям и другие подобные практики.

Отдельного внимания стоит статья 87 Римского Договора 1957 года (ныне статья 107 ДФЕС). Статья 87 касается государственной помощи, указывая, что любая помощь, предоставленная государством-членом или за счет государственных ресурсов в любой форме, которая искажает или угрожает исказить конкуренцию, включая «послабления» для определенных предприятий или производство определенных товаров, будет считаться несовместимой с общим рынком, поскольку это влияет на торговлю между государствами-членами. Это положение нацелено на государственные вмешательства, которые могут исказить конкуренцию, такие как субсидии или налоговые льготы для конкретных компаний или отраслей.

Весьма важная Доктрина «прямого действия» была установлена в знаковом деле van Gend & Loos (1963 год)[36], где Суд Европейского Союза (CEC) постановил, что законодательство ЕС может быть непосредственно применено гражданами стран ЕС, при условии, что закон является ясным, точным, безусловным и не требует дополнительных действий со стороны европейских или национальных властей. В области конкурентного права эта доктрина имеет ключевое значение, поскольку позволяет предприятиям и частным лицам напрямую ссылаться на

[36] ECJ Case 26/62, NV Algemene Transport- en Expeditie Onderneming van Gend & Loos v Netherlands Inland Revenue Administration.

европейские конкурентное право (например, статьи 101 и 102 ДФЕС) в национальных судах. Это уполномочивает их искать средства правовой защиты против других бизнесов или субъектов, нарушающих конкурентное право ЕС.

В свою очередь «концепция предприятия» фундаментальна для применения правил ЕС о конкуренции. Она охватывает любое предприятие, занимающееся экономической деятельностью, независимо от юридического статуса сущности и способа её финансирования. Это широкое определение гарантирует применение законов ЕС о конкуренции к широкому кругу участников, включая компании, фирмы, корпорации, тресты и ассоциации, занимающиеся коммерческой деятельностью. Эта концепция используется для определения круга субъектов, подпадающих под действие законов о конкуренции, в отношении запрещенных соглашений, решений ассоциаций предприятий и согласованных практик, которые могут исказить рынок. Она также используется для определения злоупотребления доминирующим положением и контроля за слияниями. Обе концепции играют ключевую роль в правовой системе конкурентного права Европейского Союза.

Сложности поведения субъектов на рынке и антиконкурентные практики, возникшие с расширением внутреннего рынка ЕЭС, требовали тонкого подхода к политике в области конкуренции. Т. Аккерман [37] подчеркивает, как знаковые решения СЕС в делах, таких как Consten и Grundig (1966) [38] и Continental Can (1973)[39], значительно сформировали понимание и применение законодательства о конкуренции, установив ключевые принципы, такие как «доктрина прямого действия» и «концепция предприятия». При этом в «доктрине прямого действия» под прямым действием понимается принцип в праве ЕС, позволяющий физическим и юридическим лицам напрямую опираться на законодательство

[37] Ackermann, T. (2010). The ECJ's Fundamental Approach Towards the Protection of Competition: From Continental Can to Cartes Bancaires and Beyond. Common Market Law Review, 47(3), 787-812.
[38] ECJ, Case 56/65, Consten SARL and Grundig-Verkaufs-GmbH v Commission of the EC, [1966] ECR 299.
[39] ECJ, Case 6/72, Europemballage Corporation and Continental Can Company Inc. v Commission of the EC, [1973] ECR 215.

Европы для защиты своих интересов в судах государств-членов. Этот принцип особенно важен в контексте законодательства ЕС о конкуренции, цель которого — поддержание справедливой конкуренции на внутреннем рынке. Также необходимо отметить такое знаковое дело как: United Brands v. Commission (1978). [40] Данный прецедент установил важные критерии для определения доминирующего положения компании и случаев его злоупотребления, включая рыночную силу, ценообразование и дискриминационные практики. Еще одним значимым делом является Дело Michelin v. Commission (1983) [41], в котором Michelin было признано виновным в злоупотреблении доминирующим положением на рынке шин для грузовиков в Нидерландах из-за системы скидок, которая препятствовала конкуренции. Данный прецедент подтвердил, что системы скидок и бонусов могут рассматриваться как злоупотребление доминирующим положением, если они создают барьеры для конкуренции. Необходимо отметить, что это далеко не все значимые дела и концепции, оказавшие влияние на развитие института запрета индивидуальных антиконкурентных действий в праве ЕС, поскольку некоторые из них будут более подробно рассмотрены в параграфе 2.2. настоящей работы.

Следующим важным законодательным шагом стал Маастрихтский Договор[42], официально известный как Договор о Европейском союзе, подписанный в 1992 году, значительно продвинул европейскую интеграцию, но не ввёл совсем новые существенные положения, специфические для законодательства о конкуренции. Он в первую очередь сосредоточился на создании Европейского союза с новой структурой и расширенными компетенциями в различных областях, включая введение европейского гражданства, создание экономического и валютного союза (ЭВС), а также столпы политики ЕС, включая общую внешнюю политику и политику безопасности и политику в области правосудия и внутренних дел. Хотя

---

[40] Case 27/76, United Brands Company and United Brands Continentaal BV v Commission of the European Communities, [1978] ECR 207.

[41] Case NV Nederlandsche Banden Industrie Michelin v Commission of the European Communities. - Abuse of a dominant position - Discounts on tyre purchases. - Case 322/81.

[42] Treaty on European Union, OJ C 191, 29.7.1992, p. 1–112

данный договор значительно повлиял на экономический ландшафт ЕС, особенно из-за создания Экономического и Валютного союза и критериев сближения для введения евро, сам договор не внёс изменений в основные положения законодательства о конкуренции, заложенные в Римском Договоре и затем интегрированные в Договор о функционировании Европейского союза (ДФЕС).

Третий этап (2001 – 2010 гг.). Следующим шагом стало подписание Ниццкого Договора (2001),[43] который, был в первую очередь сосредоточен на институциональной реформе в преддверии, так называемого «восточного» расширения Европейского Союза и интеграции новых государств-членов. Основная цель договора заключалась в корректировке состава Европейской комиссии, перераспределении голосов в Совете Европейского Союза и расширении использования квалифицированного большинства для упрощения процессов принятия решений. Хотя эти реформы были значительными для управления ЕС, Ниццкий Договор не вносил прямых существенных изменений или новых положений, специально нацеленных на существующее законодательство о конкуренции. Вместе с тем, данным договором закреплялись важнейшие институциональные реформы, что также относится к сфере конкурентного права:

- Совет Европейского Союза. Ниццкий Договор пересмотрел распределение голосов в Совете, что повлияло на то, как могли приниматься решения, включая те, что связаны с политикой конкуренции. Это было важно для обеспечения эффективной работы расширенного ЕС без застоя в виду необходимости единогласия по различным вопросам.

- Европейская комиссия. Договор установил правила для реорганизации Комиссии, центрального органа по принуждению законодательства ЕС о конкуренции. Корректировки, направленные на то, чтобы сделать Комиссию более управляемой и эффективной, могли косвенно повлиять на то, как администрировались и применялись политики конкуренции.

---

[43] Treaty of Nice amending the Treaty on European Union, the Treaties establishing the European Communities and certain related acts, OJ C 80, 10.3.2001, p. 1–87.

Другим существенным фактором, влияющим на сферу конкуренции стало расширение квалифицированного большинства. Расширяя использование квалифицированного большинства, Ниццкий Договор стремился сделать процесс принятия решений в Совете более эффективным, включая области, связанные с единым рынком и политикой конкуренции, хотя конкретные изменения в законодательстве о конкуренции как таковом не были частью договора.

Подводя итог, следует отметить тот факт, что хотя Ниццкий Договор не вносил прямых изменений в законодательство о конкуренции, институциональные реформы и изменения в процессах принятия решений имели косвенные последствия для того, как планировались и реализовывались политики и действия в области конкуренции на территории всего Европейского Союза. Например, более эффективное принятие решений могло облегчить более быстрые и потенциально более согласованные ответы на вызовы, возникающие в сфере конкурентного права ЕС. Таким образом, хотя принятие Ниццкого Договора стало ключевым моментом для политического и институционального развития ЕС, его прямое воздействие на существенные аспекты законодательства ЕС о конкуренции было минимальным.

Важнейшая реформа была проведена Регламентом (ЕС) № 1/2003 [44] , принятым в 2004 году. Данный Регламент стал важной реформой в области конкурентного права ЕС, заменив прежний Регламент № 17 [45]и изменив подход к применению статей 101 и 102 Договора о функционировании Европейского Союза (ДФЕС). Одним из ключевых изменений стала децентрализация антимонопольного регулирования, которая обозначила процесс «обратного делегирования полномочий». Это означало, что национальные антимонопольные органы (NCA) и национальные суды теперь получили полномочия на применение статей 101 и 102 ДФЕС наравне с Европейской комиссией.

---

[44] European Council, 2003. Council Regulation (EC) No 1/2003 of 16 December 2002 on the implementation of the rules on competition laid down in Articles 81 and 82 of the Treaty (Regulation on the implementation of the competition rules applicable to undertakings).

[45] European Council, 1962. Council Regulation No 17: First Regulation implementing Articles 85 and 86 of the Treaty.

Основные элементы реформы:

1. Децентрализация. Регламент 1/2003 отменил систему уведомлений и предоставил больше полномочий национальным органам в сфере конкуренции. Теперь компании больше не обязаны подавать в Европейскую комиссию уведомления о соглашениях, которые могут подпадать под действие статьи 101 ДФЕС.

2. Прямая ответственность национальных антимонопольных органов. Регламент дал национальным антимонопольным органам право и обязанность расследовать и применять статьи 101 и 102 ДФЕС «на местах», то есть самостоятельно. Это уменьшило нагрузку на Комиссию, позволив более эффективно бороться с антиконкурентными действиями на местном уровне.

3. Процессуальные полномочия. Комиссия получила расширенные полномочия по проведению расследований, включая возможность проводить внезапные проверки [46], требовать информацию, допрашивать представителей компаний и накладывать санкции.

4. Прямое действие статьи 101(3) ДФЕС. В соответствии с данным Регламентом компании могут сами оценивать свои соглашения на соответствие этой статье, без необходимости предварительного уведомления или разрешения от Европейской комиссии. Это позволило компаниям самостоятельно проверять, приносят ли их соглашения значительные выгоды для рынка, такие как повышение эффективности или улучшение качества продукции. Если такие выгоды перевешивают антиконкурентные эффекты, соглашения могут быть законными согласно статье 101(3).

Регламент 1/2003 способствовал ускорению и улучшению правоприменения в сфере конкуренции. Он сделал систему более гибкой, снизив бюрократические барьеры, и привел к более эффективной координации между Европейской комиссией и национальными антимонопольными органами. Эта реформа обеспечила более активное участие стран-членов ЕС в борьбе с

[46] Так называемые «dawn raids».

антиконкурентными практиками, сохраняя при этом надзор и координацию со стороны Европейской комиссии.

Таким образом, реформа, введенная Регламентом 1/2003, оказала существенное влияние на развитие института запрета индивидуальных антиконкурентных действий в праве ЕС. Она децентрализовала применение антимонопольного законодательства и предоставила национальным органам и судам более широкие полномочия для самостоятельного реагирования на антиконкурентные практики, что создало основу для более гибкого и быстрого регулирования.

Лиссабонский договор 2007[47] года оказал более значимую роль в вопросах Конкурентного права ЕС. В контексте законодательства ЕС о конкуренции после Римского Договора следующим значительным договором, включающим заметные улучшения в рамках законодательства о конкуренции, стал Договор о функционировании Европейского Союза (ДФЕС), который был частью Договора Лиссабона 2007 года и вступил в силу в 2009 году. Договор Лиссабона не вводил новый набор правил конкуренции, а перенумеровывал и консолидировал существующие положения Договора ЕС, уточняя и рационализируя правовую рамку. Основные изменения и улучшения в Договоре Лиссабона (ДФЕС):

- в Договоре о функционировании Европейского Союза (ДФЕС) исключительная компетенция Европейского Союза изложена в статье 3. Статья 3 ДФЕС определяет области, в которых только Союз может принимать законодательные акты и заключать международные соглашения, а государства-члены, в свою очередь, лишены возможности осуществлять свои собственные законодательные и регулирующие функции в этих областях, а именно в пункте 3.1. b) содержится очень важное положение, относящееся ко всей сфере конкурентного права Европейского Союза, которое звучит следующим образом:

[47] Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community, signed at Lisbon, 13 December 2007, OJ C 306, 17.12.2007, p. 1–271.

«установление правил конкуренции, необходимых для функционирования внутреннего рынка»;[48]

- перенумерация и консолидация. Статьи 81 и 82 Договора ЕС, касающиеся законодательства о конкуренции, были перенумерованы в статьи 101 и 102 ДФЕС. Это было частью более широких усилий по повышению согласованности и доступности договоров;

- укрепление правил относительно государственных предприятий и услуг общего экономического интереса;

- включены конкретные положения (теперь в статье 106 ДФЕС) относительно государственных предприятий и услуг общего экономического интереса. Эти положения уточнили, как правила конкуренции применяются к государственным предприятиям и услугам, предоставляемым в общественных интересах, сбалансировав рыночную конкуренцию с необходимостью предоставления общественных услуг;

- регулирование слияний. Хотя Лиссабонский договор напрямую не изменял Регламент ЕС о слияниях (Регламент Совета (ЕС) № 139/2004),[49] который является важным компонентом законодательства ЕС о конкуренции, он продолжал эффективно интегрироваться и применяться в рамках ДФЕС. Этот Регламент предоставляет процедурную базу для контроля за слияниями и поглощениями компаний, имеющих определенный оборот в ЕС, обеспечивая, чтобы такие консолидации не препятствовали эффективной конкуренции;

- уточнение роли Европейской сети конкуренции (ECN). Данный договор помог закрепить роль и операции Европейской сети конкуренции, которая включает сотрудничество между Европейской комиссией и национальными конкурентными властями государств-членов для обеспечения последовательного

---

[48] Кашкин С.Ю., Четвериков А.О. Европейский союз: Основополагающие акты в редакции Лиссабонского договора с комментариями. — Подготовлено для системы КонсультантПлюс, 2007.URL:https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/kashkin_su_chetverikov_ao_evropejskij_sojuz_osnovopolagajushhie_akty_v_redakcii_lissabonskogo_dogovora_s_kommentarijami/ (дата обращения: 23.09.2024).

[49] Council Regulation (EC) No 139/2004 of 20 January 2004 on the control of concentrations between undertakings (the EC Merger Regulation) (Text with EEA relevance), OJ L 24, 29.1.2004, p. 1–22.

применения законодательства ЕС о конкуренции. Эта сеть играет ключевую роль в случаях, когда возникают трансграничные вопросы и когда требуется координация местных действий по правоприменению;

- введение более детализированных регламентов и директив. Европейская комиссия получила более четкий мандат на издание регламентов и директив, которые уточняют применение положений ДФЕС о конкуренции. Это включает области, такие как действия по антитрестовым ущербам, где ЕС стремился гармонизировать подходы между государствами-членами для облегчения компенсации жертвам нарушений законодательства ЕС о конкуренции;

- усиленное глобальное воздействие. Консолидируя область правоприменения, данный договор также укрепил роль ЕС в глобальном экономическом управлении, особенно в области правоприменения законодательства о конкуренции. Эта усиленная роль критически важна при решении вопросов, связанных с транснациональными корпорациями и крупными слияниями или антимонопольными делами, имеющими значительные международные последствия.

Таким образом, Лиссабонский договор в первую очередь упростил и уточнил положения законодательства ЕС о конкуренции, не внося фундаментальных изменений. Он предоставил более надежную опору для обеспечения того, чтобы конкуренция на внутреннем рынке не была искажена. Реструктуризация и перенумерация были частью более широких усилий по упрощению и повышению прозрачности текстов законодательства ЕС, делая их более доступными и понятными как для юристов, так и для общественности. Это имеет значение для того, насколько эффективно законодательство о конкуренции может быть преподано, понято, практиковано и применено по всему Европейскому Союзу.

Четвертый этап (2010 г. – настоящее время). Этот этап состоит из двух фаз: Первая (подготовительная) охватывает период 2010 – 2017 г. и заключается в развитии процессов адаптации антимонопольных законов и политик. В этот период Европейский Союз активно адаптировал свои антимонопольные законы и

подходы к регулированию с учетом особенностей цифровых рынков и компаний. Это включало в себя следующее:

1. Обновление законодательной базы. Введение изменений в антимонопольное законодательство с учетом специфики цифровых технологий и рынков. Европейская комиссия пересматривала существующие правила и положения для обеспечения их актуальности в условиях стремительного роста и влияния цифровых платформ.

2. Исследования и анализ цифровых рынков**.** Проведение обширных исследований, таких как, например, секторальное исследование по электронной коммерции, завершенное в 2017 году. Это исследование выявило препятствия для конкуренции, вызванные определенными практиками цифровых платформ и торговых площадок.

3. Обучение и информирование. Увеличение осведомленности о проблемах конкуренции в цифровом секторе среди государственных органов и заинтересованных сторон через проведение семинаров, конференций и публикацию аналитических отчетов.

Вторая (активная) фаза началась в 2017 г., продолжается и по сей день и заключается в вынесении конкретных судебных решений, предусматривающих штрафы, а также принятии нового европейского законодательства в рассматриваемой сфере. В этот период Европейская комиссия приняла ряд ключевых решений, направленных на регулирование поведения крупных цифровых компаний и обеспечение справедливой конкуренции.

Среди таких судебных решений выделяется особенно Дело Google (2017)[50]. В июне 2017 года Европейская комиссия оштрафовала Google на 2,42 миллиарда евро за злоупотребление доминирующим положением на рынке поиска. Google было признано виновным в предоставлении незаконного преимущества своему сервису сравнения цен, что ущемляло интересы конкурентов и потребителей. Впоследствии Европейская комиссия продолжила рассмотрение дел против

[50] Google LLC v. Commission, Case T-612/17, Judgment of the General Court (Grand Chamber) of 10 November 2021.

других крупных технологических компаний, таких как Amazon, Apple и Facebook, за различные нарушения антимонопольного законодательства (данные дела будут рассмотрены более подробно в других разделах настоящей диссертации).

Среди новых законодательных актов ЕС, принятых в современный период, особого внимания должны быть удостоены «Акт о цифровых рынках»[51] и «Акт о цифровых услугах».[52] «Акт о цифровых рынках» был принят в сентябре 2022 года после долгого обсуждения в европейских структурах и бизнес-сообществе. Этот Регламент направлен на предотвращение злоупотреблений рыночной властью крупных онлайн-платформ. Он устанавливает строгие правила для «гейткиперов» — компаний, занимающих доминирующее положение на цифровых рынках, чтобы обеспечить справедливую конкуренцию и доступ для других участников рынка. «Акт о цифровых услугах» принят в октябре 2022 года и фокусируется на усилении ответственности и прозрачности онлайн-платформ. Он включает меры по борьбе с нелегальным контентом, защите прав пользователей и обеспечению безопасности цифровых услуг.

Эти законодательные Регламенты направлены на создание справедливых и безопасных условий на цифровых рынках, защищая интересы потребителей и поддерживая конкуренцию. Более подробно данные законодательные акты будут рассмотрены в пункте 1.2. настоящей диссертации.

Развитие законодательства о конкуренции в рамках ЕЭС, а затем и ЕС, нельзя рассматривать в отрыве от более широких трансформаций, влияющих на Европу и глобальную экономику. П. Крейг и Г. де Бурка в своей работе EU Law: Text, Cases, and Materials (7th ed.) [53] подчеркивают воздействие глобализации и технологических инноваций на развитие законодательства о конкуренции,

---

[51] Regulation (EU) 2022/1925 of the European Parliament and of the Council of 14 September 2022 on contestable and fair markets in the digital sector and amending Directives (EU) 2019/1937 and (EU) 2020/1828 (Digital Markets Act) // OJ L 265, 12.10.2022, p. 1–66.

[52] Regulation (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on a Single Market For Digital Services and amending Directive 2000/31/EC (Digital Services Act) // Official Journal L 277. 27.10.2022. P. 1–102.

[53] Craig, P., & de Búrca, G. (2020). EU Law: Text, Cases, and Materials (7th ed.). Oxford: Oxford University Press.

отмечая, как эти факторы порождают новые вызовы, такие как цифровые монополии и трансграничные антиконкурентные практики, требующие адаптивных реакций со стороны институтов ЕС.

Адаптация законодательства ЕС в сфере конкуренции к изменяющейся экономической и технологической среде иллюстрирует динамичный характер развития конкурентного права. Как утверждают А. Джонс и Б. Суфрин: «непрерывное совершенствование политики и законодательства о конкуренции отражает приверженность ЕС поддержанию конкурентоспособного внутреннего рынка на фоне эволюционирующих экономических условий и вызовов[54]».

Историческое развитие законодательства о конкуренции в ЕЭС и его трансформация в всеобъемлющую антимонопольную рамку ЕС свидетельствует о сложном взаимодействии правовых принципов, экономических политик и политических целей. Ученые работы Д. Гербера, В. Кораха, Т. Аккермана, П. Крейга и Г. де Бурка, А. Джонса и Б. Суфрина, среди прочих, предоставляют ценные взгляды на эту эволюцию, подчеркивая сложность создания и поддержания быстрореагирующей на изменяющуюся динамику рыночной конкуренции, правовой системы. Это долгий путь развития отражает более широкую трансформацию Европейского Союза, адаптируясь к вызовам, стоящим перед экономической интеграцией, глобализацией и технологическими инновациями. Институциональная доктрина для запрета антиконкурентных действий складывалась путем принятия ряда законодательных актов, юридических толкований и политических инициатив. В центре этой доктрины стоят статьи 101 и 102 Договора о функционировании Европейского Союза (ДФЕС), которые явно запрещают соглашения между предприятиями, решения ассоциаций предприятий и согласованные практики, которые могут затрагивать торговлю между государствами-членами и предотвращать или ограничивать конкуренцию, а также злоупотребление доминирующим положением на рынке. Эти положения, будучи краткими, открыли пути для обширного правового и

[54] Jones, A., & Sufrin, B. (2019). EU Competition Law: Text, Cases, and Materials (6th ed.). Oxford: Oxford University Press, pp. 24-27.

экономического анализа, приведшего к формированию большого массива судебной практики и доктринального развития, определившего контуры антиконкурентного поведения.

Концептуальные основы подхода ЕС к законодательству о конкуренции глубоко укоренены в экономических теориях поведения на рынке и философских идеалах свободы рынка и суверенитета потребителей. Представление о том, что рынки функционируют наиболее эффективно, когда конкуренция не ограничивается неоправданно, во многом показывает регуляторную позицию ЕС. Однако этот экономический аргумент уравновешивается признанием необходимости регуляторного вмешательства для исправления «сбоев» на рынке, защиты интересов потребителей и обеспечения честной конкуренции. Этот баланс отражен в двойных целях законодательства о конкуренции: предотвратить антиконкурентные практики, вредящие динамике рынка и благосостоянию потребителей, и способствовать культуре честной конкуренции среди предприятий. Правовое определение и категоризация антиконкурентных действий эволюционировали в ответ на изменяющиеся рыночные условия и экономическое понимание. Ранние толкования сосредоточивались на ясных случаях сговора и злоупотребления доминирующим положением, таких как установление цен, ограничение выпуска и разделение рынка. Однако по мере того, как становились очевидными сложность рыночных транзакций и стратегии, используемые предприятиями для обхода конкурентных ограничений, область того, что считается антиконкурентными действиями, расширилась. Это расширение требовало более тонкого понимания динамики рынка, включая выводы из экономики промышленной организации, поведенческой экономики и других смежных областей. Правовая доктрина ЕС теперь охватывает разнообразный спектр практик, от хищнического ценообразования до эксклюзивных сделок, связывающих соглашений и далее, отражая многогранную природу конкуренции и рыночной власти.

Развитие законодательства ЕС о конкуренции, особенно запрет индивидуальных антиконкурентных действий, также иллюстрирует

взаимодействие между правовыми нормами и экономическими парадигмами. Интеграция экономического анализа в правовом поле, проиллюстрированная «более экономическим подходом», обогатила применение и толкование законов о конкуренции. Этот подход подчеркивает эффекты деловых практик на конкуренцию на рынке и благосостояние потребителей, направляя оценку антиконкурентного поведения и формулировку правовых и политических ответов.

Кроме того, институциональная архитектура по применению законодательства о конкуренции внутри ЕС, включая Европейскую комиссию, Суд Европейского Союза и национальные антимонопольные органы государств-членов, подчеркивает многоуровневую структуру управления, характерную для правовой системы ЕС. Роли и взаимодействия этих институтов в применении и толковании законов о конкуренции отражают сложность и разнообразие правового ландшафта ЕС, подчеркивая важность согласованности и последовательности в применении конкурентного права.

По мере развития Европейского Союза его подход к регулированию конкуренции также эволюционирует. Цифровая эра, глобализация и возникающие экономические парадигмы ставят новые вызовы и возможности для политики в области конкуренции. Продолжающееся уточнение правовой системы, регулирующей антиконкурентные действия, на основе судебных толкований, законодательных поправок и политических дебатов, демонстрирует динамичный характер законодательства ЕС. Эта адаптивность имеет решающее значение для решения новых и сложных форм антиконкурентного поведения, возникающих во все более взаимосвязанной и цифровизированной глобальной экономике.

В заключение, необходимо отметить, что формирование и развитие института запрета индивидуальных антиконкурентных действий в законодательстве ЕС является свидетельством неизменной важности политики конкуренции в правовом и экономическом порядке Европейского Союза. Этот путь, отмеченный законодательными нововведениями, судебными уточнениями и адаптацией политики, отражает приверженность ЕС к созданию среды, где конкуренция процветает, потребители защищены, и рынки остаются открытыми и честными.

1.2. Источники правового регулирования в сфере пресечения индивидуальных антиконкурентных действий в ЕС

В ходе эволюции антимонопольной политики ЕС источники конкурентного права изменялись, создавались и совершенствовались, частично эти процессы были рассмотрены в разделе 1.1. данной диссертации. Поэтому в текущем разделе будет рассмотрена текущая всеобъемлющая правовая структура, установленная Европейским Союзом для регулирования антиконкурентных практик. Понимание этих источников имеет решающее значение для толкования того, как конкурентное право применяется и принудительно исполняется в государствах-членах Европейского Союза. Эти нормативные акты направлены на поддержание целостности рынка, защиту благосостояния потребителей и обеспечение справедливой конкуренции внутри внутреннего рынка.

Источники права Европейского Союза, в том числе конкурентного права, формируют многоуровневую систему, основанную на принципах иерархии и взаимосвязанности. Эта система обеспечивает единообразное регулирование и защиту конкуренции на внутреннем рынке ЕС и выглядит следующим образом:

1. Первичное право ЕС. Первичное право является основой правовой системы ЕС и включает учредительные договоры, которые регулируют деятельность Союза. Основными документами являются Договор о Европейском Союзе (ДЕС) и Договор о функционировании Европейского Союза (ДФЕС). Эти договоры устанавливают базовые принципы конкурентного права ЕС, включая статьи 101 и 102 ДФЕС, которые определяют запреты на антиконкурентные соглашения и злоупотребления доминирующим положением на рынке.

2. Вторичное право ЕС. Вторичное право основано на положениях первичного права и конкретизирует его. В эту категорию входят:

- Регламенты. Акты прямого действия, обязательные для всех государств-членов ЕС без необходимости их имплементации в национальное законодательство.

Директивы. Эти правовые акты устанавливают цели для государств-членов, но оставляют им свободу в выборе способов достижения этих целей. Директивы требуют имплементации в национальные законы. В свою очередь, директивы, в отличие от регламентов, — это законодательные акты, которые устанавливают цели, которые должны быть достигнуты всеми странами ЕС. Однако они оставляют на усмотрение национальных властей решение о том, как имплементировать эти директивы в национальное законодательство. Директивы используются, когда необходимо гармонизировать законы для обеспечения последовательных политических результатов по всему ЕС, оставляя при этом гибкость для местных условий.

Директива – это прежде всего инструмент гармонизации. Э. М. Фокс, и профессор регулирования внешней торговли В. Дж. Деренберг в Нью-Йоркском университете, считают, что директивы имеют ключевое значение для достижения гармонизации внутреннего рынка ЕС. Они предоставляют рамки, в которых государства-члены могут адаптировать свои законы для достижения общих европейских целей, учитывая национальные особенности: «Директивы служат критическим мостом между едиными целями ЕС и национальным правовым разнообразием, позволяя государствам-членам адаптировать реализацию к местным условиям» [55].

Дж. Монти, профессор, специализирующийся на конкурентном праве, обсуждает гибкость, которую директивы предоставляют, позволяя государствам-членам учитывать местные экономические контексты и правовые традиции при их внедрении. Однако эта гибкость иногда может привести к фрагментированному применению по всему ЕС, потенциально подрывая согласованность единого рынка. Дж. Монти пишет: «хотя директивы позволяют проявить гибкость и адаптацию к местным условиям, они также несут риск создания

[55] Fox, Eleanor M. «EU Directives: Harmonization Achievements and Challenges.» European Law Journal, Vol. 25, No. 1, 2019, pp. 57-75.

фрагментированного регуляторного ландшафта, если они не реализуются согласованно.» [56]

Э. Джонс, профессор права в Королевском колледже Лондона, подчеркивает вызовы при реализации директив, отмечая, что различия в административных способностях и правовых культурах среди государств-членов могут привести к задержкам и несоответствиям при имплементации директив ЕС в национальное законодательство: «эффективная имплементация директив во многом зависит от административной и правовой способности государств-членов, которая может значительно различаться, оказывая влияние на единообразие применения законодательства ЕС.» [57]

Актуальный пример в сфере конкурентного права может касаться директив, которые регулируют определенные аспекты нормативного соответствия для рынков с существенными национальными различиями, таких как цифровые услуги или энергетические рынки. Эти директивы требуют от государств-членов не только адаптации их законодательства таким образом, чтобы они соответствовали целям на уровне всего ЕС, но и были практичны в рамках их конкретных национальных контекстов.

В общем и целом, Директивы ЕС предназначены для достижения баланса между гармонизацией и необходимой гибкостью для адаптации к национальным особенностям. Они играют ключевую роль в направлении государств-членов к общим регуляторным целям, позволяя при этом вносить корректировки, соответствующие местным условиям. Анализы ученых, таких как Э. М. Фокс, Дж. Монти и Э. Джонс, освещают тонкую природу директив, раскрывая как их стратегическую важность, так и практические вызовы, которые они представляют для достижения согласованного, но гибкого законодательства внутри ЕС. Эти анализы подчеркивают необходимость тщательного планирования, надежных

---

[56] Monti, Giorgio. «The Dynamics of EU Directives and National Level Implementation: Competition Law as a Case Study.» Journal of Common Market Studies, Vol. 34, No. 2, 2019, pp. 243-260.
[57] Jones, Alison. «Challenges in Transposing EU Directives into National Law: The Case of Competition Policy. European Competition Law Review», Vol. 40, No. 4, 2019, pp. 175-190.

административных систем и постоянного диалога между ЕС и его государствами-членами для обеспечения того, чтобы директивы достигали своих целей: гармонизации и эффективного применения законодательства о конкуренции в разнообразных правовых ландшафтах.

- Решения. Эти акты обязательны только для тех, кому они адресованы, будь то государства-члены, компании или физические лица.
- Рекомендации и заключения. Хотя они не имеют обязательной юридической силы, они часто используются для толкования положений права ЕС.

3. Международные соглашения. ЕС заключает международные соглашения с третьими странами и международными организациями. Эти соглашения также имеют обязательную силу и интегрированы в правовую систему ЕС, действуя наравне с первичным и вторичным правом.

4. Судебная практика. Решения Суда Европейского Союза (CJEU) и Общего суда (General Court) играют важную роль в развитии права ЕС. Эти судебные органы интерпретируют положения учредительных договоров и вторичных правовых актов, создавая прецеденты, которые направляют правоприменение.

5. Общие принципы права. Общие принципы права ЕС, разработанные Судом Европейского Союза, также выступают источниками права. Принципы, такие как правовая определенность, пропорциональность и запрет дискриминации, применяются для толкования положений права и обеспечения справедливого правоприменения в ситуациях, где нет конкретных норм.

6. Национальное право государств-членов. Национальные законы могут считаться частью правовой системы ЕС, если они приняты в рамках имплементации директив, однако это не означает, что такие законы автоматически становятся правом ЕС. Национальное право в таких случаях лишь выполняет предписания директив в той мере, в какой это требуется. Примером могут служить нормы в области защиты прав потребителей или охраны окружающей среды, где государства-члены обязаны внедрять установленные ЕС минимальные стандарты, но при этом сохраняют независимость правовой системы.

Кроме того, национальные законы могут регулировать аспекты, не охваченные правом ЕС, но это не превращает их в наднациональное право. Например, в области конкурентного права страны могут вводить дополнительные меры для регулирования своих внутренних рынков, однако эти нормы остаются на уровне национального законодательства и не получают «наднациональный» статус. Важно также учитывать, что в сферах исключительной компетенции ЕС, таких как торговая политика или денежное регулирование, национальные законы могут играть только вспомогательную роль. В остальных же сферах, где компетенции делятся (например, социальная политика или здравоохранение), государства-члены обладают большей самостоятельностью, и их законодательство действует параллельно с правом ЕС, оставаясь частью собственной правовой системы.

Таким образом, источники права ЕС, регулирующие конкуренцию, основаны на взаимосвязи между первичными договорами, вторичными актами, международными соглашениями, судебными прецедентами и общими принципами, что обеспечивает правовую ясность и гармонизацию на уровне всего Европейского Союза. В виду того, что вопрос источников конкурентного права ЕС достаточно объемный и важный, его невозможно вместить в рамках одного параграфа диссертации. Поэтому, в данном параграфе будут рассмотрены только самые основные источники конкурентного права ЕС.

Как пишет в своем учебнике А. Кочоровская: «как и в случае с правом Европейского Союза, основу системы составляют источники первичного и вторичного права, а также источники прецедентного права ЕС, создаваемые решениями Суда ЕС по конкретным делам»[58].

Первичными источниками в сфере конкурентного права ЕС являются учредительные договоры: Договор о Европейском Союзе (ДЕС)[59] и Договор о

[58] Kaczorowska A. European Union law. 2nd edition / Alina Kaczorowska. Published in UK and Simultaneously published in the USA and Canada: Routledge. 2011. P. 199-200.
[59] Treaty on European Union (1992) (Consolidated version 2012) // Official Journal C 326. 26.10.2012. P. 13–390.

функционировании Европейского Союза (ДФЕС).[60] Договор о Европейском Союзе (ДЕС) учреждает ЕС и закрепляет общие принципы его устройства и функционирования.

В контексте конкурентного права ЕС, прежде всего, речь идет о следующих положениях, закрепленных в ДФЕС:

- правила, применимые к предприятиям (статьи 101-106 ДФЕС);

- помощь, предоставляемая предприятиям со стороны государств-членов или за счет их ресурсов (статьи 107-109 ДФЕС).

Краеугольным камнем данной регуляторной системы являются, в частности, статьи 101 и 102 ДФЕС. Статья 101 ДФЕС запрещает картели и другие соглашения, которые могут нарушить конкурентный баланс внутри внутреннего рынка, в то время как статья 102 ДФЕС направлена на борьбу с злоупотреблением доминирующим положением на рынке.

Статьи 101 и 102 Договора о функционировании ЕС тесно связаны между собой. Обе статьи преследуют одну цель — защиту конкурентной среды на внутреннем рынке ЕС, но делают это на разных уровнях. Статья 101 фокусируется на недопущении антиконкурентных соглашений, даже если субъекты не имеют доминирующего положения, концентрируясь при этом на предотвращении картельных и иных форм сговоров. В то время как статья 102 касается именно тех субъектов, которые уже заняли доминирующее положение на рынке. Она ограничивает их действия, препятствующие честной конкуренции и наносящие вред другим участникам рынка.

Таким образом, статьи 101 и 102 вместе формируют двухуровневую систему защиты конкуренции. Статья 101 предотвращает горизонтальные нарушения, включая сговоры между компаниями, тогда как статья 102 обеспечивает контроль за вертикальными нарушениями со стороны доминирующих компаний. Эта система обеспечивает равные условия для всех участников рынка и способствует

[60] Treaty on the Functioning of the European Union (1957) (Consolidated version 2012) // Official Journal C 326. 26.10.2012. P. 47–390.

сохранению динамичной и честной конкурентной среды на территории Европейского Союза.

Помимо этих статей, право дополняется рядом регламентов, директив и руководств, которые уточняют и конкретизируют применение статей Договора. Это обеспечивает адаптацию права ЕС в сфере конкуренции к динамичным экономическим ландшафтам и изменяющимся структурам рынка. Огромною роль также играет и судебная практика.

Изучение этих правовых текстов, дополненное толкованиями ведущих правоведов, обеспечивает всестороннее понимание стратегий, с помощью которых ЕС противодействует антиконкурентным действиям. Этот ситуативный подход не только подчеркивает сложности, присущие современному конкурентному праву, но и выделяет стремление ЕС поддерживать конкурентоспособный и справедливый рыночный порядок.

Необходимо начать рассмотрение источников со статьи 3 Договора о функционировании Европейского союза (ДФЕС), поскольку Статья 3 Договора о функционировании Европейского союза (ДФЕС) является основополагающим элементом правовой системы ЕС, определяющим распределение полномочий между Союзом и государствами-членами в различных сферах. В контексте конкурентного права статья 3 ДФЕС закрепляет исключительную компетенцию ЕС в установлении и применении правил конкуренции, которые необходимы для обеспечения эффективного функционирования внутреннего рынка. Это положение позволяет ЕС разрабатывать единые нормы, регулирующие рыночное поведение на территории всего Европейского союза, что способствует поддержанию равных условий для всех участников рынка.

Одним из важнейших аспектов этого регулирования является контроль за антиконкурентными соглашениями и злоупотреблением доминирующим положением на рынке. Эти действия могут существенно нарушить баланс сил на внутреннем рынке, препятствуя свободной и честной конкуренции. Таким образом, ЕС, используя свои полномочия, разрабатывает и внедряет нормы, которые преследуют целью защиту конкуренции как одного из ключевых элементов

функционирования единого европейского рынка. В свою очередь, это является гарантией того, что государствам-членам запрещено принимать меры, противоречащие общеевропейским конкурентным правилам.

Конкретные направления конкурентного права ЕС охватывают такие ключевые области, как запрет картельных соглашений, которые ведут к ограничению конкуренции, регулирование антиконкурентных слияний и поглощений, а также предотвращение злоупотреблений рыночным положением компаниями, обладающими доминирующим положением. Эти меры, изложенные в статьях 101 и 102 ДФЕС, применяются на практике Европейской комиссией, которая выполняет функции главного антимонопольного регулятора в ЕС. Комиссия имеет право расследовать предполагаемые нарушения, налагать санкции и принимать корректирующие меры для восстановления справедливого рыночного баланса.

Единое антимонопольное регулирование, установленное ЕС, не только защищает конкуренцию, но и служит важным механизмом для предотвращения фрагментации рынка. Если бы каждое государство-член самостоятельно разрабатывало свои конкурентные правила, это могло бы привести к различиям в правоприменении, создавая неравные условия для бизнеса в разных частях ЕС. Таким образом, исключительная компетенция ЕС в области конкуренции позволяет гарантировать единообразие норм и их соблюдение, что способствует созданию благоприятных условий для торговли и инвестиций на внутреннем рынке.

Кроме того, установление единых правил конкуренции играет важную роль в защите прав потребителей. Принятие мер по предотвращению злоупотребления доминирующим положением на рынке помогает избежать ситуаций, когда крупные компании могут диктовать свои условия потребителям, ограничивая выбор товаров и услуг или устанавливая необоснованно высокие цены. В этом контексте конкурентное право ЕС поддерживает не только справедливую рыночную среду для бизнеса, но и защищает интересы граждан.

Важно отметить, что, хотя ЕС обладает исключительной компетенцией в сфере конкурентного права, государства-члены также играют важную роль в правоприменении. Национальные антимонопольные органы государств-членов работают в тесной координации с Европейской комиссией, обеспечивая соблюдение европейских норм на национальном уровне. Такое сотрудничество позволяет эффективно контролировать соблюдение конкурентных правил даже на локальных рынках, что усиливает единое регулирование на уровне Европейского Союза.

Таким образом, статья 3 ДФЕС и связанные с ней положения конкурентного права создают прочную правовую основу для обеспечения честной конкуренции и эффективного функционирования внутреннего рынка ЕС.

Затем, рассмотрение источников необходимо продолжить в статьях 101 и 102 ДФЕС.

Статья 101 ДФЕС запрещает все соглашения между предприятиями, решения ассоциаций предприятий и практики сговора, которые могут повлиять на торговлю между государствами-членами и которые имеют в качестве объекта или результата предотвращение, ограничение или искажение конкуренции внутри внутреннего рынка. Статья формулирует запрет следующим образом: «запрещаются как несовместимые с внутренним рынком все соглашения между предприятиями, решения ассоциаций предприятий и практики сговора, которые могут повлиять на торговлю между государствами-членами и которые по своему объекту или результату предотвращают, ограничивают или искажают конкуренцию внутри внутреннего рынка».

Этот пункт выделяет все формы координации между предприятиями, которые могут нарушить конкуренцию. Типично целевые поведения включают:

- фиксацию цен — прямую координацию цен или уровней цен;

- разделение рынка — соглашения о разделении рынков по регионам или типам клиентов;

- ограничение производства — соглашения об ограничении объемов производства для контроля цен;

- махинацию с торгами — координация предложений на конкурентных тендерах.

Пункт второй статьи 101ДФЕС объявляет любые соглашения или решения, запрещенные в соответствии с первым пунктом данной статьи автоматически недействительными. Запрет «Per Se». [61] Определенные типы соглашений, особенно те, которые включают фиксацию цен, разделение рынков и ограничение объемов производства, считаются вредными сами по себе и не требуют подробного анализа для доказательства их антиконкурентного эффекта.

Р. Уиш и Д. Бейли в своей книге «Competition Law»[62] подробно обсуждают динамику функционирования статьи 102 ДФЕС. Они подчеркивают, что применение этой статьи фундаментально связано с балансировкой необходимости сдерживать антиконкурентное поведение, не угнетая при этом законную деловую активность и инновации. Они выделяют несколько ключевых проблем:

- определение злоупотребления. Р. Уиш и Д. Бейли указывают, что понятие «злоупотребление» не определено законом точно, что приводит к необходимости опираться на судебную практику для толкования. Контекст каждого дела значительно влияет на то, что считается злоупотреблением, делая это правовое поле чрезвычайно тонким.

- контекстуальная природа оценок злоупотреблений. Авторы обсуждают, как различные рыночные обстоятельства могут изменить восприятие того, считается ли конкретное поведение злоупотреблением. Например, агрессивное ценообразование может быть допустимым на конкурентном рынке, но считаться злоупотреблением на рынке, где фирма занимает доминирующее положение.

---

[61] Фраза «запрет per se» (per se prohibition) в юридическом контексте относится к действиям или договорённостям, которые автоматически считаются незаконными, без необходимости доказывать их вред или отрицательные последствия. Это термин обычно используется в антимонопольном праве, где некоторые виды соглашений, например, о ценообразовании или разделении рынков, считаются незаконными «сами по себе», независимо от их фактического воздействия на рынок.

[62] Whish, R., & Bailey, D. (2018). Competition Law (9th ed.). Oxford: Oxford University Press, pp. 57- 69.

Также, Э. Джонс и Б. Суфрин акцентируют внимание на важности учета экономического контекста при применении статьи 102 ДФЕС. Они подчеркивают, что экономический анализ играет ключевую роль в оценке антиконкурентного поведения, поскольку без него трудно оценить реальные последствия действий доминирующих компаний на рынке. В частности, авторы отмечают, что, чтобы определить, является ли поведение фирмы злоупотреблением, необходимо оценить его влияние на структуру и динамику рынка, а также на конечных потребителей.

В своем всестороннем труде «EU Competition Law: Text, Cases, and Materials[63]», Э. Джонс и Б. Суфрин критикуют текущие политики применения по статье 102, особенно подчеркивают:

- необходимость «тонкого рассмотрения». Они утверждают, что экономический контекст предполагаемых злоупотреблений требует более тонкого рассмотрения. Это особенно актуально на быстро развивающихся рынках, таких как цифровые платформы, где традиционные оценки рыночной власти и доминирования могут не применяться напрямую.

- цифровые рынки. Авторы предполагают, что динамичная природа цифровых рынков, где доминирование может быть недолговечным и инновации быстрыми, ставит под сомнение традиционные рамки применения статьи 102 ДФЕС, которые могут потребовать адаптации для эффективного адресации антиконкурентных поведений без препятствий для технологического прогресса.

И. Коккорис и Р. Оливарес-Каминал в своей работе «Antitrust Law Amidst Financial Crises»[64] исследуют, как статья 102 ДФЕС применяется уникально в финансовых рынках, особенно в периоды экономической нестабильности:

- поведение доминирующих фирм во время кризисов. Они обсуждают, как поведение фирм, которые иначе могли бы быть доминирующими, может восприниматься по-разному во время финансовых кризисов. Например, некоторые

---

[63] Jones, A., & Sufrin, B. (2019). EU Competition Law: Text, Cases, and Materials (6th ed.). Oxford: Oxford University Press, pp. 34-41.

[64] Kokkoris, I., & Olivares-Caminal, R. (2010). Antitrust Law Amidst Financial Crises. Cambridge University Press, pp. 79-87.

практики могут быть необходимы для выживания банка или финансового учреждения и, как следствие, критичны для финансовой стабильности.

- регулятивная гибкость. Авторы аргументируют в пользу регулятивной гибкости, которая учитывает более широкие экономические последствия и существенную природу финансовых услуг, предполагая, что во время кризисов обычные правила доминирования могут потребовать адаптации для предотвращения большего экономического ущерба.

Эти научные анализы освещают сложности применения статьи 102 ДФЕС в различных секторах и обстоятельствах. Они подчеркивают важность гибкого, осведомленного о контексте подхода к применению законов о конкуренции, что крайне важно для адресации уникальных вызовов, представляемых различными рыночными динамиками и эволюцией бизнес-процессов.

Статья 102 ДФЕС служит ключевым инструментом в арсенале регулирования ЕС для предотвращения злоупотребления рыночным доминированием. Понимание ее применения требует тщательного анализа как юридических прецедентов, так и экономических последствий. Продолжающиеся дебаты среди ученых, практиков и регуляторов подчеркивают сложность применения этой статьи, особенно в динамичных и инновационных рыночных условиях.

Понимание статей 101 и 102 ДФЕС требует тонкого осознания как правовой рамки, так и экономических теорий, формирующих эту область права. Эти статьи имеют решающее значение для поддержания конкурентных рынков в ЕС, защиты потребителей и обеспечения справедливой конкуренции. Взгляды этих ученых юристов не только обогащают наше понимание, но и подчеркивают динамичный характер законодательства о конкуренции, которое должно адаптироваться к изменениям в рыночных структурах и экономических реалиях.

Отдельно следует упомянуть также статьи 106 и 107 ДФЕС, поскольку они также регулируют различные аспекты, связанные с индивидуальными антиконкурентными действиями.

Статья 106 ДФЕС: Особые или исключительные права предприятий:

1. Общая цель статьи 106 ДФЕС заключается в том, чтобы предотвратить искажение конкуренции на внутреннем рынке ЕС, когда государственные органы предоставляют определённым предприятиям особые или исключительные права. Эти права могут создавать привилегированные условия, ставящие другие компании в неравные условия.
2. Государственные монополии. Согласно статье 106(1), государства-члены обязаны не допускать принятия или сохранения мер, которые создают монополии или исключительные права, если такие меры препятствуют конкуренции. Это касается как государственных предприятий, так и частных компаний с особыми привилегиями.
3. Особые обязательства государства. Государства-члены должны следить за тем, чтобы предприятия с особыми или исключительными правами соблюдали правила конкуренции, установленные в ДФЕС. Комиссия также может вмешиваться в случае нарушения этих правил.
4. Исключительные права и рыночные барьеры. Исключительные права, предоставленные государством, могут создавать барьеры для входа новых участников на рынок. Это происходит, когда доступ к ресурсам или услугам, необходимым для конкуренции, ограничен только для привилегированных компаний.
5. Контроль Европейской комиссией. Статья 106 (3) позволяет Европейской комиссии вмешиваться в деятельность государств-членов и проверять, не создают ли предоставленные исключительные права препятствий для конкуренции. Комиссия может предлагать корректировки или предписывать изменения в законодательстве.
6. Публичные услуги и социальные интересы. При этом статья 106 (2) допускает исключения для предприятий, выполняющих задачи в рамках общественного интереса. Если выполнение этих задач может быть нарушено из-за конкурентных обязательств, допускается временное ограничение конкуренции.

7. Прецеденты и правоприменение. На практике статья 106 использовалась для контроля над государственными монополиями в таких секторах, как энергетика, транспорт и связь. Например, ЕС вмешивался в реформы государственных монополий на рынке электроэнергии, чтобы обеспечить равные условия для частных компаний. Например, так было в деле DEI v. Комиссии (2014) **(**Case C-553/12P). [65] Это важное дело касалось исключительных прав на добычу лигнита [66], предоставленных греческой энергетической компании DEI, что позволило ей удерживать доминирующее положение на рынке электроэнергии Греции. Европейская комиссия заявила, что эти права привели к неравенству возможностей для других участников рынка. Суд подтвердил, что государственные меры, предоставляющие исключительные права и создающие подобные последствия, могут быть признаны нарушением статьи 106 (1) ДФЕС, даже если нет явных признаков злоупотребления. Комиссия обязана устранить такие меры, если они препятствуют конкуренции.

Статья 107 ДФЕС: Государственная помощь:

1. Основная цель статьи 107 ДФЕС заключается в предотвращении предоставления государственной помощи, которая нарушает или может нарушить конкуренцию на внутреннем рынке ЕС. Государственная помощь включает любые меры, финансируемые за счет государственных ресурсов, которые предоставляют избирательные преимущества компаниям или секторам.
2. Запрет на государственную помощь. В статье 107 (1) содержится общее правило, согласно которому любая государственная помощь, которая влияет на торговлю между государствами-членами и искажает конкуренцию,

---

[65] DEI v. Commission, Case C-553/12P, Judgment of the Court (Grand Chamber) of 17 July 2014. Электронный доступ: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A62012CJ0553 (дата обращения 07.09.2024).

[66] Лигнит — это разновидность угля, известная также как бурый уголь. Он представляет собой относительно низкосортный уголь, который содержит меньше углерода и больше влаги по сравнению с каменным углем, что делает его менее эффективным в плане теплоты сгорания.

запрещена. Это правило охватывает различные формы поддержки, включая субсидии, налоговые льготы, займы и гарантии.

3. Исключения из общего запрета. В то же время статья 107 (2) и 107 (3) предусматривают исключения. Например, помощь социального характера, предоставляемая отдельным потребителям, или помощь для ликвидации ущерба от стихийных бедствий может быть допустимой. Комиссия также может одобрить помощь, направленную на развитие отсталых регионов или содействие важным экономическим проектам.
4. Процедура уведомления. Государства-члены обязаны уведомлять Европейскую комиссию о своих намерениях предоставить государственную помощь. Комиссия проводит оценку и решает, соответствует ли помощь условиям статьи 107 ДФЕС. Без одобрения Комиссии помощь считается незаконной.
5. Контроль Комиссии. Европейская комиссия обладает широкими полномочиями по расследованию случаев предоставления государственной помощи. Она может требовать возврата уже предоставленной помощи, если признает её нарушающей конкуренцию. Это особенно важно для создания равных условий для всех компаний на рынке ЕС.
6. Региональная и социальная помощь. Государственная помощь может быть одобрена, если она способствует решению задач общественного интереса, таких как развитие отсталых регионов или поддержка стратегических отраслей экономики, если она не приводит к чрезмерному нарушению конкуренции.
7. Прецеденты и правоприменение. На практике статья 107 использовалась для контроля за масштабными субсидиями в таких отраслях, как сельское хозяйство, авиация и энергетика. Например, Комиссия принимала решения о возврате незаконных субсидий, предоставленных крупным авиакомпаниям, которые получили государственную помощь без должного уведомления. Так, например, было в деле Государственной помощи авиакомпаниям Alitalia

(Case T-319/99).[67] В этом деле Европейская комиссия признала незаконными субсидии, предоставленные итальянскому правительству авиакомпании Alitalia для её спасения, поскольку они нарушали конкуренцию на рынке авиаперевозок. Комиссия постановила, что такая помощь не была оправдана с точки зрения статьи 107 ДФЕС, поскольку она предоставляла Alitalia конкурентное преимущество на внутреннем рынке ЕС.

Статьи 106 и 107 ДФЕС играют немаловажную роль в защите конкурентных условий на внутреннем рынке ЕС. Статья 106 регулирует поведение предприятий с особыми или исключительными правами, не допуская создания государственных монополий, нарушающих конкуренцию. Статья 107 предотвращает предоставление государственной помощи, которая может исказить рынок, обеспечивая равные условия для всех участников. Обе статьи направлены на поддержание честной конкуренции и предотвращение злоупотреблений как со стороны частных компаний, так и со стороны государственных органов, что способствует эффективному функционированию внутреннего рынка ЕС.

Вторая ключевая категория источников конкурентного права Европейского Союза включает в себя **источники вторичного права**. Поскольку защита конкуренции на внутреннем рынке ЕС относится к областям, где Европейский Союз обладает исключительными полномочиями, то основной инструмент регулирования конкуренции представлен в форме регламентов. Регламент в праве ЕС — это нормативно-правовой акт прямого действия**,** который имеет обязательную силу для всех государств-членов и не требует дополнительной имплементации в национальное законодательство. В отличие от директив, которые предоставляют странам-членам определенную свободу в их реализации, регламенты применяются напрямую и одинаково по всему Европейскому Союзу. Таким образом, регламенты являются основным инструментом для создания единых правил и стандартов на всем внутреннем рынке ЕС. Как источник права

[67] Alitalia v. Commission, Case T-319/99, Judgment of the Court of First Instance of 12 December 2000, Электронный ресурс: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A61999TJ0319 (дата обращения 03.09.2024).

ЕС, регламенты играют ключевую роль в обеспечении правовой определенности и единообразия в применении норм, включая правила конкуренции, установленные учредительными договорами. Регламенты ЕС — это законодательные акты, имеющие юридическую силу, которые автоматически и единообразно применяются во всех государствах-членах ЕС без необходимости каких-либо исполнительных мер. Прямое применение Регламентов, таких как Регламент Совета (ЕС) № 1/2003, обеспечивает их немедленное и обязательное действие во всех государствах-членах ЕС без необходимости имплементации в национальные законодательства. Это гарантирует единообразную реализацию правил конкуренции, изложенных в статьях 101 и 102 ДФЕС, на всей территории ЕС. Благодаря их прямому действию, Регламенты имеют приоритет перед национальным законодательством в случае конфликта. Эта особенность критична для поддержания единого правового подхода к политике в области конкуренции, такой как антимонопольное регулирование и контроль за слияниями в рамках внутреннего рынка.

Э. М. Фокс, профессор регулирования внешней торговли в Школе права Нью-Йоркского университета, подчеркивает важность регламентов в обеспечении правовой определенности и единообразия в применении законов по всему ЕС. Она отмечает, что это единообразие необходимо для эффективного применения законодательства в сфере конкуренции, сокращая различия, которые могли бы возникнуть из-за разных национальных толкований: «Регламенты ЕС гарантируют, что основные принципы законодательства о конкуренции применяются единообразно, тем самым повышая правовую определенность и способствуя действительно конкурентному единому рынку»[68].

Д. Жераден, указывает, что несмотря на поддержку общей структуры, предоставляемой Регламентами ЕС, Д. Жераден указывает на проблемы их практического применения. Он утверждает, что, несмотря на их предполагаемое единообразие, реальное применение этих регламентов иногда приводит к

[68] Fox, Eleanor M. «The Modernization of EU Competition Law.» Harvard International Law Journal, Vol. 52, No. 2, 2011, pp. 321-342.

неравномерному исполнению, особенно когда национальные органы по конкуренции трактуют объем этих регламентов по-разному: «хотя регламенты предназначены для единообразного применения, практические вызовы в исполнении в разных правовых системах могут привести к лоскутному применению законодательства о конкуренции.»[69]

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что, регламенты ЕС фундаментальны для гармонизации и эффективного применения законодательства о конкуренции по всему Европейскому Союзу. Будучи прямо применимыми, они обходят национальные законодательные процессы и гарантируют, что все государства-члены придерживаются общего набора правил. Однако мнения ученых, таких как А. Брэдфорд, Э Фокс и Д. Жераден, также подчеркивают сложности, связанные с последовательным применением этих регламентов в разнообразных правовых средах. Эти анализы подчеркивают важность постоянной оценки и возможной корректировки права для устранения любых расхождений в исполнении и толковании, обеспечивая, чтобы законодательство ЕС о конкуренции продолжало функционировать эффективно и справедливо.

Одним из таких важных источников Конкурентного права ЕС является Регламент 1/2003 (Регламент о Модернизации)[70], принятый 16 декабря 2002 года и вступивший в силу с 1 мая 2004 года, Регламент 1/2003 заменил предыдущую систему уведомлений и авторизаций системой правового исключения. По старой системе субъекты должны были уведомлять Европейскую комиссию о любых соглашениях, которые могли ограничивать конкуренцию, ожидая одобрения или исключения по статье 101(3). Регламент 1/2003 отменил это требование, позволяя компаниям самостоятельно оценивать законность своих соглашений и практик в рамках законодательства ЕС о конкуренции.

Основные положения регламента:

---

[69] Geradin, Damien. «Implementing the Framework: Challenges and Opportunities for the EU Competition Law.» Journal of European Competition Law & Practice, Vol. 8, No. 6, 2017, pp. 383-397.
[70] European Council, 2003. Council Regulation (EC) No 1/2003 of 16 December 2002 on the implementation of the rules on competition laid down in Articles 81 and 82 of the Treaty (Regulation on the implementation of the competition rules applicable to undertakings).

А) Прямое применение. Регламент уполномочивает национальные суды и органы по конкуренции прямо применять статьи 101 и 102 ДФЕС. Это значительный сдвиг по сравнению с предыдущей системой, где только Европейская комиссия могла авторитетно применять эти статьи.

Б) Децентрализация. Вводит децентрализованную систему правоприменения, которая включает национальные органы по конкуренции и суды в процесс правоприменения, увеличивая способность и охват правоприменения законодательства о конкуренции по всему ЕС.

В) Механизм сотрудничества. Устанавливает сеть государственных органов (Европейская сеть конкуренции, «ECN»), чтобы обеспечить тесное сотрудничество между национальными органами по конкуренции государств-членов и Европейской комиссией.

Влияние Регламента 1/2003 на эффективность и согласованность правоприменения, прежде всего это повышение эффективности, нашедшее отражение в следующих основных моментах:

- Упрощение процессов. Устранение необходимости в предварительном уведомлении сделало процесс правоприменения быстрее и менее бюрократичным. Теперь субъекты могут действовать с большей юридической уверенностью, не проходя через длительные процессы одобрения.

- Увеличение способности к правоприменению. С уполномочиванием национальных органов на применение законов ЕС о конкуренции, способность к правоприменению значительно увеличилась. Эта децентрализация позволяет более эффективно использовать местные знания и ресурсы для мониторинга и действий против антиконкурентных практик.

- Согласованность в правоприменении. Европейская сеть конкуренции играет ключевую роль в обеспечении согласованности. Она способствует координации и обмену информацией между национальными органами и Комиссией. Эта сеть помогает избежать различий в применении законодательства в сфере конкуренции в разных юрисдикциях.

- Обучение и руководство. Регулярные тренинги и выпуск руководств Европейской комиссией помогают поддерживать единое понимание и применение права. Комиссия также мониторит решения национальных судов и может вмешиваться как «amicus curiae» [71] , чтобы обеспечить согласованную правоприменение. Это юридическая концепция, которая позволяет лицу или организации, не являющемуся стороной в деле, вносить свои замечания или предоставлять своё мнение по вопросу, который рассматривается судом, с целью помочь суду принять более обоснованное решение. Часто «amicus curiae» предоставляет экспертные знания или информацию, которой суд может не обладать, и которая может быть релевантной для рассматриваемого дела.

В контексте европейского права и Регламента 1/2003, Европейская комиссия может выступать в качестве «amicus curiae» в национальных судах государств-членов ЕС. Это позволяет Комиссии предлагать свои интерпретации правил конкуренции, что может помочь обеспечить согласованность в применении антимонопольного законодательства ЕС. Комиссия может вмешиваться в дела, чтобы предоставить судам сведения о применении законодательства в сфере конкуренции или для того, чтобы подчеркнуть важность определённых юридических или экономических аспектов дела.

Регламент 1/2003 значительно модернизировал и улучшил ландшафт правоприменения законодательства ЕС о конкуренции. Путем уполномочивания национальных органов и судов, Регламент расширил возможности правоприменения и направлен на повышение согласованности применения по всему ЕС. Несмотря на то, что остаются вызовы по достижению единообразия, механизмы сотрудничества, установленные Регламентом, в основном успешно способствуют созданию кооперативной среды правоприменения. Этот анализ показывает, что хотя Регламент революционизировал правоприменение законодательства в сфере конкурентного права, постоянные усилия необходимы

[71] С латинского «друг суда».

для устранения различий и обеспечения эффективного функционирования законодательства ЕС о конкуренции во всех государствах-членах.

Еще одним важным источником конкурентного права ЕС является Регламент ЕС о концентрациях (EC No 139/2004) [72] принятый 20 января 2004 года и вступивший в силу с 1 мая 2004 года, Регламент ЕС о концентрациях разработан для регулирования деятельности по консолидации в ЕС, которая может значительно препятствовать эффективной конкуренции. Регламент применяется к «концентрациям», включая слияния и поглощения, когда две или более ранее независимые компании объединяются, или когда одна компания приобретает прямой или косвенный контроль над всеми или частями другой компании.

В эпоху цифровизации важнейшее место в источниках конкурентного права ЕС, занял относительно недавно принятый Регламент ЕС «Акт о цифровых рынках» (Digital Markets Act, DMA [73]) в Европейском Союзе действительно является важным источником конкурентного права. Закон предназначен для регулирования деятельности крупнейших платформ в цифровой экономике, обладающих значительной рыночной мощью, которые классифицируются как «воротники». Он направлен на предотвращение злоупотреблений доминирующим положением на рынке и обеспечение справедливой конкуренции.

«Акт о цифровых рынках» вводит ряд обязательств для этих платформ, например, запрет на некоторые формы самопредпочтение (самопреференции) и более строгий контроль за использованием данных. Цель «Акта о цифровых рынках» — создать более открытые и конкурентные цифровые рынки, что, в свою очередь, должно способствовать инновациям и защите интересов потребителей. Однако, более подробно мы рассмотрим этот источник в 3 пункте 3 главы данной диссертации.

В рамках антимонопольного регулирования Европейская комиссия играет ключевую роль в борьбе с индивидуальными антиконкурентными действиями

---

[72] Council Regulation (EC) No 139/2004 of 20 January 2004 on the control of concentrations between undertakings (the EC Merger Regulation). OJ L 24, 29.1.2004, p. 1–22.
[73] Digital Markets Act: Ensuring Fair and Open Digital Markets, European Commission, 2020.

субъектов на территории Европейского Союза. Комиссия рассматривает различные виды нарушений и принимает решения, направленные на поддержание честной конкуренции на едином рынке Европейского Союза. К основным видам решений Европейской комиссии в области индивидуальных антиконкурентных действий относятся следующие:

1. Решения о признании нарушения (Infringement decisions). Европейская комиссия может вынести решение, официально установив, что компания нарушила статьи 101 или 102 Договора о функционировании Европейского союза (ДФЕС). Статья 101 касается антиконкурентных соглашений, таких как картели, а статья 102 регулирует злоупотребление доминирующим положением на рынке. В подобных решениях Комиссия может наложить штрафы на компании, которые могут достигать до 10% от их мирового годового оборота, а также предписать меры по устранению последствий нарушения.
2. Запретительные предписания (Cease-and-desist orders). В случае выявления антиконкурентных действий, Европейская комиссия может предписать компаниям немедленно прекратить незаконную деятельность. Это могут быть такие действия, как ценовая дискриминация, отказ в доступе к важным ресурсам или товары, либо искусственное создание барьеров для входа на рынок новых участников. Комиссия выносит такие предписания для восстановления конкуренции и защиты потребителей.
3. Решения о наложении штрафов и санкций (Fines and penalties decisions). Европейская комиссия имеет право налагать значительные штрафы на компании за нарушение антимонопольного законодательства ЕС. Штрафы призваны наказать нарушителей и предотвратить повторные нарушения в будущем. Размер штрафов может зависеть от тяжести и продолжительности нарушения, а также от масштаба его воздействия на рынок. Примеры крупных штрафов включают многомиллиардные санкции против компаний,

таких как Google[74], Microsoft[75] и Intel[76] за злоупотребление доминирующим положением.

4. Решения об обязательствах (коммитментах - Commitment decisions). Этот вид решений позволяет Европейской комиссии разрешить антимонопольное расследование без формального установления нарушения, если компания добровольно предлагает меры для устранения проблем, выявленных в ходе расследования. Эти обязательства становятся обязательными для исполнения, и, если Комиссия сочтет их подходящими, расследование может быть закрыто. Примером таких решений является дело против компании Amazon[77], которая предложила меры по изменению своих рыночных практик для снятия обеспокоенности Комиссии.
5. Временные меры (Interim measures decisions). В тех случаях, когда существует угроза немедленного и серьезного ущерба конкуренции или потребителям, Европейская комиссия может принять решение о временных мерах. Эти меры призваны приостановить антиконкурентные действия до завершения основного расследования. Временные меры особенно актуальны в ситуациях, когда промедление может привести к необратимому ущербу для рынка.
6. Решения о закрытии расследования или отказе от вмешательства (Decisions of closure or non-intervention). Европейская комиссия может решить прекратить расследование, если не нашла достаточных доказательств нарушения или, если проблема была решена без официального вмешательства. Такие решения принимаются, когда компания добровольно меняет свою рыночную стратегию или при отсутствии серьезных последствий для рынка.

---

[74] Google LLC v. Commission, Case T-612/17, Judgment of the General Court (Grand Chamber) of 10 November 2021.
[75]Microsoft Corp v Commission, Case T-201/04, of the European Communities, [2007] ECR II-3601.
[76]Intel Corp. v Commission, Case T-286/09, of the European Communities, [2014] ECR II-0755.
[77] Amazon.com, Inc. v. Commission, Case AT.40462, Decision of the European Commission of 10 November 2020.

Таким образом, «Акт о цифровых рынках» стал важным источником конкурентного права ЕС, направленным на регулирование деятельности крупнейших цифровых платформ («вратарей»). Его цель — предотвращение злоупотреблений доминирующим положением и обеспечение справедливой конкуренции на цифровых рынках. Введение обязательных правил для таких платформ, например, запрет на самопредпочтение и контроль за использованием данных, помогает создать более открытые и конкурентные условия, способствующие инновациям и защите потребителей.

Говоря про так называемые «Цифровые Регламенты» обязательно необходимо упомянуть про «Акт о цифровых услугах» Digital Services Act (DSA)[78] — это новый Регламент ЕС, принятый в 2022 году и направленный на установление новых правил регулирования цифровых сервисов. Регламент «Акт о цифровых услугах» является частью более широкой стратегии Евросоюза по регулированию цифровой экономики наряду с Регламентом «Акт о цифровых рынках» и включает правила, направленные на защиту прав пользователей, прозрачность алгоритмов и борьбу с незаконным контентом. Проанализировав «Акт о цифровых услугах» можно выделить основные цели, преследуемые данным Регламентом:

1. Защита прав пользователей. Направлен на обеспечение безопасности и защиты прав пользователей цифровых услуг, что особенно важно на фоне роста масштабов использования интернет-платформ.
2. Ответственность онлайн-платформ. Платформы, такие как социальные сети, маркетплейсы и поисковые системы, обязаны более активно бороться с незаконным контентом, предоставлять прозрачные алгоритмы и улучшать защиту данных пользователей.
3. Борьба с незаконным контентом. Вводит строгие требования к платформам в отношении удаления незаконного контента, включая ненавистнические высказывания, дезинформацию, поддельные товары и нарушение

[78] Digital Services Act: Ensuring a Safe and Accountable Online Environment, European Commission, 2022.

интеллектуальных прав. Платформы должны обеспечивать прозрачные процедуры обработки жалоб и принятия решений по удалению контента.

Основные положения Регламента «Акт о цифровых услугах»:

1. Разделение платформ на категории.

   1) Очень крупные онлайн-платформы (Very Large Online Platforms, VLOPs[79]). К таким платформам относятся компании с более чем 45 миллионами пользователей в ЕС. Такие платформы подпадают под самые строгие требованиям в рамках данного Регламента, включая обязательства по оценке рисков их деятельности для общественного блага и прозрачности работы алгоритмов.

   2) Малые и средние платформы. Для них требования будут менее строгими, но они также обязаны соблюдать ключевые принципы данного Регламента.

2. Прозрачность алгоритмов. Регламент требует от платформ раскрытия информации о том, как работают их алгоритмы. Это касается механизмов, которые управляют рекомендациями контента, рекламой и модерацией. Прозрачность алгоритмов необходима для защиты пользователей от дискриминации, манипуляций или злоупотреблений, связанных с данными.
3. Контроль и оценка рисков. Очень крупные онлайн-платформы должны регулярно проводить оценку рисков, связанных с их деятельностью, включая влияние их платформ на права пользователей, общественную безопасность и демократические процессы.
4. Обязанности по модерации контента. Платформы обязаны внедрить эффективные системы для быстрого удаления незаконного контента. Они должны предоставлять пользователям четкие и прозрачные процедуры для подачи жалоб на удаление контента и гарантировать справедливое рассмотрение таких жалоб.

[79] С анлийского языка – «очень большие (крупные) онлайн платформы».

5. Прозрачность онлайн-рекламы. Платформы обязаны предоставлять информацию о том, почему пользователю показывается та или иная реклама. Пользователи должны иметь возможность понять, на каких данных основаны рекламные предложения, и отказаться от персонализированной рекламы.
6. Аудиты и надзор. Для крупных платформ обязательны регулярные независимые аудиты, направленные на оценку их соответствия требованиям текущему Регламенту. Европейская комиссия получит новые полномочия по мониторингу и контролю за исполнением норм Регламента, особенно для крупных платформ.

Кроме того, данный Регламент вводит систему штрафов и санкций за несоблюдение компаниями требований Регламента. Нарушения могут караться значительными штрафами, до 6% мирового годового оборота компании. Эти меры направлены на обеспечение соблюдения норм Регламента и предотвращение повторных нарушений.

Исходя из вышеперечисленного, данный Регламент значительно изменяет правовое регулирование цифровых платформ в ЕС, создавая баланс между свободой слова и безопасностью, а также обеспечивает защиту пользователей от злоупотреблений со стороны платформ. Регламент стимулирует прозрачность и подотчетность платформ, что имеет ключевое значение для доверия к цифровым сервисам и их долгосрочной устойчивости.

Следующим источником конкурентного права ЕС являются решения Европейской комиссии**,** которые являются индивидуальными актами и могут быть обязательными, но они не относятся к нормативно-правовым актам (НПА). Эти решения не направлены на унификацию национальных правовых систем стран-членов, в отличие от регламентов и директив. Однако именно решения играют ключевую роль в антимонопольном регулировании ЕС, особенно при оценке соответствия государственной поддержки предприятиям требованиям статьи 107 ДФЕС и определении того, является ли такая поддержка государственной помощью. Помимо этого, антимонопольное регулирование охватывает и нарушения статьи 102 ДФЕС, касающейся злоупотребления доминирующим

положением. В отличие от случаев государственной помощи, для начала расследований по статье 102 не требуется нотификация — Европейская комиссия может действовать по собственной инициативе. Важными элементами также являются акты, касающиеся наложения штрафов и принятия односторонних обязательств компаниями для устранения антимонопольных проблем. Например, штрафы и обязательства регулируются Регламентом 1/2003, который предоставляет Комиссии полномочия расследовать нарушения и накладывать санкции, а также принимать меры для предотвращения антиконкурентных действий на уровне ЕС. Также через решения налагаются штрафы за коллективные антиконкурентные действия и злоупотребление доминирующим положением.

Важную роль в антимонопольном регулировании играют акты мягкого права (soft law), такие как рекомендации и заключения, выпускаемые европейскими институтами, включая Европейскую комиссию и Совет ЕС. Эти акты не обладают обязательной юридической силой, но оказывают значительное влияние на формирование политики и толкование норм. Мягкое право помогает направлять поведение субъектов и формировать будущие законодательные инициативы. Хотя рекомендации и заключения не создают правовых обязательств, их выполнение поощряется, и они могут играть важную роль в развитии правоприменительной практики. Эти документы затрагивают различные аспекты антимонопольного регулирования, например, выражают позицию института по вопросам применения антимонопольного законодательства или устанавливают правила для определения взаимозаменяемых рынков. Европейские институты также используют специфические акты sui generis, такие как «Зеленые книги». Например, в 2005 году Европейская комиссия опубликовала Зеленую книгу[80], посвященную возмещению убытков, вызванных нарушением антимонопольного законодательства, что касается исковой функции статей 101 и 102 ДФЕС.

---

[80] Зеленая книга ЕС представляет из себя акт Европейской комиссии, посвященный определенной тематике и представляющий из себя совокупность идей. На основании Зеленой книги может быть издана Белая книга, имеющая статус официального собрания предложений, которая предшествует изданию полноценного закона.

Европейская комиссия также активно использует различные ненормативные документы, такие как уведомления и руководства (Guidelines), которые помогают уточнить политику Комиссии по вопросам интерпретации материальных антимонопольных норм и процедурных аспектов. Эти документы имеют сложный правовой статус: они не являются обязательными нормами права, которым должны следовать Комиссия или Суд ЕС, но они формируют правила практики, которые не могут быть проигнорированы без объяснения причин, что соответствует принципу равного обращения. Эти решения Европейской комиссии демонстрируют её многоуровневый подход к антимонопольному регулированию. Каждый вид решения направлен на обеспечение соблюдения правил конкуренции и поддержание справедливого и прозрачного рыночного механизма в рамках ЕС. Комиссия стремится не только наказать нарушителей, но и предотвратить дальнейшие нарушения, способствуя поддержанию здоровой конкуренции на европейских рынках.

Международные соглашения также служат важными источниками конкурентного права ЕС, особенно в транспортной отрасли и в рамках Всемирной торговой организации, где Европейский Союз является независимым участником. В некоторых многосторонних соглашениях ВТО содержатся антимонопольные положения, которые регулируют, например, правила конкуренции.

В дополнение к первичному и вторичному праву Европейского Союза, значительное влияние на развитие конкурентного права и механизмов запрета индивидуальных антиконкурентных действий оказывает судебная практика Суда ЕС. Судебные решения играют ключевую роль в интерпретации и применении законодательства, уточняя и конкретизируя правовые нормы, адаптируя их к конкретным случаям и развивающимся экономическим условиям. Прецеденты, установленные Судом ЕС, обеспечивают юридическую ясность и предсказуемость, что способствует эффективному функционированию внутреннего рынка. Более того, судебная практика способствует унификации правоприменения в государствах-членах ЕС, обеспечивая тем самым единообразное соблюдение конкурентных норм и предотвращение правовых пробелов.

Судебная практика также выполняет важную функцию в защите прав и интересов участников рынка. Решения Суда ЕС часто становятся ориентиром для национальных судов и регуляторов, помогая им правильно применять законодательство о конкуренции. Это особенно важно в сложных и спорных случаях, где требуется глубокий анализ экономических и правовых аспектов. Таким образом, Суд ЕС не только формирует юридическую доктрину, но и активно способствует развитию конкурентного права путем создания динамичной и адаптивной правовой системы, способной реагировать на новые вызовы и угрозы конкуренции.

Кроме того, судебная практика играет ключевую роль в обеспечении справедливости и правопорядка на рынке ЕС. Через свои решения Суд ЕС укрепляет доверие к правовой системе и подтверждает приверженность ЕС принципам открытого и честного рынка. Судебные прецеденты помогают выявлять и устранять антиконкурентные действия, способствуя созданию условий, при которых предприятия могут свободно конкурировать, а потребители — получать выгоду от разнообразия товаров и услуг. В итоге, судебная практика не только поддерживает правовую структуру ЕС, но и способствует устойчивому экономическому росту и развитию. Так, например, судебная практика существенно дополнила и расширила понимание статьей 101 и 102 ДФЕС. Рассмотрим более детально.

Несколько знаковых дел сформировали понимание и применение статьи 101. Среди них выделяются:

А) Consten и Grundig (1966): [81] это дело установило, что соглашения, ограничивающие активные и пассивные продажи на определенных территориях или такие продажи клиентам, являются ограничивающими конкуренцию.

Б) Hoffmann-La Roche (1979): [82] определило понятие злоупотребления, связанного с эксклюзивными условиями, и расширило понимание доминирования

---

[81] Case 56/64, Consten SA and Grundig-Verkaufs GmbH v Commission of the European Economic Community, [1966] ECR 299.

[82] Case 85/76, Hoffmann-La Roche & Co. AG v Commission of the European Communities, [1979] ECR 461.

и злоупотребления доминирующим положением в контексте статьи 102, кроме того, принципы, установленные в данном деле также влияют на дела, связанные с коллективными нарушениями конкурентного права (ст.101 ДФЕС).

В) T-Mobile Netherlands BV и другие (2009):[83] подтвердило, что даже одна встреча конкурентов, где обсуждаются антиконкурентные стратегии, может быть достаточной для нарушения статьи 101.

Несмотря на всю полезность и значимость статьи 101 ДФЕС некоторые зарубежные ученые [84] открыто критикуют широкий охват данной статьи и обсуждают, как ее применение должно адаптироваться к современным рыночным вызовам, таким как, например, цифровые рынки и экономика платформ.

Однако, статья 101 ДФЕС (наряду со статьей 102) является основополагающей в формировании конкурентного ландшафта по всему Европейскому Союзу. Ее широкий охват, укрепленный судебной практикой и научным анализом, гарантирует, что она останется адаптивной к новым экономическим вызовам и структурам рынка. Понимание ее нюансов крайне важно для юристов, политиков и бизнесов, работающих внутри ЕС или входящих на европейский рынок.

Статья 102 запрещает одним или несколькими предприятиями любое злоупотребление доминирующим положением на внутреннем рынке или его значительной части, поскольку это может повлиять на торговлю между государствами-членами. Статья 102 ДФЕС гласит:

«запрещается злоупотребление одним или несколькими предприятиями доминирующим положением на внутреннем рынке или его значительной части, поскольку это несовместимо с внутренним рынком, насколько это может повлиять на торговлю между государствами-членами.»[85]

Эта статья направлена на субъекты, которые занимают доминирующее положение на рынке и злоупотребляют этим положением. Поведение,

---

[83] Case C-8/08, T-Mobile Netherlands BV, et al. v Raad van bestuur van de Nederlandse Mededingingsautoriteit, [2009] ECR I-04529.
[84] Jones, A., & Sufrin, B. (2019). EU Competition Law: Text, Cases, and Materials (6th ed.). Oxford: Oxford University Press, p 45-51.
[85] «Treaty on the Functioning of the European Union (TFEU)» - Article 102 (1).

считающееся нарушением антиконкурентных практик ЕС, можно широко классифицировать на:

- исключающие злоупотребления. Практики, которые непосредственно вредят конкурентам и снижают конкуренцию, среди них: хищническое ценообразование, эксклюзивные сделки и связывание (навязывание);

- эксплуатационные злоупотребления. Практики, непосредственно вредящие потребителям или торговым партнерам, включая несправедливое ценообразование или договорные условия.

Основная цель статьи 102 ДФЕС - предотвратить злоупотребление субъектами, занимающими доминирующее положение на рынке, в ущерб благосостоянию потребителей и экономической эффективности. Статья направлена на то, чтобы доминирование на рынке не использовалось для искажения конкуренции путем практик, которые могут исключить конкурентов или эксплуатировать потребителей и/или других участников рынка.

Несколько знаковых дел значительно повлияли на толкование и применение статьи 102 ДФЕС. Среди них:

United Brands против Комиссии (1978): [86] в этом деле были установлены критерии для определения рынка и оценки доминирования, сосредоточенные на рынке бананов. Обсуждалось также понятие взимания цены, существенно превышающей экономическую стоимость, как злоупотребления;

Intel против Комиссии (2014):[87] Intel была оштрафована за злоупотребление доминирующим положением путем внедрения скидок и платежей, направленных на исключение конкурентов с рынка определенных компьютерных компонентов, что дало тонкое понимание того, как могут злоупотреблять с помощью программ лояльности;

---

[86] Case 27/76, United Brands Company and United Brands Continentaal BV v Commission of the European Communities, [1978] ECR 207.

[87] Case T-286/09, Intel Corp. v Commission of the European Communities, [2014] ECR II-0755.

Telefonica против Комиссии (2014): [88] это дело подтвердило, что доминирующие фирмы несут особую ответственность за то, чтобы их поведение не ухудшало подлинную конкуренцию на внутреннем рынке.

Экономисты сосредотачиваются на воздействии злоупотребления доминированием на структуру рынка и благосостояние потребителей. Они изучают, как доминирующие фирмы могут использовать стратегии, которые, хотя потенциально эффективны с бизнес-точки зрения, но вредят конкурентному процессу и экономической эффективности в долгосрочной перспективе.

Поскольку европейское законодательство, как первичное, так и вторичное, не всегда отличается детализированным изложением, это затрудняет прямое применение многих его положений, но именно решения Суда ЕС помогают устранить эти пробелы. Судебная практика обогащает правовую базу, предоставляя толкования необходимые для эффективного исполнения законодательства.

Подводя итог, необходимо отметить, что раздел 1.2. исследовал ключевую роль, которую Суд Европейского Союза играет в толковании и применении статьи 102 ДФЕС, особенно в отношении индивидуальных антиконкурентных действий. Подробный анализ важнейших дел показал, как Суд значительно повлиял на правовой ландшафт антимонопольного законодательства ЕС. Основные выводы из решений Суда Европейского Союза:

- Уточнение правовых принципов. Суд сыграл ключевую роль в уточнении сложных правовых принципов, определяющих, что является злоупотреблением доминирующим положением. Дела, такие как Hoffmann-La Roche и Intel, установили важные прецеденты по обращению с эксклюзивными скидками и необходимости подробного экономического анализа для оценки потенциального антиконкурентного воздействия практик доминирующих компаний;

- Повышение правовых стандартов. Обсуждаемые в этой главе решения способствовали повышению правовых стандартов в антимонопольном

[88] Case T-216/13, Telefónica SA and Telefónica de España SAU v European Commission, [2014] ECR II-0432.

законодательстве, подчеркивая необходимость строгости в экономических аргументах и доказательствах. Суд требовал четких доказательств того, что конкретные практики вредят конкуренции, тем самым повышая прозрачность и предсказуемость правовых исходов;

- Защита рыночной конкуренции. Каждый проанализированный случай подчеркивает приверженность Суда защите конкуренции, гарантируя, что доминирующие компании не используют свое рыночное положение во вред конкурентам и потребителям. Эта защита жизненно важна для поддержания здоровой рыночной динамики и создания среды, где могут процветать инновации и честная конкуренция;

- Влияние на деловые практики. Судебные решения оказывают глубокое воздействие на деловые практики по всему ЕС. Компании с доминирующим положением теперь более осторожно относятся к тому, как их практики могут рассматриваться в рамках антимонопольного законодательства ЕС, что приводит к более законопослушному и конкурентоспособному рыночному поведению;

- Содействие благополучию потребителей. Эти дела укрепляют идею о том, что антимонопольное законодательство не только поддерживает конкурентоспособность рынков, но и защищает благополучие потребителей. Предотвращая злоупотребления доминированием, Суд помогает гарантировать, что потребители получают выгоду от справедливых цен, высококачественных товаров и инновационных услуг;

- Всеобъемлющие последствия для антимонопольной политики ЕС. Анализ судебной практики Суда ЕС в этой главе подчеркивает его ключевую роль в формировании направлений регулирования конкурентных процессов, которые жизненно важны для экономического благополучия Европейского Союза. Строгий подход Суда к правовому и экономическому анализу в этих делах служит ориентиром для национальных судов и антимонопольных органов внутри ЕС, способствуя согласованному применению принципов антимонопольного законодательства в разных государствах-членах;

- значительная роль в глобальном применении антимонопольного законодательства, поскольку они предоставляют ориентир для решения аналогичных вопросов в других юрисдикциях. Принципы, изложенные Судом, часто упоминаются в глобальных дискуссиях о антимонопольном законодательстве, влияя на международные стандарты и практики, на которые стоит ориентироваться ЕАЭС.

В сфере конкурентного права Европейского Союза сформировалась система специальных принципов, которые применяются исключительно в сфере антимонопольного права. Данные принципы были детально рассмотрены в работе[89] И.О. Митрофанова и являются важными источниками конкурентного права ЕС. Среди них принцип независимого поведения предприятий, принцип абсолютного запрета, эффективности санкций за нарушения и т.д.

В заключение, всеобъемлющий регуляторный подход ЕС к законодательству о конкуренции, характеризующийся строгой правовой регуляцией, конкретными регламентами и четкими руководствами, отражает сложную систему, созданную для поддержания честной конкуренции и целостности рынка. Судебная практика и различные акты Европейской комиссии и Национальных антимонопольных органов (NCAs) отлично дополняют источники первичного и вторичного конкурентного права ЕС. Эта система не только защищает потребителей, но и способствует здоровой деловой среде, гарантируя, что компании работают в равных условиях. Благодаря этому многоаспектному регуляторному подходу ЕС продолжает адаптироваться к новым экономическим вызовам и динамике рынка, тем самым поддерживая свою приверженность содействию и защите конкурентных рынков.

[89] Митрофанов И.О. кандидатская диссертация по теме. Запрет коллективных антиконкурентных действий в праве Европейского Союза. стр. 80-84.

1.3 Взаимодействие права ЕС и национального законодательства государств-членов в сфере запрета индивидуальных антиконкурентных действий

Европейский Союз, как уникальная наднациональная структура, создала всеобъемлющую правовую базу, направленную на обеспечение сохранения конкуренции на своем внутреннем рынке. Эта система не только имеет решающее значение для поддержания справедливых рыночных условий, но и так обеспечивает, чтобы преимущества единого рынка были доступны для всех государств-членов и их граждан. Антимонопольное законодательство, регулируемое статьями 101 и 102 Договора о функционировании Европейского Союза (ДФЕС), занимает центральное место в этой системе. Оно запрещает практики, такие как картельный сговор, злоупотребление доминирующим положением и не контролируемые слияния, которые могут искажать конкуренцию на рынке.

В антимонопольной политике Европейского союза важнейшую роль играют несколько институтов, каждый из которых вносит свой вклад как в разработку законодательства, так и в его реализацию. Такими институтами являются Европейская комиссия, Европейский парламент, Совет Европейского союза. Рассмотрим роль каждого из них.

1. Европейская комиссия является центральным органом, ответственным за формирование и реализацию антимонопольной политики ЕС. Ключевая роль Комиссии заключается в том, что она обладает исключительным правом законодательной инициативы, а также полномочиями по надзору за соблюдением законодательства о конкуренции. Комиссия инициирует расследования в случае подозрений субъекта в антиконкурентных практиках, таких как картельные сговоры, злоупотребление доминирующим положением, а также нарушений, связанных с слияниями и поглощениями. Комиссия может проводить обыски,

запрашивать информацию и налагать значительные штрафы на нарушителей. Регламент Совета (ЕС) No 1/2003 [90] предоставляет Комиссии обширные полномочия для расследований и контроля за соблюдением правил. Также Комиссия имеет право на мониторинг государственной помощи и может блокировать её, если она нарушает принципы честной конкуренции.

2. Европейский парламент (Парламент) участвует в законодательном процессе совместно с Советом ЕС. Хотя его роль в антимонопольной политике носит менее оперативный характер по сравнению с Комиссией, Парламент играет важную роль в установлении общих правовых основ и принимает участие в обсуждении и утверждении законодательных актов, предложенных Комиссией. Парламент также контролирует работу Комиссии, обеспечивая демократическую легитимность её действий. В контексте антимонопольной политики парламент может влиять на стратегию развития конкурентного права, включая новые «Цифровые Регламенты» и регулировании крупных технологических компаний.

3. Совет ЕС, представляющий правительства государств-членов, играет ключевую роль в принятии и согласовании законодательных инициатив, выдвигаемых Европейской комиссией, совместно с Европейским парламентом. Совет утверждает регламенты и директивы, которые затем становятся обязательными для всех государств-членов. В области антимонопольной политики Совет вносит существенный вклад, согласовывая меры, которые соответствуют интересам всех государств-членов. Его решения могут касаться, например, единых стандартов для оценки слияний, регулирования картелей и государственной помощи.

4. Суд Европейского союза (СЕС), включающий Европейский суд и Общий суд, играет ключевую роль в правоприменении и интерпретации законодательства ЕС, включая антимонопольное право. Суд Европейского союза выступает как орган, который решает споры между компаниями и Комиссией, а также между

---

[90] European Council, 2003. Council Regulation (EC) No 1/2003 of 16 December 2002 on the implementation of the rules on competition laid down in Articles 81 and 82 of the Treaty (Regulation on the implementation of the competition rules applicable to undertakings).

государствами-членами и Комиссией в случаях, касающихся конкуренции. В прецедентной практике Суда Европейского союза были установлены ключевые принципы антимонопольной политики ЕС, такие как критерии для оценки злоупотребления доминирующим положением (статья 102 ДФЕС), а также стандарты для разрешения слияний и картелей. Одним из самых известных дел является дело Hoffmann-La Roche (1979) [91], где Суд Европейского Союза разъяснил, что доминирующая компания не имеет права использовать свои рыночные силы для недобросовестной конкуренции.

Таким образом, каждый из институтов вносит важный вклад в формирование и реализацию антимонопольной политики ЕС, обеспечивая её комплексный и сбалансированный подход, направленный на защиту конкуренции и поддержку эффективного функционирования единого рынка ЕС.

Применение этих законов не ограничивается только институтами Европейского Союза, но также включает национальные органы каждого государства-члена. Эта двойная система применения предназначена для использования как широких полномочий Европейской комиссии, так и местных национальных антимонопольных органов (НАО). Однако эффективность этой системы зависит от гармоничного взаимодействия между регламентами ЕС и разнообразными правовыми системами государств-членов.

Это взаимодействие представляет как возможности, так и вызовы. С одной стороны, оно позволяет более индивидуально подходить к борьбе с антиконкурентными практиками, учитывая местные рыночные условия и правовые традиции. С другой стороны, это требует значительной координации и сотрудничества для обеспечения согласованности действий и исключения их противоречий. Различия в административных возможностях, экономических условиях и правовых интерпретациях среди государств-членов могут усложнить эти усилия.

---

[91] Case 85/76, Hoffmann-La Roche & Co. AG v Commission of the European Communities, [1979] ECR 461.

Понимание динамики этого взаимодействия крайне важно по нескольким причинам:

- эффективность политики. Оценка того, насколько эффективно применяются антимонопольные законы ЕС на национальном уровне, может выявить области, где механизмы политики ЕС успешны, и те, где они могут быть улучшены;

- гармонизация законодательства. Сравнительный анализ помогает выявить расхождения в применении законов ЕС среди государств-членов, способствуя усилиям по дальнейшей гармонизации законодательства.

- защита потребителей и стабильность рынка. Эффективное применение антимонопольного законодательства необходимо для защиты потребителей и обеспечения стабильности внутреннего рынка. Оно предотвращает рыночные злоупотребления, которые могут привести к повышению цен, снижению качества и сокращению выбора.

Центральное место в институте правовых инструментов и механизмов занимают регламенты и директивы ЕС.

А.Брэдфорд обсуждает «Брюссельский эффект», [92] подчеркивая, как регламенты ЕС, благодаря их прямому применению, оказывают единое воздействие не только внутри ЕС, но и распространяют свое влияние глобально. Она утверждает, что такие регламенты, как Регламент Совета (ЕС) № 1/2003, критически важны для обеспечения соблюдения компаниями законодательства ЕС о конкуренции, независимо от страны происхождения, создавая равные условия во внутреннем рынке: «Регламенты ЕС обеспечивают немедленное и единое

[92] Это термин, который описывает глобальное влияние Европейского Союза на мировое регулирование через одностороннее принятие своих стандартов. В сфере антимонопольного регулирования, Брюссельский эффект проявляется через глобальную адаптацию европейских норм и подходов к борьбе с картелями, злоупотреблением доминирующим положением и другими антиконкурентными практиками. Например, Европейская комиссия играет важную роль в расследованиях крупных транснациональных корпораций, таких как Google и Apple, чьи практики подвергались рассмотрению в соответствии с нормами ЕС. Эти решения оказывают глобальное влияние, поскольку компании внедряют изменения в свои бизнес-модели по всему миру, чтобы соответствовать стандартам ЕС.

применение стандартов на рынке, заставляя как местные, так и иностранные компании придерживаться строгих практик в области конкуренции»[93].

Не стоит забывать и о том, что государства-члены сохраняют собственные правовые и регуляторные рамки, дополняющие законодательство ЕС. Национальное законодательство особенно важно в областях, которые не регулируются регламентами ЕС или где директивы требуют национального внедрения. Например, национальное законодательство в области конкуренции может касаться конкретных злоупотреблений на рынке или сценариев контроля за слияниями, характерных для местных рыночных условий, которые не описаны подробно в регламентах ЕС. Эти законы должны соответствовать целям ЕС, но быть адаптированы для эффективного управления местными экономическими условиями.

Национальные законы критически важны для регулирования локальных рыночных специфик, которые не полностью покрываются общеевропейскими правилами, обеспечивая тем самым всеобъемлющее регулирование.

Германия — Закон против ограничений конкуренции (GWB)[94]: Этот закон регулирует все вопросы, связанные с конкуренцией в Германии, охватывая всё, от картелей до контроля за слияниями. Он работает в сочетании с законами ЕС, но особенно подробно прорабатывает положения о злоупотреблении доминирующим положением и порогах слияния, предлагая руководства, адаптированные к конкретным потребностям немецкого рынка.

В Германии Федеральное антимонопольное ведомство (Bundeskartellamt) использует национальное законодательство о конкуренции для борьбы с локальными рыночными злоупотреблениями, особенно в розничной торговле и цифровых рынках, которые могут быть не полностью охвачены правилами ЕС. Это включает мониторинг и регулирование практик, таких как локальное

---

[93] Bradford, A. (2020). "The Brussels Effect: How the European Union Rules the World." Oxford University Press, p. 17.

[94] Bundesgesetzblatt (BGBl. I) S. 3850; last amended by Art. 1 G v. 9.6.2017 I 1499.

ценообразование или злоупотребление экономической зависимостью, не описанных в регламентах ЕС.

Франция — Кодекс торговли (Code de commerce)[95], особенно статьи L420-1 до L420-7. Французское законодательство о конкуренции включает подробные правила о антиконкурентных соглашениях, злоупотреблении доминирующим положением и контроле за слияниями, аналогичные регламентам ЕС. Однако оно также предусматривает специальные положения для внезапного прекращения установившихся деловых отношений, что особенно актуально для французского сектора дистрибуции.

Французское законодательство о конкуренции включает специальные положения для контроля слияний в таких секторах, как телекоммуникации и оборона, которые учитывают стратегическое значение этих секторов для национальной экономики. Эти положения дополняют регламенты ЕС о слияниях, добавляя уровни проверки, которые учитывают национальную безопасность и культурные последствия.

Италия — Закон 287/1990 (Итальянское законодательство о конкуренции)[96]. Этот закон охватывает все регулирования против концентрации рынка и злоупотреблений доминирующим положением, которые могут препятствовать или искажать конкуренцию. Хотя данный Закон тесно связан с директивами ЕС, он также включает специфические итальянские процедуры для рассмотрения и расследования судебных дел в сфере конкурентного права, отражая административную и правовую культуру Италии.

Испания — Закон 15/2007 от 3 июля о защите конкуренции[97]. Испанское законодательство о конкуренции является всесторонним, охватывая ограничения конкуренции, злоупотребления доминирующим положением и контроль за слияниями. Оно выделяется чётким разграничением полномочий между национальным органом по конкуренции и региональными властями, что

---

[95] L420-1 to L420-7, Code de commerce, available at Legifrance.
[96] Gazzetta Ufficiale No. 273, 11.21.1990, Ordinary Supplement No. 64.
[97] BOE núm. 159, de 04/07/2007.

критически важно, учитывая децентрализованную административную структуру Испании.

Нидерланды — Закон о конкуренции (Mededingingswet)[98]. Нидерландское законодательство о конкуренции известно своим строгим контролем за картельным поведением и оценкой слияний. Оно предусматривает подробные процедуры для расследования и наказания антиконкурентных практик, акцентируя внимание как на административных штрафах, так и на уголовных санкциях, что подчеркивает решительную позицию страны против нарушений законов о конкуренции.

Польша — Закон о конкуренции и защите потребителей. [99] Этот закон включает положения против антиконкурентных соглашений, злоупотребления доминирующим положением и контроля за концентрациями, которые могут ограничивать конкуренцию. Подход Польши отмечен включением защиты прав потребителей наряду с традиционным законодательством о конкуренции, признавая взаимосвязь этих вопросов.

Великобритания — Закон о конкуренции 1998[100] и Закон о предприятиях 2002. [101] Хотя Великобритания покинула ЕС, её национальные законы, установленные ещё во время членства в ЕС, являются хорошим примером того, как национальные законы могут дополнять законы ЕС о конкуренции. Закон о конкуренции 1998 года дополняет и детализирует статьи 101 и 102 ДФЕС, регулируя антиконкурентные соглашения и злоупотребления доминирующим положением, включая нормы, разработанные специально для применения на рынке Великобритании.

Однако, необходимо отметить, что до вступления в Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) в 1973 году, Великобритания уже имела опыт взаимодействия с европейским конкурентным правом, как это демонстрирует

---

[98] Staatsblad van het Koninkrijk der Nederlanden, Year 1997, Competition Act, Issue 350, enacted on 22nd May 1997.
[99] Dz.U. 2014 item 107 as amended.
[100] Competition Act 1998 Official Citation: 1998 Chapter 41.
[101] Enterprise Act 2002 Official Citation: 2002 Chapter 40.

известное дело Imperial Chemical Industries (ICI). [102] Дело Imperial Chemical Industries (ICI), которое рассматривалось Европейским судом в 1972 году, является важным примером раннего взаимодействия Великобритании с европейским конкурентным правом до её вступления в Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) в 1973 году. Это дело касалось участия компании ICI, одного из крупнейших производителей химической продукции, в картельном соглашении по фиксации цен на поливинилхлорид (ПВХ) — важный сырьевой материал, широко используемый в промышленности. Антимонопольные органы ЕЭС установили, что ICI, совместно с другими химическими компаниями, участвовала в сговоре с целью установления минимальных цен на поливинилхлорид, что нарушало нормы, запрещающие антиконкурентные соглашения, нацеленные на фиксацию цен и разделение рынков.

Фабула дела заключалась в том, что ICI и другие компании намеренно координировали свою политику ценообразования и обменивались конфиденциальной информацией о рыночных условиях для стабилизации цен на ПВХ. Это считалось нарушением статьи 85 Римского договора (ныне статья 101 Договора о функционировании Европейского Союза — ДФЕС), которая запрещает соглашения, ограничивающие конкуренцию в рамках внутреннего рынка ЕЭС.

Основные выводы Европейского суда включали признание того, что соглашения между предприятиями, даже если они базируются за пределами ЕЭС, но оказывают влияние на конкуренцию внутри Союза, подпадают под юрисдикцию антимонопольных органов ЕЭС. В результате на компании-участников картеля, включая ICI, были наложены значительные штрафы. Дело стало знаковым в истории европейской конкурентной политики, установив важный прецедент того, что действия компаний, нарушающие конкурентное законодательство, могут преследоваться даже за пределами ЕЭС, если такие действия затрагивают внутренний рынок.

---

[102] Imperial Chemical Industries Ltd v. Commission, Case 48/69, Judgment of the Court of 14 July 1972.

После вступления в Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) в 1973 году Великобритания активно адаптировала своё национальное законодательство в соответствии с европейскими стандартами, стремясь обеспечить соответствие нормам ЕЭС в области конкуренции. Одними из важнейших шагов в этом направлении стало принятие Закона о конкуренции 1998 года и Закона о предприятиях 2002 года.

Закон о конкуренции 1998 года [103] . Этот закон стал важной вехой в регулировании антиконкурентных соглашений и злоупотребления доминирующим положением на рынке в Великобритании. Он был во многом основан на положениях статей 101 и 102 Договора о функционировании Европейского Союза (ДФЕС), которые регулируют борьбу с картелями и злоупотреблениями доминирующим положением. Закон о конкуренции 1998 года предоставил антимонопольным органам Великобритании, в частности, Управлению по конкуренции и рынкам (Competition and Markets Authority, CMA), полномочия проводить расследования и накладывать санкции на компании, нарушающие антимонопольное законодательство.

Ключевое значение Закона заключалось в его адаптации к специфике британского рынка. Он детализировал положения, регулирующие такие сферы, как транспорт и коммунальные услуги, которые требуют более детализированных правил по сравнению с общими европейскими директивами. Например, транспортный сектор и коммунальные услуги (электричество, газ, водоснабжение) в Великобритании были исторически связаны с государственными монополиями, что создало необходимость более четких антимонопольных норм для этих отраслей. Закон 1998 года позволил ужесточить регулирование в этих секторах, уделяя внимание вопросам недобросовестной конкуренции и защите интересов потребителей.

---

[103] Competition Act 1998, c. 41, United Kingdom. Электронный ресурс: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1998/41/enacted (дата обращения 21.09.2024).

Закон о предприятиях 2002 года[104]. Закон о предприятиях 2002 года стал дальнейшим шагом в усилении антимонопольного регулирования в Великобритании. Он расширил возможности антимонопольных органов и ввёл дополнительные механизмы контроля за слияниями и поглощениями, чтобы предотвратить создание чрезмерно крупных компаний, способных «подорвать» конкурентную среду. Закон также усилил меры по борьбе с картельными сговорами и злоупотреблением доминирующим положением на рынке.

Закон 2002 года ввёл новую систему расследований и административных санкций, включая значительные штрафы за нарушения. Одним из важных аспектов этого закона было введение института уголовной ответственности за участие в картельных сговорах. Это усилило эффективность антимонопольных мер, позволяя наказывать лиц, прямо ответственных за антиконкурентные действия.

Влияние Brexit на конкурентное регулирование. С выходом Великобритании из Европейского Союза (Brexit) ситуация в области антимонопольного регулирования изменилась. Несмотря на разрыв правовых связей с ЕС, британские законы, такие как Закон о конкуренции 1998 года и Закон о предприятиях 2002 года, продолжают играть важную роль в поддержании честной конкуренции. Соглашение о выходе[105] и Акт о выходе[106] закрепили положения о том, что Великобритания сохраняет многие элементы европейского антимонопольного права, хотя и получает большую гибкость в регулировании своих национальных рынков. Это особенно важно в таких секторах, как транспорт и коммунальные услуги, где Великобритания может адаптировать свои правила, исходя из национальных потребностей и условий.

---

[104] Enterprise Act 2002, c. 40, United Kingdom. Электронный ресурс: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2002/40/enacted (дата обращения 04.09.2024).

[105] Agreement on the Withdrawal of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland from the European Union and the European Atomic Energy Community, Official Journal of the European Union, 12 November 2019, C 384 I/01. Электронный ресурс: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=OJ:C:2019:384I:TOC (дата обращения 18.09.2024).

[106] European Union (Withdrawal) Act 2018: European Union (Withdrawal) Act 2018, c. 16, United Kingdom. Электронный ресурс: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2018/16/ (дата обращения 17.09.2024).

Таким образом, британское законодательство в сфере конкуренции не только развивалось в рамках ЕС, но и продолжает быть эффективным инструментом регулирования рынка в «пост-Brexit эпоху», отражая как европейские, так и национальные интересы.

Все вышеперечисленные национальные законы являются примером того, как государства-члены ЕС и Великобритания внедряют дополнительные или более конкретные правовые меры, которые дополняют и усиливают базовый уровень, обеспечиваемый законодательством ЕС о конкуренции. Каждый набор национальных законов разработан для решения конкретных местных задач, исходя из экономических условий, структур рынка и административных возможностей, обеспечивая эффективное и релевантное применение законов о конкуренции в каждой юрисдикции в рамках ЕС. Эта согласованность между национальными законами и директивами и регламентами ЕС критически важна для поддержания крепкого, конкурентного рынка по всему Европейскому Союзу. Это динамичное взаимодействие повышает общую эффективность и адаптивность правоприменения в области конкуренции на всей территории Европейского Союза. Элисон Джонс по этому поводу пишет так: «хотя директивы определяют цели, которые должны быть достигнуты, национальные законы играют ключевую роль в преобразовании этих целей в конкретные правовые положения, которые применимы и исполнимы в локальном контексте.»[107]

Важнейшим вопросом взаимодействия наднационального права ЕС и национального законодательства государств-членов является механизмы разрешения конфликтных ситуаций.

Конфликты между национальными законами государств-членов и правом Европейского Союза, особенно в сфере конкуренции, решаются с применением принципа примата права ЕС. Этот принцип гарантирует, что нормы европейского законодательства имеют приоритет над национальными законами в случае их противоречия, тем самым обеспечивая единообразное применение правил

---

[107] Jones, Alison. "Implementing EU Directives: The Role of National Legislation in Ensuring Effectiveness." European Law Review, Vol. 44, No. 2, 2020, pp. 162-180.

конкуренции на всей территории ЕС. Национальные суды играют важную роль в разрешении таких конфликтов, иногда обращаясь к Суду Европейского Союза (CJEU) за предварительными решениями по толкованию права ЕС.

Так, например, в деле Courage Ltd v. Crehan (2001)[108], которое касалось возможности предъявления иска о возмещении убытков частным лицом в связи с нарушением статьи 101 Договора о функционировании Европейского Союза (ДФЕС), которая в свою очередь, запрещает антиконкурентные соглашения. Суд ЕС постановил, что любое частное лицо может предъявить иск о возмещении ущерба, понесенного вследствие нарушения антимонопольного законодательства ЕС, даже если национальное право это не предусматривало.

Другим примером является, дело Manfredi v. Lloyd Adriatico Assicurazioni SpA (2006)[109]. В этом деле Суд ЕС подтвердил право частных лиц на компенсацию за убытки, вызванные нарушением конкурентного права ЕС. Суд указал, что национальные суды должны гарантировать возмещение всех понесенных убытков в случае нарушения статьи 101 или 102 ДФЕС, обеспечивая эффективное применение антимонопольного законодательства на национальном уровне.

Следующим примером является дело Deutsche Telekom AG v. Commission (2010).[110] Данное дело касалось злоупотребления доминирующим положением на рынке со стороны Deutsche Telekom. Суд ЕС подтвердил, что национальные регуляторы и суды обязаны применять нормы ЕС, даже если соответствующее национальное законодательство противоречит этим нормам. Принцип примата права ЕС был использован для обоснования приоритета европейского конкурентного права.

---

[108] Courage Ltd v. Crehan, Case C-453/99, Judgment of the Court (Fifth Chamber) of 20 September 2001.

[109] Manfredi v. Lloyd Adriatico Assicurazioni SpA, Joined Cases C-295/04 to C-298/04, Judgment of the Court (Second Chamber) of 13 July 2006.

[110] Deutsche Telekom AG v. Commission, Case C-280/08 P, Judgment of the Court (Grand Chamber) of 14 October 2010.

Необходимо также отметить и дело Pfleiderer AG v. Bundeskartellamt (2011).[111] В этом деле рассматривался вопрос о том, могут ли национальные суды предоставлять доступ к документам по делам о нарушении антимонопольного законодательства, хранящимся в национальных антимонопольных органах, для целей гражданских исков. Суд ЕС постановил, что национальные суды должны применять национальные законы таким образом, чтобы гарантировать эффективное соблюдение европейского антимонопольного права.

Следующим интересным делом является дело Commission v. Greece (2020). [112] В этом деле Суд ЕС признал Грецию виновной в нарушении законодательства ЕС в области государственных субсидий, что затрагивало правила конкуренции. Суд постановил, что национальные меры по предоставлению субсидий, нарушающие законы ЕС, должны быть отменены, даже если они соответствуют внутреннему законодательству.

Эти примеры показывают, как Суд Европейского Союза поддерживает принцип примата права ЕС, гарантируя, что даже в сфере конкуренции национальные законы должны подчиняться нормам европейского права в случае их противоречия.

Все вышеперечисленные дела иллюстрируют динамическое взаимодействие между национальными законами и регулированиями ЕС, демонстрируя ключевую роль Суда ЕС в разрешении конфликтов. Предоставляя предварительные решения, Суд ЕС обеспечивает примат и единообразное применение законодательства ЕС во всех государствах-членах, тем самым сохраняя целостность принципов права ЕС, особенно в области конкуренции. Каждый пример подчеркивает необходимость приоритета законодательства ЕС при возникновении разногласий, способствуя созданию согласованной правовой системы в рамках Европейского Союза.

Согласованность национальных законов и регламентов ЕС жизненно важна для предотвращения «регуляторного арбитража», когда субъекты могут

---

[111] Pfleiderer AG v. Bundeskartellamt, Case C-360/09, Judgment of the Court (Grand Chamber) of 14 June 2011.

[112] Commission v. Greece, Case C-93/19, Judgment of the Court (Third Chamber) of 12 March 2020.

использовать различия между национальными законами и регламентами ЕС для уклонения от более строгих правил ЕС. Это также обеспечивает гладкую работу единого рынка, предотвращая искажения, которые могут возникнуть из-за законодательных различий.

Европейская комиссия следит за транспозицией [113] и применением законодательства ЕС в государствах-членах, чтобы обеспечить его единообразие и борьбу с регуляторным арбитражем. В случаях невыполнения государствами-членами обязательств Комиссия может инициировать процедуру по нарушению.

Путем применения комбинации законодательных действий, судебного контроля и механизмов обеспечения исполнения, Европейский Союз стремится гармонизировать регламенты в своих государствах-членах, тем самым минимизируя потенциал для регуляторного арбитража и обеспечивать равные условия для всех экономических акторов внутри единого рынка. Этот подход не только способствует справедливой конкуренции, но также укрепляет юридическую и экономическую интеграцию ЕС.

Так, например, в деле C-482/10 Cicala[114] против финансовой полиции, Суд Европейского Союза (CJEU) вынес решение против Италии за неправильное внедрение таможенных Регламентов ЕС, подчеркивая важность последовательного применения законов ЕС для предотвращения регуляторных расхождений. Тем самым, CJEU также играет ключевую роль в толковании законодательства ЕС и обеспечении его единообразного применения во всех государствах-членах. Предоставляя предварительные решения по запросам национальных судов, CJEU помогает предотвращать искажения, которые могут возникнуть из-за различного национального толкования законодательства ЕС.

Таким образом, согласованность между национальными законами и регламентами ЕС критически важна для предотвращения регуляторного арбитража и обеспечения бесперебойной работы единого рынка ЕС.

---

[113] В контексте законодательства Европейского Союза (ЕС) — это процесс переноса норм и положений директив ЕС в национальное законодательство государств-членов.
[114] C-482/10 Cicala v. Finance Police.

Взаимодействие законодательства ЕС и национального законодательства в государствах-членах играет ключевую роль в обеспечении эффективного применения и единообразия антимонопольных законов по всему Европейскому Союзу. Это взаимодействие характеризуется тонким балансом: регламенты ЕС с их прямым действием обеспечивают единообразие и юридическую определенность по всему Союзу, в то время как директивы предоставляют необходимую гибкость государствам-членам для адаптации целей ЕС к местным условиям. Национальные законы дополняют эти инструменты ЕС, учитывая специфику местных рыночных условий и регуляторные потребности, заполняя пробелы, которые единообразные регламенты ЕС могут не охватывать полностью.

Однако эффективность этой правовой системы зависит от согласованного и гармоничного применения как регламентов ЕС, так и национальных законов. Различия в национальном внедрении могут привести к регуляторному арбитражу, когда компании используют эти различия для обхода более строгих регламентов ЕС, что потенциально подрывает целостность единого рынка. Европейская комиссия вместе с Судом Европейского союза играет критическую роль в контроле и обеспечении соответствия национальных законов законодательству ЕС. Благодаря процедурам нарушения [115] и предварительным решениям [116] Суд Европейского союза и Европейская комиссия следят за тем, чтобы национальные отклонения от норм ЕС не нарушали согласованную работу правовой системы и единого экономического пространства Союза.

Кроме того, сотрудничество между национальными антимонопольными органами и Европейской комиссией посредством механизмов, таких как Европейская сеть по конкуренции, является примером скоординированных усилий

---

[115] Это юридический механизм, инициируемый Европейской комиссией против государства-члена, которое не выполняет свои обязательства по праву ЕС. Например, если страна не транспонировала директиву в установленные сроки, приняла противоречащий нормам ЕС закон или нарушает принципы общего рынка.

[116] Механизм, через который национальные суды запрашивают разъяснения у Суда ЕС по вопросам применения или толкования права ЕС. Это происходит, если у национального суда возникают сомнения относительно того, как должна быть применена норма ЕС в конкретном деле.

по усилению применения антимонопольного законодательства. Такой совместный подход не только помогает поддерживать равные условия для всех участников рынка ЕС, но также способствует обмену лучшими практиками и опытом между государствами-членами, повышая общую эффективность применения законодательства в сфере конкуренции.

В заключение необходимо отметить, что синергия между регламентами ЕС, директивами и национальными законами является фундаментальной для эффективного применения политики конкуренции, обеспечивая защиту конкурентоспособности единого рынка и предотвращая искажения, которые могут возникнуть из-за несогласованного применения в различных государствах-членах. Этот интегрированный подход критически важен для создания среды, где справедливая конкуренция процветает, в конечном итоге принося пользу как бизнесу, так и потребителям по всему Европейскому союзу. Эта всеобъемлющее и скоординированное регулирование подчеркивает уникальный характер ЕС как наднациональной сущности, стремящейся сбалансировать единство с разнообразием в своем подходе к регулированию рынка.

Глава 2. Механизм применения норм о запрете индивидуальных антиконкурентных действий в рамках ЕС

2.1. Понятие и виды индивидуальных антиконкурентных действий в праве ЕС: классификация и характеристика основных форм на основе ДФЕС

Конкурентное право Европейского Союза имеет фундаментальное значение для поддержания справедливого и эффективного рынка, обеспечения благосостояния потребителей и создания условий, способствующих инновациям и экономическому росту. Следует подчеркнуть, что анализ индивидуальных антиконкурентных действий не может быть проведен в отрыве от коллективных антиконкурентных практик. Для более полного понимания проблемы в работе будут рассмотрены оба типа нарушений, с акцентом на индивидуальные действия, как основную область исследования. Статьи 101 и 102 ДФЕС предоставляют правовую поле, которое очерчивает и запрещает индивидуальные антиконкурентные действия. Такие действия включают практики, искажающие конкуренцию на внутреннем рынке, либо через сговор между субъектами (статья 101), либо через злоупотребление доминирующим положением на рынке одним субъектом или группой (статья 102).

Тесная взаимосвязь статей 101 и 102 ДФЕС отражает комплексный подход ЕС к защите внутреннего рынка от антиконкурентных действий, вне зависимости от того, проявляются ли они через соглашения между предприятиями или через поведение отдельных субъектов, занимающих доминирующее положение. Оба положения направлены на устранение практик, подрывающих конкуренцию, однако статья 101 акцентируется на сговорах и коллективных действиях, которые могут ограничивать конкуренцию, тогда как статья 102 фокусируется на предотвращении злоупотребления доминирующим положением со стороны отдельных предприятий.

Для лучшего понимания, необходимо разделить виды антиконкурентного поведения на индивидуальные и коллективные. Антиконкурентные действия в ЕС в широком понимании разделяются на две категории в зависимости от их характера и воздействия на рынок: ограничительные соглашения на внутреннем рынке ЕС и злоупотребление доминирующим положением на внутреннем рынке ЕС. Эти категории не просто вредны, они рассматриваются как нарушения, потому что подрывают цели ЕС о создании единого, объединенного рынка, обеспечивающего свободную и справедливую конкуренцию.

Коллективные антиконкурентные действия. Коллективные действия связаны с соглашениями или координацией между несколькими независимыми предприятиями, нацеленными на ограничение рынка в интересах этой группы (картели).

Ограничительные соглашения (статья 101 ДФЕС) включают все соглашения между двумя или более независимыми рыночными субъектами, которые ограничивают конкуренцию. Этот запрет особенно сосредоточен на тех соглашениях, которые могут повлиять на торговлю между государствами-членами, таким образом оказывая более широкое воздействие на внутренний рынок. Такие соглашения могут носить горизонтальный и вертикальный характер.

Горизонтальные соглашения — это соглашения, заключенные между конкурентами, работающими на одном уровне рынка. Общие формы включают:

- фиксирование цен — конкуренты договариваются о ценах на продукцию или услуги;

- разделение рынка — компании делят между собой рынок по географическим или другим признакам, чтобы избежать конкуренции;

- сговор при торгах — координация действий участников тендера для контроля над результатами.

3) Однако есть еще и **вертикальные соглашения**, которые могут быть как индивидуальными, так и коллективными в зависимости от контекста. Следует отметить, что эти действия по своей природе носят коллективный характер. Однако, в некоторых случаях действия одного экономического субъекта, которые

могут казаться частью вертикального соглашения, могут рассматриваться как индивидуальное злоупотребление доминирующим положением (регулируемое ст. 102 ДФЕС), если это субъект использует своё доминирующее положение для наложения ограничительных условий на другие субъекты рыночных отношений. Например, крупный производитель может использовать своё доминирующее положение на рынке для наложения несправедливых условий на дистрибьюторов или ритейлеров, что может рассматриваться как индивидуальное антиконкурентное действие. Эти соглашения между участниками на разных уровнях цепочки поставок могут ограничивать конкуренцию, но не всегда являются явно антиконкурентными:

- эксклюзивное распределение. Договоренность о праве на распространение продукции в определенной территории;

- поддержание розничной цены. Установка фиксированной розничной цены, которую ритейлер обязан соблюдать.

Вертикальные соглашения могут классифицироваться по-разному в зависимости от того, насколько они ограничивают конкуренцию, и кто участвует в сделке (одна или несколько компаний). В ряде случаев они могут быть предметом регулирования в качестве коллективных антиконкурентных действий, например, если приводят к координации рыночного поведения нескольких компаний. Другими словами, хотя вертикальные соглашения обычно являются коллективными действиями, аспекты этих соглашений, связанные с использованием доминирующего положения одной стороной, могут анализироваться как индивидуальные антиконкурентные действия.

Индивидуальные антиконкурентные действия. Индивидуальные действия происходят на уровне одной компании, злоупотребляющей своим положением. Злоупотребление доминирующим положением (статья 102 ДФЕС) касается действий одной или нескольких компаний, которые занимают доминирующее положение на рынке и злоупотребляют этим положением. В отличие от ограничительных соглашений, злоупотребление доминированием не обязательно включает участие более чем одного субъекта в пакте или соглашении, а

сосредотачивается на практиках, которые доминирующая компания может использовать для несправедливого поддержания или расширения своего положения на рынке.

Злоупотребление доминирующим положением может выражаться в следующих действиях на рынке:

А) Неправомерное ценообразование:

• хищническое ценообразование — установление цен на уровне ниже себестоимости с целью вытеснения конкурентов, а затем повышение цен.

• навязывание несправедливо высоких цен или условий, которые не соответствуют экономической обоснованности.

Б) Ограничительные торговые практики:

• ограничение производства, рынков или технического развития в ущерб потребителям;

• эксклюзивные соглашения и требование от покупателей не покупать товары или услуги у конкурентов.

В) Дискриминационные практики:

- Применение различных условий к эквивалентным сделкам с другими торговыми партнерами, которые ставят их в невыгодное конкурентное положение;

- Дискриминация по ценам между различными покупателями, если это не оправдано различиями в условиях сделок.

Д) Привязка продуктов:

- Продажа одного товара на условии покупки другого товара, который покупатель в ином случае не выбрал бы.

Остановимся на основных индивидуальных антиконкурентных злоупотреблениях:

1) Хищническое ценообразование. Установление низких цен в попытке вытеснить конкурентов с рынка с намерением повысить цены позже. Хищническое ценообразование происходит, когда компания намеренно устанавливает цены ниже своих затрат с целью вытеснения конкурентов с рынка.

После того как конкуренты будут вытеснены, хищническая компания может повысить цены, чтобы возместить убытки, эксплуатируя свое доминирующее положение. В законодательстве ЕС о конкуренции хищническое ценообразование в основном рассматривается в рамках статьи 102 ДФЕС, которая запрещает злоупотребления компаниями, занимающими доминирующее положение на рынке.

Европейская комиссия считает хищническое ценообразование серьезным злоупотреблением доминирующим положением. Решающим делом, устанавливающим рамки для анализа хищнического ценообразования в законодательстве ЕС, является дело AKZO, рассмотренное Судом ЕС в 1991[117]. Дело затрагивало компанию AKZO Chemie BV, производителя органических перекисей, используемых в производстве пластиков. Европейская комиссия обвинила AKZO в осуществлении хищнического ценообразования с целью вытеснения конкурентов, в частности, меньшей британской фирмы ECS, с рынка. Комиссия утверждала, что AKZO установила свои цены на искусственно низком уровне, который был неустойчив в долгосрочной перспективе, с намерением устранить ECS, а затем восстановить доминирование на рынке путем повышения цен. Суд ЕС поддержал решение Комиссии, сформулировав двухэтапный тест для оценки хищнического ценообразования:

А) Цены ниже средних переменных затрат (AVC)[118]. Если доминирующая компания продает продукцию ниже средних переменных затрат, предполагается, что такие продажи являются хищническими. Это потому, что такие продажи считаются экономически иррациональными, если только их цель не заключается в устранении конкуренции. Продажа ниже средних переменных затрат подразумевает, что компания несет убытки на каждой проданной единице, чего не делала бы экономически рациональная фирма, если бы не стремилась вытеснить конкурентов.

---

[117] Case C-62/86, AKZO Chemie BV v Commission of the European Communities, [1991] ECR I-3359.
[118] Average Variable Cost. Это средние затраты на производство одного единичного продукта, которые включают только переменные издержки, то есть те, которые меняются в зависимости от объема производства (например, сырье, заработная плата рабочих и энергия.

Б) Цены ниже средних общих затрат (АТС)[119], но выше средних переменных затрат. Если цены установлены в диапазоне между ниже средних переменных затрат и ниже средних общих затрат, они все равно могут рассматриваться как злоупотребление, если есть дополнительные доказательства, указывающие на то, что стратегия ценообразования была направлена на устранение конкурентов. Эта часть теста признает, что цены могут покрывать переменные затраты, но все же быть частью стратегии вреда конкуренции, если они не покрывают общие затраты с течением времени.

Дело AKZO оказало значительное влияние на применение статьи 102 ДФЕС против хищнического ценообразования. Решение предоставляет четкие ориентиры для регулирующих органов по оценке того, могут ли ценовые стратегии доминирующей компании рассматриваться как злоупотребление. Оно подчеркивает важность намерений и экономической логики, лежащих в основе решений о ценообразовании, требуя от регуляторов учитывать контекст и детали предполагаемого хищнического ценообразования.

Тест AKZO отражает баланс между защитой конкуренции и ненадлежащим наказанием за агрессивные ценовые стратегии, которые могут принести пользу потребителям. Он предоставляет защиту от антиконкурентных злоупотреблений, признавая, что низкие цены в целом могут быть про-конкурентными и выгодными.

С экономической точки зрения, хищническое ценообразование может быть эффективной, но рискованной стратегией для доминирующей фирмы. Оно включает краткосрочные жертвы ради потенциальных долгосрочных выгод за счет снижения конкуренции. Тест AKZO помогает гарантировать, что действия, предпринимаемые против таких практик, оправданы не только низкими ценами, но и комбинацией уровня цен и намерения нанести вред конкуренции.

Дело AKZO остается важным элементом в законодательстве ЕС о конкуренции, часто цитируемым и используемым в последующих делах, связанных со стратегиями ценообразования и злоупотреблением доминирующим

---

[119] Average Total Cost. Это средние общие затраты на единицу продукции, которые включают как переменные, так и постоянные издержки (такие как аренда и оборудование).

положением на рынке. Оно устанавливает критические критерии, которые продолжают направлять анализ хищнического ценообразования в правовой системе Европейского союза, сбалансированно учитывая необходимость способствовать конкурентным рынкам с защитой бизнеса и потребителей от антиконкурентного поведения. Эти критерии помогают определить, занимается ли фирма хищническим ценообразованием. Намерение устранить конкуренцию и возможность возместить убытки являются ключевыми элементами, которые должны быть установлены.

Р. Уиш и Д. Бейли[120] обсуждают экономическое обоснование хищнического ценообразования и трудности доказывания таких случаев. Они отмечают, что демонстрация хищнического намерения и осуществимость возмещения убытков сложна, но критична для принятия мер принуждения.

Э. Джонс и Б. Суфрин [121] предлагают критический взгляд на подход Европейской комиссии к хищническому ценообразованию, предполагая, что строгие требования, установленные в тесте AKZO, могут затруднить для Комиссии эффективное противодействие хищническим практикам, особенно на быстро меняющихся рынках.

Д. Жераден и И. Лианианос[122] исследуют альтернативные подходы к анализу хищнического ценообразования, выступая за более экономически нюансированный подход, учитывающий динамику рынка и потенциал инноваций и повышения эффективности, даже от стратегий ценообразования, которые изначально могут казаться хищническими.

Немаловажным делом, относящимся к проблеме хищнического ценообразования, является Дело Tetra Pak II (CEC, 1996): [123] в этом деле Суд Европейского Союза поддержал решение против Tetra Pak за злоупотребление

---

[120] Whish, R., & Bailey, D. (2018). Competition Law (9th ed.). Oxford: Oxford University Press.
[121] Jones, A., & Sufrin, B. (2019). EU Competition Law: Text, Cases, and Materials (6th ed.). Oxford: Oxford University Press.
[122] Geradin, D., & Lianos, I. (2013). Handbook on European Competition Law: Substantive Aspects. Edward Elgar Publishing.
[123] Case C-333/94, Tetra Pak International SA v Commission of the European Communities, [1996] ECR I-5951.

доминирующим положением путем применения стратегий хищнического ценообразования для исключения конкурентов с рынка. Это дело часто приводится в качестве примера готовности Европейской комиссии бороться с хищническим ценообразованием, даже когда доля рынка, занимаемая хищнической фирмой очень велика.

С экономической точки зрения, хищническое ценообразование считается иррациональной стратегией по традиционным моделям, поскольку оно влечет за собой значительные краткосрочные потери. Однако на рынках, где барьеры для входа высоки или где хищническая фирма может эффективно препятствовать будущим входам для других субъектов рынка, такие стратегии могут оказаться выгодными. Экономисты, такие как Ж. Тироль [124], обсуждали условия, при которых хищническое ценообразование может быть рациональной и эффективной тактикой исключения.

Хищническое ценообразование представляет собой одну из самых сложных областей правоприменения в области конкурентного права ЕС, требующую тщательного баланса между противодействием действительно вредным практикам ценообразования и не подавлением агрессивной ценовой конкуренции, которая приносит пользу потребителям. Экономическая и юридическая сложность, связанная с этим, требует ситуативного подхода, включающего как подробный экономический анализ, так и четкое понимание динамики рынка и стратегий компаний.

Этот подробный анализ хищнического ценообразования в рамках законодательства ЕС о конкуренции обеспечивает глубокое понимание правовой обработки этой практики, ее экономического обоснования и дискуссий вокруг ее правоприменения. Это обсуждение обогащает тезис, подчеркивая сложности и вызовы, с которыми сталкиваются при решении этой сложной формы антиконкурентного поведения.

---

[124] Tirole, J. (1988). The Theory of Industrial Organization. Cambridge, MA: MIT Press.

2) Эксклюзивные сделки. это принуждение или стимулирование клиентов покупать только у доминирующей компании. Эксклюзивные сделки предполагают условия, при которых поставщик ограничивает свободу покупателя выбирать, у кого он покупает товары или кому их продает. В законодательстве ЕС о конкуренции такие практики особенно тщательно рассматриваются, когда они осуществляются доминирующей компанией, поскольку они могут потенциально составлять злоупотребление доминирующим положением на рынке в соответствии со статьей 102 ДФЕС. Эти соглашения могут включать программы лояльности, связывание или требования к контрактам, которые фактически препятствуют или отговаривают клиентов обращаться к конкурентам.

Европейская комиссия рассматривает эксклюзивные сделки как потенциально исключающие практики, которые могут нанести вред конкуренции, особенно если они приводят к закрытию рынка. В данном случае под «закрытием рынка» понимается ситуация, когда конкурентам отказывают в доступе к поставкам или рынкам, снижая их способность эффективно действовать на рынке. Оценка обычно сосредотачивается на степени, в которой практика, скорее всего, повлияет на доступ конкурентов на рынок, продолжительность и охват соглашений, и их воздействие на рыночную конкуренцию.

Р. Уиш и Д. Бейли [125] обсуждают, как доминирующие фирмы могут использовать эксклюзивные сделки для обеспечения лояльности ключевых клиентов, предлагая скидки или вознаграждения в обмен на эксклюзивность. Хотя такие практики потенциально могут повышать эффективность, они могут повышать барьеры для входа и ограничивать доступ конкурентов на рынок, если поведение доминирующей фирмы приводит к закрытию значительной части рынка.

Э. Джонс и Б. Суфрин [126] подчеркивают, что эксклюзивные сделки необходимо тщательно оценивать с точки зрения их воздействия на конкуренцию.

---

[125] Whish, R., & Bailey, D. (2018). Competition Law (9th ed.). Oxford: Oxford University Press.
[126] Jones, A., & Sufrin, B. (2019). EU Competition Law: Text, Cases, and Materials (6th ed.). Oxford: Oxford University Press.

Авторы отмечают, что, хотя эксклюзивные соглашения иногда могут повышать эффективность, обеспечивая поставки или объемы продаж, они также могут ограничивать соперничество для субъектов рынка, если используются доминирующей фирмой для значительного уменьшения конкурентной структуры рынка.

Д. Жераден[127] предлагает, что эксклюзивные сделки следует анализировать в более широком контексте рыночной динамики, включая состояние рынка, уровень барьеров для входа и фактический ущерб для потребителей, возникающий в результате таких практик. Этот подход подчеркивает более ситуативное понимание структуры рынка и экономического воздействия.

Одним из самых значимых дел, в котором рассматривается вопрос эксклюзивности сделок, стало дело Michelin II (2003)[128]. В этом деле Суд ЕС поддержал штраф против Michelin за злоупотребление доминирующим положением путем внедрения системы лояльности и эксклюзивных сделок, которые фактически исключали конкурентов. Это дело является ключевым примером того, как эксклюзивные сделки и стимулы лояльности могут рассматриваться как злоупотребление в соответствии с законодательством ЕС.

Экономисты часто обсуждают эффекты эксклюзивных сделок, отмечая, при этом, что такие сделки могут обеспечивать стабильные цепочки поставок и инвестиции в маркетинг или продажи[129]. Эффекты эксклюзивных сделок также могут привести к антиконкурентным последствиям, увеличивая барьеры для входа и снижая доступность альтернатив для потребителей. Экономическое воздействие в значительной степени зависит от конкретной структуры рынка, такой как наличие сетевых эффектов или экономии от масштаба.

Эксклюзивные сделки в законодательстве ЕС о конкуренции представляют собой сложную сферу, где важно тщательно оценивать возможные преимущества

---

[127] Geradin, D. (2007). Towards a More Balanced Approach to Vertical Agreements. In E. Elhauge & D. Geradin (Eds.), Global Competition Law and Economics. Stanford University Press.
[128] Case C-322/01, Michelin v Commission, [2003] ECR I-4071.
[129] Chopra, S. & Meindl, P. (2016). Supply Chain Management: Strategy, Planning, and Operation (6th ed.). Pearson., p. 78.

для эффективности и одновременно учитывать риски ограничения доступа к рынку и нанесения антиконкурентного ущерба. Подход, принятый органами ЕС, обычно включает подробный анализ воздействия на рынок и намерений, лежащих в основе использования эксклюзивных соглашений.

3) Связывание (навязывание) и комплектация. Это требование от клиентов приобретать дополнительные продукты при покупке доминирующего продукта. Связывание происходит, когда компания использует свое доминирование на одном рынке для расширения своего влияния на другой, связывая два продукта вместе. Комплектация, близкая по своей сути к связыванию, предполагает продажу нескольких продуктов в одном пакете. Обе практики могут потенциально ограничивать конкуренцию, если они ограничивают выбор потребителей или исключают конкурентов с рынка. В законодательстве ЕС в сфере конкуренции, в частности в статье 102 ДФЕС, особое внимание уделяется практикам связывания и комплектации товаров или услуг доминирующими фирмами. Эти действия тщательно анализируются, поскольку могут быть признаны злоупотреблением рыночной властью. Связывание товаров может ограничивать выбор потребителей и препятствовать конкуренции, что является одной из ключевых целей антимонопольного регулирования.

Европейская комиссия рассматривает связывание и комплектацию как потенциально неправомерные практики, если доминирующая компания навязывает их клиентам, тем самым искажая условия конкуренции. Для установления факта нарушения необходимо доказать несколько ключевых аспектов: наличие доминирующего положения на рынке связываемого продукта, различие между связываемыми и связанными продуктами, а также наличие антиконкурентных эффектов от применения этих практик.

Р. Уиш и Д. Бейли [130] рассматривают сложность доказательства антиконкурентного ущерба от связывания и комплектации. Они отмечают, что эти практики иногда могут приводить к повышению эффективности, например, за

[130] Whish, R., & Bailey, D. (2018). Competition Law (9th ed.). Oxford: Oxford University Press.

счет снижения транзакционных издержек и преимуществ от синергии продуктов, но также могут ограничивать доступ на рынок и выбор потребителей, когда их использует доминирующая фирма.

Э. Джонс и Б. Суфрин[131] обсуждают экономические и юридические вызовы в различии между про-конкурентным и антиконкурентным связыванием. Они подчеркивают важность анализа рынка Европейской комиссией при определении того, значительно ли данное поведение ограничивает конкуренцию или нет.

Д. Жераден [132] предлагает более тонкий подход к связыванию и комплектации, предлагая такой подход, при котором регуляторы должны учитывать потенциальный ущерб и выгоды для потребителей. Он указывает, что на рынке технологий, например, связывание может улучшить функциональность продукта и опыт потребителя.

Без преувеличения можно сказать, что дело Microsoft Corp против Комиссии (2007)[133] является самым знаковым делом в отношении связывания (навязывания) дополнительных товаров и/или услуг. По итогу, Европейская комиссия признала компанию Microsoft виновной в злоупотреблении доминирующим положением, из-за связывания своего Windows Media Player с операционной системой Windows. Это решение имеет большое значение для дискуссий по вопросам связывания и комплектации, поскольку оно подчеркивает критерии, по которым такая практика считается злоупотреблением в соответствии с антимонопольным законодательством ЕС. Суд первой инстанции поддержал решение Комиссии, подтвердив необходимость того, чтобы доминирующие компании вели себя так, чтобы не исключить конкуренцию и не навредить выбору потребителей.

С экономической точки зрения, связывание и комплектация могут повысить эффективность продукта и удобство для потребителя, но также могут препятствовать конкуренции, усиливая сетевые эффекты и создавая барьеры для

---

[131] Jones, A., & Sufrin, B. (2019). EU Competition Law: Text, Cases, and Materials (6th ed.). Oxford: Oxford University Press.
[132] Geradin, D. (2007). Towards a More Balanced Approach to Vertical Agreements. In E. Elhauge & D. Geradin (Eds.), Global Competition Law and Economics. Stanford University Press.
[133] Case T-201/04, Microsoft Corp v Commission of the European Communities, [2007] ECR II-3601.

входа. Экономисты часто обсуждают условия, при которых эти практики переходят от про-конкурентных к антиконкурентным, сосредотачиваясь на их воздействии на рыночную власть и выбор потребителей.

Связывание и комплектация в конкурентном праве ЕС представляют собой сложные области из-за двойственной природы их потенциальных эффектов. Они требуют тщательного изучения рыночной динамики, намерений доминирующей фирмы и реального воздействия на конкуренцию и потребителей. Юристы и экономисты вносят свой вклад в понимание этих практик, выступая за сбалансированное регулирование, которое защищает конкурентные рынки, позволяя при этом компаниям повышать свою эффективность путем применения инноваций.

Такой всесторонний анализ связывания и комплектации предоставляет глубокий взгляд на их последствия в рамках законодательства ЕС о конкуренции, предлагая взгляды из юридических и экономических теорий для понимания того, как эти практики регулируются в современных рамках.

Таким образом были рассмотрены основные формы злоупотреблений, которые субъекты допускают на рынке. Каждая из этих рассмотренных выше форм антиконкурентного поведения не только подавляет конкуренцию, но и вредит потребителям, увеличивая цены, сокращая выбор и замедляя инновации. Характеристика этих действий часто включает детальный экономический анализ для понимания их воздействия на структуры рынка и благосостояние потребителей. Органы правоприменения в сфере конкуренции, такие как Европейская комиссия, используют подходы, включающие сочетание юридических прецедентов, экономической теории и рыночных данных для оценки и преследования этих практик.

Таким образом, понимание нюансов индивидуальных антиконкурентных действий в законодательстве ЕС имеет решающее значение для обеспечения соблюдения и применения правил, которые поддерживают открытые и конкурентоспособные рынки ЕС. Типологизация и характеристика этих действий предоставляют рамки для юристов, бизнеса и органов правоприменения для

идентификации и решения поведений, которые могут привести к искажениям рынка.

2.2. Роль Европейской комиссии в сфере пресечения индивидуальных антиконкурентных действий

Европейская комиссия занимает ключевую роль в обеспечении соблюдения конкурентного законодательства в Европейском Союзе. Как главный регулятор, Комиссия не только следит за выполнением правил, но и активно предотвращает нарушения, такие как, например, злоупотребление доминирующим положением. Важнейшим элементом деятельности Комиссии является ее ответственность за поддержание справедливых условий для бизнеса, что, в свою очередь, способствует защите прав потребителей и развитию экономики в целом.

Основной задачей Комиссии является предотвращение ситуаций, при которых крупные компании используют свое доминирующее положение для ограничения конкуренции. Злоупотребления могут проявляться в форме завышенных цен, блокировки входа на рынок для конкурентов или навязывания невыгодных условий клиентам. Вмешательство Комиссии помогает создать более равные условия для всех субъектов рынка, обеспечивая динамичную и инновационную среду.

Комиссия обладает широкими полномочиями для расследования потенциальных нарушений, включая право на сбор информации, проведение обысков и запросов у компаний. В случае выявления злоупотреблений, она может наложить значительные штрафы и потребовать изменения практик, что делает ее эффективным инструментом контроля и регулирования. Огромное значение деятельности Комиссии в сфере конкурентного права Европейского Союза заключается не только в её законодательных полномочиях, но и критической роли в поддержании экономической стабильности и защиты интересов как бизнеса, так и потребителей.

Европейская комиссия занимает центральное место в структуре органов Европейского Союза и является исполнительным органом, ответственным за реализацию решений, принимаемых Европейским Парламентом и Советом ЕС. Она выполняет как политические, так и административные функции, в том числе является основным органом, обеспечивающим соблюдение правил конкуренции в ЕС. В рамках своей работы Комиссия представляет интересы ЕС в целом, а не отдельных государств-членов, что позволяет ей эффективно бороться с нарушениями и злоупотреблениями на общеевропейском уровне.

Комиссия, помимо регулирования конкуренции, разрабатывает новые законодательные инициативы, которые затем проходят согласование с Европейским Парламентом и Советом. В контексте конкуренции Комиссия отвечает за мониторинг выполнения законодательных норм, что включает проверку крупных слияний, предотвращение монополий и борьбу с недобросовестными коммерческими практиками. Она также сотрудничает с национальными антимонопольными органами стран ЕС, что позволяет координировать усилия на национальном и наднациональном (общеевропейском) уровнях для достижения лучших результатов в защите конкуренции.

Таким образом, Европейская комиссия не только выступает гарантом соблюдения конкурентного права, но и играет активную роль в формировании экономической политики ЕС. Она обеспечивает равные условия для всех участников рынка, наблюдая за тем, чтобы экономическая мощь крупных компаний не ущемляла интересы потребителей и малых предприятий.

Основными источниками мандата Европейской комиссии в области конкурентной политики являются: Договор о функционировании Европейского Союза (ДФЕС), Регламент Совета (ЕС) No 1/2003, Регламент Совета (ЕС) No 139/2004. Под мандатом Европейской комиссии в области конкурентной политики понимается совокупность полномочий и обязанностей, предоставленных ей правовыми актами ЕС, для обеспечения соблюдения законодательства о конкуренции.

Данный мандат охватывает широкий спектр деятельности, направленной на предотвращение практик, искажающих конкуренцию на внутреннем рынке. К обязанностям Комиссии относятся надзор за слияниями и поглощениями, борьба с незаконной государственной помощью и преследование прямых нарушений законодательства о конкуренции, таких как картели и злоупотребление доминирующим положением.

Как в своей работе пишет Р. Уиш: «комиссия выполняет уникальную задачу применения этих правил конкуренции по всему ЕС, поскольку только она может принимать решения о нарушениях статей 101 и 102, требовать прекращения нарушений и налагать штрафы.»[134]

Кроме того, Р. Уиш и Д. Бейли подчеркивают значительные полномочия, предоставленные Комиссии относительно законодательства ЕС, отмечая ее двойную роль как исследователя и исполнителя. Они обсуждают, как проактивный подход Комиссии к применению законодательства о конкуренции имеет решающее значение для обеспечения равных условий в едином рынке ЕС.

Мандат Европейской комиссии по конкурентной политике, как описывает В.Ю. Слепак [135], прежде всего, сосредоточен на применении и обеспечении исполнения статей 101 и 102 Договора о функционировании Европейского союза (ДФЕС). В.Ю. Слепак отмечает, что «задача Комиссии заключается в том, чтобы гарантировать соблюдение всех рыночных активностей внутри ЕС правилами, способствующими продвижению конкуренции и предотвращению практик, которые могли бы нарушить конкурентоспособность внутреннего рынка»[136].

В.Ю. Слепак выделяет несколько ключевых моментов относительно роли Комиссии:

- «применение принципов ДФЕС. Комиссия обеспечивает применение принципов, запрещающих антиконкурентные соглашения и злоупотребление

---

[134] Whish, R., & Bailey, D. (2018). Competition Law (9th ed.). Oxford: Oxford University Press., p.34.
[135] Слепак В.Ю. Отдельные аспекты применения запрета на злоупотребление доминирующим положением в ЕС и ЕАЭС.
[136] Там же, стр. 427.

доминирующим положением, поскольку они являются критически важными для поддержания свободной конкуренции на внутреннем рынке» [137].

- обязанности доминирующих компаний. Подчеркивая судебную практику Суда Европейского Союза, В.Ю. Слепак указывает, что Европейская комиссия играет ключевую роль в обеспечении того, чтобы доминирующие компании на рынке не злоупотребляли своей рыночной властью. Хотя само наличие доминирующего положения не является незаконным, именно Комиссия контролирует соблюдение специальных обязательств, которые возлагаются на такие компании, чтобы их поведение не нарушало конкуренцию.[138] Комиссия осуществляет расследования и принимает меры в случаях, когда компании с доминирующим положением используют свою силу для ограничения доступа на рынок или вытеснения конкурентов, что противоречит статье 102 ДФЕС. Комиссия может налагать штрафы, предписывать изменение практик компаний и, при необходимости, обращаться в Суд Европейского союза для обеспечения соблюдения решений. Кроме того, В.Ю. Слепак ссылается на «Руководство по приоритетам в области применения законодательства», которое поясняет, как Комиссия определяет приоритеты своих действий, особенно сосредотачиваясь на случаях, которые наиболее вероятно могут навредить процессу конкуренции и благосостоянию потребителей. Это руководство подчеркивает роль Комиссии не только в карательных мерах, но и в направлении поведения корпораций на улучшение рыночной динамики и эффективности.

Вышеперечисленные выводы В.Ю. Слепака предоставляют подробное отражение того, как Европейская комиссия осуществляет свою критически важную роль в политике конкуренции, подчеркивая баланс между регулятивным принуждением и стимулированием конкурентной экономики. Через эти механизмы Европейская комиссия выполняет ключевую роль в защите конкурентоспособности рынков ЕС, гарантируя, что законы о конкуренции

---

[137] Слепак В.Ю. Отдельные аспекты применения запрета на злоупотребление доминирующим положением в ЕС и ЕАЭС., стр. 428-430.

[138] Слепак В.Ю. Отдельные аспекты применения запрета на злоупотребление доминирующим положением в ЕС и ЕАЭС, стр. 428.

применяются эффективно и что экономические взаимодействия внутри ЕС способствуют росту и инновациям.

Европейская комиссия использует различные инструменты и механизмы для выполнения своих выполнения своих обязанностей. К ним относятся возможность инициирования расследований, наложение штрафов и приказы компаниям изменить свои коммерческие практики для соответствия праву ЕС. Подход Комиссии к принудительному исполнению характеризуется акцентом как на сдерживании, так и на предотвращении, с целью отговорить компании от участия в антиконкурентных практиках и исправить ситуации, где конкуренция была искажена.

Инструменты принуждения такие как Расследования и так называемые «рейды на рассвете». [139] Одним из самых мощных инструментов, доступных Комиссии, является ее право проводить необъявленные проверки или «рейды на рассвете» на территории субъектов, подозреваемых в участии в антиконкурентных практиках. Эти рейды критически важны для сбора доказательств и часто являются первым шагом в официальных процедурах против таких субъектов.

Рейды на рассвете имеют критически важное значение, поскольку они:

- отталкивают субъекты от антиконкурентных практик, ведь даже возможность «рейда на рассвете» может служить сдерживающим фактором для субъектов, рассматривающих возможность занятия или участия в незаконной деятельности;

- позволяют выявить и доказать правонарушение. Проведение рейдов позволяет Комиссии получить доказательства, которые могут быть недоступны при использовании других способов, например цифровые данные, внутренние коммуникации и документы, которые субъекты не предоставили бы добровольно;

---

[139] Термин «рейд на рассвете» не является официальной юридической терминологией, а скорее образным выражением, которое точно описывает внезапность и раннее время этих проверок. Обычно они проводятся рано утром, в начале рабочего дня, когда их меньше всего ожидают и когда больше шансов, что весь релевантный персонал присутствует на месте, но еще не готов к такому вмешательству. Такое время помогает максимизировать элемент неожиданности и минимизировать шанс, что доказательства будут подделаны или уничтожены.

- сигнализируют о серьезности обеспечения законности. Использование рейдов на рассвете сигнализирует рынку о серьезности, с которой Комиссия относится к обеспечению соблюдения законов в сфере конкурентного права ЕС.

Ярким примером «дела на рассвете» служит антимонопольное расследование в отношении Intel[140]. В этом случае Европейская комиссия провела серию рейдов на рассвете на территории компании Intel и нескольких производителей компьютеров в 2008 году. Данные рейды проводились в рамках расследования обвинений в том, что Intel злоупотребляла своим доминирующим положением на рынке процессоров x86. Рейды были критически важны для сбора доказательств того, что Intel занималась незаконными практиками, чтобы исключить конкурентов, что в конечном итоге привело к тому, что Комиссия оштрафовала Intel на 1,06 миллиарда евро в 2009 году. Эта огромная сумма стала одним из самых больших антимонопольных штрафов на тот момент.

Тем не менее, известны случаи, когда «рейды на рассвете» трактовались как значительные нарушения прав субъектов, подозреваемых в злоупотреблениях. Известны случаи, когда использование Европейской комиссией «рейдов на рассвете» оспаривалось в судах, и суды признавали, что Комиссия превысила свои полномочия или недостаточно обосновала необходимость проведения рейда.

В качестве примера можно рассмотреть дело Nexans SA против Европейской комиссии[141]. Nexans SA - французский производитель кабелей. Европейская комиссия провела рейд на рассвете на территории Nexans в 2009 году в рамках расследования предполагаемых антиконкурентных практик в секторе электрических кабелей.

Решение Европейской комиссии[142]. Комиссия провела «рейд на рассвете», подозревая, что Nexans участвует в картеле, влияющем на поставку электрических кабелей и сопутствующей продукции. Компания Nexans оспорила законность «рейда на рассвете», утверждая, что решение, принятое Комиссией о проверке,

---

[140] Case COMP/C-3/37.990 – Intel Corporation, Commission Decision of 13 May 2009.
[141] Case T-135/09, Nexans SA and Nexans France SAS v European Commission.
[142] European Commission Decision in case T-449/14 - Nexans France and Nexans v Commission.

носило чрезмерно общий характер и не имело необходимой для такой проверки конкретики.

В 2012 году Общий суд частично отменил решение Европейской комиссии о проверке, указав, что полномочия Комиссии были слишком широкими. Суд постановил, что право Комиссии проверять «все профессиональные документы, относящиеся ко всем продуктам», превышало необходимые пределы полномочий. Согласно статье 19 Договора о Европейском союзе, судебные органы ЕС, включая Суд (European Court of Justice) и Общий суд (General Court), обеспечивают соблюдение права ЕС и контролируют законность действий институтов ЕС.

В конечном итоге Суд (European Court of Justice) подтвердил решение Общего суда, подчеркнув необходимость для Комиссии иметь достаточно четкое подозрение и ограничивать свои проверки только в тех пределах, которые необходимы для расследования.

Правовые и регуляторные последствия Дела Nexans подчеркивает важность судебного контроля за тем, чтобы использование Комиссией следственных полномочий, таких как «рейды на рассвете», уважало права компаний и строго соответствовало принципам необходимости и пропорциональности. Это дело привело к более строгим требованиям к Комиссии по четкому и узкому определению рамок и целей своих проверок в соответствии с правами на конфиденциальность и защиту коммерческих секретов. Таким образом, этот случай служит критическим примером системы сдержек и противовесов, существующих в ЕС. Для того, чтобы предотвратить чрезмерное вмешательство Европейской Комиссии, после этого дела, теперь Европейская комиссия обязана гарантировать, что те или иные действия по принуждению обоснованы, необходимы и пропорциональны предполагаемым нарушениям антимонопольного законодательства.

Кроме того, Европейская комиссия обладает еще некоторыми инструментами принуждения:

- запросы на предоставление информации. Комиссия часто выдает запросы на предоставление информации компаниям и организациям в рамках своих

процедурных расследований. Эти запросы обязывают предоставить данные, необходимые для оценки соответствия законам о конкуренции.

Например, секторальные запросы. В случае, когда Комиссия подозревает, что на рынке могут существовать антиконкурентные практики, она может провести секторальные запросы для изучения условий конкуренции в конкретных секторах. Эти запросы помогают выявить сектора, где конкуренция может быть искажена;

- механизмы влияния, штрафы и наказания. В качестве сдерживающего фактора против нарушений законов о конкуренции Комиссия может налагать значительные штрафы на субъекты. Эти штрафы рассчитываются на основе характера, серьезности и продолжительности нарушения и могут составлять до 10% от годового мирового оборота нарушающего субъекта.

- решения о принятии обязательств. Для разрешения вопросов, касающихся потенциальных антиконкурентных практик без вывода о нарушении, Комиссия может принять обязательства от субъектов изменить их поведение. После принятия эти обязательства становятся юридически обязательными для таких субъектов;

- решения о запрете. В серьезных случаях Комиссия может вынести решения, которые напрямую запрещают определенные практики и могут требовать от компаний продажу активов или изменение их бизнес-практик для восстановления конкурентных условий. Как отмечают Э. Джонс и Б. Суфрин, стратегия принуждения Европейской комиссии требует тонкого баланса: «политика принуждения по статьям 101 и 102 ДФЕС должна находить баланс между эффективным наказанием за антиконкурентное поведение и обеспечением достаточных стимулов для компаний к здоровой конкуренции.» [143]

Этот баланс критически важен, поскольку чрезмерно агрессивное принуждение может подавлять законную бизнес-деятельность и инновации, тогда как слишком мягкий подход может не сдерживать антиконкурентные практики. Можно утверждать, что именно нахождение того самого баланса между принуждением и развитием законных бизнес-процессов и инноваций и является

[143] Jones, Alison, and Brenda Sufrin. EU Competition Law: Text, Cases, and Materials. 6th ed., Oxford University Press, 2016, p. 47.

главной задачей и в тоже время главное проблемой всего института правоприменения конкурентного права ЕС. Поэтому Европейская комиссия выработала определенный подход, который направлен на:

- содействие соблюдению через четкие руководства и предсказуемые результаты;

- способствование культуре конкуренции на внутреннем рынке;

- обеспечение того, чтобы действия по принуждению были пропорциональны и адаптированы к конкретным обстоятельствам каждого случая.

Применение законодательства о конкуренции в ЕС представляет собой уникальные вызовы, особенно учитывая глобальный и взаимосвязанный характер современных экономик. Комиссии постоянно приходится адаптировать свои стратегии для решения новых рыночных тенденций, таких как появление цифровых платформ и растущее значение данных в коммерции. Эффективность ее действий часто зависит от ее способности координировать свои усилия с национальными органами по конкуренции в ЕС и с агентствами по конкуренции по всему миру.

Приспособление законодательства о конкуренции к цифровой экономике остается одной из главных задач Европейской комиссии. Быстрое развитие цифровых рынков, характеризующихся доминированием платформ, бизнес-моделями, основанными на данных, и сетевыми эффектами, которые закрепляют лидерство на рынке, требует переосмысления традиционных антимонопольных принципов.

И. Лианос изучает вызовы, с которыми сталкивается Комиссия в цифровой экономике, где традиционные подходы к применению законодательства о конкуренции могут быть недостаточны для решения сложностей цифровых рынков. Он обсуждает необходимость тонкого понимания рыночной динамики и гибкого применения правил конкуренции: «Цифровая экономика меняет рынки и конкуренцию. Традиционные антимонопольные подходы должны быть

адаптированы к миру, где конкуренция — это гонка за инновациями, а доминирование на рынке может быть преходящим и не обязательно вредным».[144]

Проблемы в области применения антимонопольного законодательства в цифровой экономике:

А) Быстрое развитие рынка. Цифровой рынок развивается с такой скоростью, что традиционные регуляторные меры не успевают за ним. Цифровые рынки склонны к динамике «победитель получает все», где начальные преимущества могут превратиться в долгосрочное доминирование, часто усиливаемое сетевыми эффектами, когда ценность услуги увеличивается с ростом числа ее пользователей;

Б) Данные и конкуренция. В цифровой экономике данные являются критически важным активом, который может предоставить огромные конкурентные преимущества. Традиционное антимонопольное законодательство не было призвано решать сложности, внесенные массовым накоплением и стратегическим использованием данных. Способы сбора, использования и распространения данных порождают новые вызовы для антимонопольных органов, касающиеся как защиты потребителей, так и сохранения конкурентных рынков;

В) Экономика платформ. Развитие экономики платформ включает множество уровней взаимодействия между различными пользователями и поставщиками. Платформы могут выступать в роли пропускных ворот на цифровых рынках, создавая барьеры для входа и потенциально злоупотребляя своим рыночным положением через предпочтительное обращение к своим услугам или несправедливые условия для других предприятий и потребителей.

А. Эзрахи подчеркивает тонкости конкуренции в цифровую эпоху, особенно то, как цифровые платформы бросают вызов существующим структурам рынка и что это значит для антимонопольного правоприменения: «алгоритмы и стратегии, основанные на данных, введенные цифровыми платформами, вносят непрозрачные

[144] Lianos, I. (2020). Competition Law in the Digital Economy. Oxford: Oxford University Press., p. 22-37.

слои контроля за рынком, которые могут тонко манипулировать динамикой рынка и восприятием потребителей без явных антиконкурентных практик.»[145]

В свою очередь, продолжаются усилия Европейской комиссии по решению сложностей, вносимых цифровой экономикой в правоприменение антимонопольного законодательства. По мере того, как цифровые рынки продолжают эволюционировать, Комиссия, руководствуясь доктриной, должна постоянно адаптировать свои рамки, чтобы гарантировать их эффективность. Эта адаптация не только включает переосмысление правоприменения антимонопольного законодательства, но и интеграцию более широких регуляторных перспектив, охватывающих конфиденциальность, права потребителей и прозрачность рыночных операций.

Законодательство явно не может отразить в себе всю полноту процессов, происходящих с течением времени, в режиме реального времени. Поэтому с усилением тенденции по цифровизации процессов на первое место все чаще будут выходить Суд ЕС и Европейская комиссия, которые будут устанавливать новые источники права, для конкретных ситуаций.

В заключении необходимо отметить, что методы и механизмы, используемые Европейской комиссией, отражают ее комплексный подход к обеспечению соблюдения конкурентного права ЕС. Сочетание полномочий по расследованию, инструментов принуждения и стратегических решений позволяет Комиссии не только наказывать субъектов-нарушителей за антиконкурентное поведение, но и активно формировать бизнес-практики для продвижения здоровой конкурентной среды по всему Европейскому Союзу. Этот тонкий подход является гарантом того, что рынок будет динамичным и справедливым, способствуя атмосфере, где инновации и интересы потребителей находятся на переднем плане.

---

[145] Ezrachi, A. (2017). Virtual Competition: The Promise and Perils of the Algorithm-Driven Economy. Harvard University Press.

2.3. Прецедентная практика Суда ЕС в сфере запрета индивидуальных антиконкурентных действий

Суд ЕС играет ключевую роль в толковании и применении законодательства ЕС в сфере конкуренции, особенно статьи 102 ДФЕС, которая запрещает злоупотребление доминирующим положением. Этот раздел диссертации рассматривает ключевые решения Суда ЕС, которые значительно повлияли на принудительное исполнение и понимание индивидуальных антиконкурентных действий. Благодаря этим фундаментальным делам Суд ЕС помог очертить границы законного поведения для доминирующих предприятий на едином рынке ЕС.

Значимые дела рассмотренные Судом ЕС предоставляют богатую основу для понимания нюансов законодательства о конкуренции. Каждое решение не только решает конкретные правовые задачи, но и устанавливает более широкие правовые прецеденты, влияющие на будущее толкование и применение статьи 102. Через тщательный анализ этих дел диссертация исследует сложное балансирование Суда ЕС — соблюдение строгих требований закона при адаптации к быстрым изменениям в глобальных и цифровых рынках.

Значимость этих дел выходит за рамки их непосредственного правового контекста. Они влияют на политику Европейской комиссии, направляют действия национальных антимонопольных органов и затрагивают бизнес-практики на внутреннем рынке. Подход Суда ЕС в этих вопросах часто отражает более глубокие экономические философии и регуляторные стратегии, показывая, как правовые принципы проверяются на рыночной реальности.

Одним из таких важнейших дел является United Brands против Европейской комиссии[146]. Первоначальное расследование Европейской комиссией началось,

[146] Case 27/76, United Brands Company and United Brands Continentaal BV v Commission of the European Communities, [1978] ECR 207.

когда она начала расследование в отношении компании United Brands Company, основного дистрибьютора бананов «Chiquita», после возникновения опасений относительно её бизнес-практик в рамках ЕЭС. Подозревалось, что United Brands использует своё доминирующее положение на рынке бананов для осуществления практик, которые могли бы ограничить конкуренцию и нанести вред потребителям, а именно:

1) United Brands обвинялась в занятии доминирующего положения на рынке бананов в нескольких странах ЕЭС. Это доминирование само по себе не было незаконным, но вызывало опасения из-за потенциала компании, которая могла неблагоприятно влиять на рыночные условия.

2) Чрезмерное ценообразование. Одним из основных обвинений было то, что United Brands устанавливала чрезмерно высокие цены. Комиссия была обеспокоена тем, что эти цены значительно превышали затраты на производство и распределение, обеспечивая необычно высокие прибыли, которые нельзя было оправдать только рыночной динамикой.

3) Ограничительные торговые условия:

- географические ограничения. United Brands обвинялась в наложении географических ограничений на перепродажу своих бананов, фактически сегментируя рынок, чтобы избежать конкуренции в определенных регионах: «Запрет, наложенный на перепродавцов на экспорт бананов из одного государства-члена в другое, направлен на географическое сегментирование рынков»[147];

- эксклюзивные условия. Компания также применяла эксклюзивные условия с дистрибьюторами, ограничивая их возможность закупать бананы у других поставщиков. Считалось, что такая практика препятствует конкуренции и удерживает других потенциальных участников рынка на расстоянии: «Система эксклюзивных сделок... составляет злоупотребление в смысле статьи 86»[148];

---

[147] Case 27/76, United Brands Company and United Brands Continentaal BV v Commission of the European Communities, [1978] ECR 207, par.182.

[148] Case 27/76, United Brands Company and United Brands Continentaal BV v Commission of the European Communities, [1978] ECR 207, пар. 246.

- дискриминационное ценообразование. Также были обвинения в дискриминационной практике ценообразования, когда United Brands устанавливала разные цены разным клиентам без оправданной причины, основанной на различиях в затратах, стремясь стратегически максимизировать свое доминирование: «Компания устанавливала разные цены на эквивалентные сделки с другими торговыми сторонами, тем самым ставя их в невыгодное конкурентное положение»[149];

- количественные ограничения на перепродажу United Brands также контролировала количество бананов, которые дистрибьюторы могли приобрести. Эта практика не только ограничивала поставки, но и манипулировала доступностью бананов на рынке, влияя на цены и конкуренцию на рынке: «Установление лимита на объем закупок своими клиентами, тем самым ограничивая их свободу выбора источника поставки определенного количества их потребностей»[150];

Предварительные выводы Европейской комиссии привели к решению о том, что United Brands действительно злоупотребила своим доминирующим положением, нарушив статью 86 Договора ЕЭС (ныне статья 102 ДФЕС). В ответ United Brands оспаривала эти выводы, утверждая, что их стратегии ценообразования были оправданы рыночными условиями и что их договорные практики с дистрибьюторами были стандартными в отрасли.

Дело было передано в Суд Европейского союза после того, как United Brands обжаловала решение Комиссии. Апелляция вызвала подробное судебное рассмотрение природы доминирования, критериев оценки злоупотребления и обязанностей доминирующих компаний по законодательству ЕЭС о конкуренции.

Суд своим решением закрепил несколько важных моментов, которые до этого нигде не были зафиксированы, как например вот, что суд пишет касательно того, какая цена является чрезмерной: «Установление цены, которая является чрезмерной, поскольку не имеет разумного отношения к экономической ценности

---

[149] Там же, пар. 226.
[150] Там же, пар. 230.

поставляемого продукта, будет таким злоупотреблением»[151]. Эта часть решения особенно значима, так как она установила критерий для определения «чрезмерного ценообразования» и предоставила критерии для оценки того, чтобы в аналогичных ситуациях понимать являются ли другие субъекты, занимающие доминирующее положение, нарушителями или нет.

Кроме того, выводы Суда ЕС об ограничительных торговых практиках, наложенных United Brands на своих дистрибьюторов, были прорывными. Суд осудил географические ограничения продаж, которые не позволяли дистрибьюторам продавать бананы в разных территориях, что фактически сегментировало рынок и защищало United Brands от конкурентного давления в некоторых регионах: «это несовместимо с целью создания единого рынка между государствами-членами, на котором конкуренция не искажена»[152].

В свою очередь, решение о соблюдении обязательств по эксклюзивным закупкам дополнительно подчеркнуло антиконкурентный характер таких соглашений. Эти обязательства ограничивали возможность дистрибьюторов закупать бананы у конкурентов, тем самым подавляя конкуренцию на рынке и инновации: «Такое требование ограничивает рынки, на которых производители могут продавать, и лишает других производителей доступа к этим рынкам»[153].

Также Суд рассмотрел стратегии дискриминационного ценообразования, используемые United Brands, которые значительно различались в разных регионах и для разных клиентов без оправданных причин. Такая практика была признана искажающей конкуренцию и несправедливо ставящей участников в невыгодное положение: «Такое поведение несовместимо с целью создания и поддержания единого конкурентного рынка, которую предусматривает Договор»[154].

---

[151] Case 27/76, United Brands Company and United Brands Continentaal BV v Commission of the European Communities, [1978] ECR 207, par.250.
[152] Там же, пар. 182.
[153] Case 27/76, United Brands Company and United Brands Continentaal BV v Commission of the European Communities, [1978] ECR 207, par.246.
[154] Там же, пар. 226.

Данные конкретные действия United Brands были признаны Европейским Судом как злоупотребление доминирующим положением на рынке бананов. Решение Суда в этом деле является фундаментальным в правоприменении Европейского Союза в области конкуренции, поскольку иллюстрирует, как доминирование на рынке должно регулироваться ответственно для обеспечения справедливой конкуренции. Решение не только очертило злоупотребительный характер этих практик, но также установило прецеденты для судебного разбирательства аналогичных случаев в будущем, подчеркивая важность поведения на рынке, которое поддерживает конкурентные динамики и выбор потребителей. Каждая из этих цитат из решения суда помогает иллюстрировать правовое обоснование, стоящее за идентификацией и осуждением ограничительных практик, налагаемых United Brands.

Дело United Brands оказало долгосрочное влияние на восприятие и борьбу со злоупотреблениями доминирующим положением в рамках антимонопольного законодательства ЕС. Принципы, изложенные в этом деле, направляли последующие решения и формулировку политики. Оно стало ориентиром для оценки справедливости практик ценообразования и законности договорных условий, налагаемых доминирующими игроками на рынке.

После этого решения компании, занимающие доминирующее положение на рынке, стали более осторожны в осуществлении своего рыночного влияния, особенно в своих стратегиях ценообразования и договорных отношениях с дистрибьюторами и поставщиками. Дело привело к более равным «условиям игры», способствуя созданию среды, где может процветать конкуренция, что выгодно для потребителей за счет лучших цен и большего выбора.

Не стоит и забывать об одной из основных целей антимонопольного законодательства - защите интересов потребителей. Решение в деле United Brands против Комиссии в очередной раз напомнило это, гарантируя, что доминирующие компании не могут злоупотреблять своим рыночным влиянием в ущерб потребителям. В свое время это помогло поддерживать справедливые цены и гарантировать, что потребители получают товары, стоимость которых

соответствует их качеству, что в конечном итоге позитивно сказалось на экономике Европейского Союза.

Следующим важным делом, которое точно необходимо отметить является дело Hoffmann-La Roche v Commission (Case 85/76) [155]. Хоффманн-Ла Рош, швейцарская многонациональная фармацевтическая компания, к 1970-м годам была одним из крупнейших в мире производителей витаминов. Компания достигла сильного присутствия на рынке по всей Европе, особенно доминируя на рынке витаминных продуктов. Это доминирование было обусловлено не только размером компании и широтой её ассортимента продукции, но и её обширными возможностями в области исследований и разработок, что позволяло ей эффективно и масштабно производить качественные витамины.

Европейская комиссия начала расследование в отношении Хоффманн-Ла Рош после жалоб от нескольких меньших конкурентов и анализа рынка, который предполагал потенциально антиконкурентные практики. Расследование сосредоточилось на стратегиях продаж и маркетинга компании, особенно на том, как она структурировала свои контракты с покупателями — в основном фармацевтическими компаниями и производителями пищевых продуктов, которые использовали витамины как добавки в своей продукции.

Обвинения против Хоффманн-Ла Рош были сосредоточены на использовании компанией эксклюзивных соглашений, бонусов за лояльность и дискриминационных стратегий ценообразования, которые, по мнению Комиссии, были направлены на поддержание и усиление ее доминирования на рынке, потенциально в ущерб конкуренции. Эти практики вызвали опасения в соответствии со статьей 86 Договора об учреждении Европейского Экономического Сообщества (ЕЭС), ныне известной как статья 102 Договора о функционировании Европейского союза (ДФЕС), которая запрещает злоупотребление доминирующим положением. Основные злоупотребления, в которых обвинялась компания:

---

[155] Case 85/76, Hoffmann-La Roche & Co. AG v Commission of the European Communities, [1979] ECR 461.

1) Эксклюзивные соглашения. Хоффманн-Ла Рош была обвинена в заключении соглашений с клиентами, которые фактически не позволяли им покупать витамины у конкурентов. Эти соглашения часто включали пункты, требующие от клиентов покупать все или большую часть их потребностей исключительно у Хоффманн-Ла Рош.

2) Бонусы за лояльность. Компания предположительно предлагала скидки клиентам, которые были условны, если эти клиенты покупали значительную часть своих витаминов у Хоффманн-Ла Рош. Такие скидки были структурированы так, чтобы увеличиваться в процентном соотношении с объемом покупок, что стимулировало покупателей сосредоточить свои покупки у Хоффманн-Ла Рош, а не разнообразить своих поставщиков.

3) Дискриминационное ценообразование. Также были утверждения о том, что Хоффманн-Ла Рош занималась дискриминационными практиками ценообразования, поскольку она взимала разные цены у разных клиентов без оправданной причины, основанной на различиях в затратах, стремясь стратегически максимизировать свое доминирование.

Влияние расследования. Расследование Комиссии привело к формальному решению в 1976 году, в котором было установлено, что Хоффманн-Ла Рош злоупотребила своим доминирующим положением на рынке витаминов. Затем дело было передано в Европейский Суд, задачей которого было определить законность выводов Комиссии и соразмерность наложенных штрафов.

Расследование Европейской комиссии пришло к выводу о том, что Хоффманн-Ла Рош совершила несколько злоупотреблений своим доминирующим положением, что противоречит статье 86 Договора об учреждении Европейского Экономического Сообщества (ныне статья 102 ДФЕС).

Выводы о злоупотреблении доминирующим положением:

1) Эксклюзивные скидки. Суд ЕС пришел к выводу, что схемы скидок Хоффманн-Ла Рош, стимулирующие клиентов покупать все или большинство их потребностей у Рош, являются злоупотреблением доминирующим положением. Суд отметил: «Система скидок за верность...посредством предоставления

финансового преимущества, имеет эффект отпугивания покупателей от получения поставок от конкурирующих производителей.» [156]

2) Эксклюзивные соглашения. Суд также постановил, что эксклюзивные соглашения, которые ограничивают клиентов в покупке витаминов у конкурентов, являются злоупотреблением. Такие практики ограничивали рынок и не позволяли другим продавцам эффективно конкурировать. Суд заявил: «Такие контрактные условия эксклюзивной поставки, которые ограничивают свободу выбора покупателей и закрывают рынок для конкурентов, составляют злоупотребление доминирующим положением.» [157]

3) Дискриминационное ценообразование. Суд установил, что Хоффманн-Ла Рош применяла дискриминационное ценообразование, значительно различающееся для разных клиентов без объективных оправданий. Эта практика была направлена на укрепление рыночного доминирования путем применения различных условий к эквивалентным транзакциям, тем самым ставя некоторых торговых партнеров в невыгодное положение. Суд писал следующее: «Применение различных условий к эквивалентным транзакциям с другими торговыми партнерами, тем самым ставя их в невыгодное конкурентное положение.» [158]

Решение Суда подчеркивает, что доминирующие субъекты не должны подрывать подлинную рыночную конкуренцию своими практиками. Суд уточнил, что такая ответственность выходит за рамки прямых ограничений конкуренции, таких как контрактная эксклюзивность или скидки, которые фактически привязывают клиентов: «Тот факт, что предприятие занимает доминирующее положение, не может лишить его права защищать свои коммерческие интересы, если они нарушены, и такому предприятию должны быть доступны средства,

---

[156] Case 85/76, Hoffmann-La Roche & Co. AG v Commission of the European Communities, [1979] ECR 461, par. 89.
[157] Там же, par. 120.
[158] Case 85/76, Hoffmann-La Roche & Co. AG v Commission of the European Communities, [1979] ECR 461, par. 134.

которые были бы доступны любому бизнесу, но это должно быть в пределах разумного, учитывая добросовестную конкуренцию.» [159]

Решение Суда ЕС в деле Хоффманн-Ла Рош против Комиссии является одним из наиболее влиятельных в истории антимонопольного законодательства ЕС, устанавливающим всеобъемлющий правовой прецедент для рассмотрения злоупотреблений доминирующим положением согласно статье 102 ДФЕС. Сразу несколько основополагающих моментов были определены судебным решением:

1. Определение и объем злоупотребления. Это решение значительно расширило определение и понимание того, что считается злоупотреблением доминирующим положением. До этого решения, детали того, как схемы скидок и эксклюзивные соглашения могут нарушать антимонопольное законодательство, были менее ясны и поэтому к таким правонарушениям на рынке даже не присматривались. Разъяснения Суда ЕС помогли установить рамки, которые использовались для оценки аналогичных случаев впоследствии: «Такие практики могут подпадать под статью 86 [160], когда они являются частью стратегии, направленной на исключение конкурентов с рынка данного продукта.»

Это заявление отражает более широкий подход Суда к пониманию злоупотребления не только как явных исключающих тактик, но и стратегий, которые тонко подрывают конкуренцию. То есть речь идет о более длительном, спланированном действии, которое не носит такой явный характер, как большинство злоупотреблений, установленные в делах до момента вынесения решения по делу Хоффман-Ла Рош.

2. Обязанности доминирующих компаний. Решение подчеркнуло «особую ответственность», которую доминирующие фирмы несут за недопущение ограничения конкуренции как непосредственно, так и косвенно. Этот концепт с тех пор стал краеугольным камнем в применении антимонопольного законодательства к доминирующим субъектам, влияя на то, как компании структурируют свои стратегии продаж и взаимодействуют с клиентами и конкурентами.

---

[159] Там же, par. 91.
[160] Прим. ныне статья 102 ДФЕС.

Подтверждением этого служит следующее: «Доминирующее предприятие имеет особую ответственность за то, чтобы его поведение не нарушало подлинную неподверженную искажениям конкуренцию на общем рынке.»[161] Эта цитата часто приводится в последующих делах и юридических обсуждениях, чтобы подчеркнуть повышенные обязательства, возложенные на доминирующих участников рынка.

3. Влияние на коммерческие практики. Выводы Суда привели к критической переоценке коммерческих практик в различных отраслях. Компании с сильными рыночными позициями теперь должны тщательно оценивать и часто изменять свои контрактные соглашения, стратегии ценообразования и системы скидок, чтобы обеспечить соответствие законодательству ЕС. Это решение сыграло ключевую роль в руководстве по тому, как должны быть организованы программы лояльности и эксклюзивные контракты, чтобы они не нарушали грань и не превращались в антиконкурентное поведение. В решении Суд писал следующее: «Тот факт, что скидка на прайс-лист предоставляется в зависимости от объема покупок клиента, может подпадать под запрет, установленный в этой статье, если это способствует укреплению доминирующего положения, препятствуя клиентам получать поставки от конкурирующих производителей.»[162]

Более широкие экономические и регуляторные последствия Решение Суда в деле Хоффманн-Ла Рош против Комиссии не только переосмыслило правовой ландшафт для доминирующих фирм, но также оказало более широкое воздействие на регуляторные политики и экономические стратегии в рамках ЕС. Определяя границы допустимого поведения для доминирующих фирм, это решение помогло поддерживать более здоровую конкурентную среду, стимулируя инновации и справедливое ценообразование, которые необходимы для благосостояния потребителей и эффективного функционирования рынка.

---

[161] Case 85/76, Hoffmann-La Roche & Co. AG v Commission of the European Communities, [1979] ECR 461, par. 85.

[162] Case 85/76, Hoffmann-La Roche & Co. AG v Commission of the European Communities, [1979] ECR 461, par. 141.

В заключении необходимо отметить, что последствия решения в деле Хоффманн-Ла Рош против Комиссии глубоки и долгосрочны. Установив четкие правовые прецеденты относительно злоупотребления доминирующим положением, Суд ЕС предоставил необходимые руководства, которые продолжают влиять на толкование и применение антимонопольного законодательства ЕС сегодня. Это дело остается ключевой точкой отсчета для понимания обязанностей доминирующих фирм и регуляторных рамок, предназначенных для сохранения конкурентных рынков внутри Европейского Союза. Решение суда подчеркивает баланс, который должны соблюдать доминирующие субъекты при использовании своей рыночной мощи, гарантируя, чтобы их действия не подавляли конкуренцию и инновации на внутреннем рынке.

За всю богатую историю развития конкурентного права Европейского Союза было огромное количество интересных, важных, судебных решений, многие из которых на десятилетия определили вектор развития конкурентного права ЕС, однако, в рамках одного исследования невозможно рассмотреть их все, поэтому в данной работе рассматриваются лишь некоторые из самых интересных и значимых дел.

Также важно упомянуть Дело Continental Can (Case 6/72)[163], поскольку оно стало важным этапом в развитии антимонопольного права Европейского Союза. В 1973 году Европейская комиссия обвинила компанию Continental Can, ведущего производителя упаковочных материалов, в злоупотреблении доминирующим положением из-зи антиконкурентных слияний и поглощений. Европейская комиссия обвиняла компанию в злоупотреблении доминирующим положением через слияния, направленные на устранение конкурентов. Основное обвинение касалось приобретения компании Thomassen and Drijver-Verblifa N.V. (TDV), что укрепило доминирование Continental Can на рынке металлических контейнеров.

Стратегия поглощений Continental Can. Компания Continental Can приобрела ряд производителей аналогичных упаковочных материалов, в частности Thomassen

[163] Europemballage Corporation and Continental Can Company Inc. v. Commission, Case 6/72, Judgment of the Court of 21 February 1973.

and Drijver-Verblifa N.V. (TDV), одного из крупнейших конкурентов на рынке металлических контейнеров для мяса и рыбы. Это позволило Continental Can существенно расширить контроль над рынком упаковочных материалов в Европе. За счет этих слияний компания обеспечила себе господствующее положение, что позволяло ей доминировать не только в производстве, но и в дистрибуции.

Слияния как злоупотребление доминирующим положением. До дела Continental Can слияния не считались формой злоупотребления доминирующим положением. Однако Европейская комиссия утверждала, что действия компании привели к существенному ограничению конкуренции. Комиссия посчитала, что такие слияния являются антиконкурентными, поскольку они позволяют компании укрепить свою рыночную власть, исключая возможности для конкурентов войти на рынок или эффективно конкурировать. Это дело стало поворотным в развитии антимонопольного законодательства, установив, что усиление доминирующего положения через слияния может считаться нарушением статьи 102 ДФЕС.

Таким образом, Continental Can обвинялась не только в злоупотреблении доминирующим положением, но и в использовании поглощений для подавления конкуренции.

В 1973 году Суд Европейского союза[164] постановил, что действия Continental Can по поглощению конкурентов могут быть квалифицированы как злоупотребление доминирующим положением в соответствии со статьей 86 Договора о Европейском экономическом сообществе (ныне статья 102 ДФЕС). Суд подтвердил, что даже если компания уже доминирует на рынке, дальнейшее укрепление этого положения за счет слияний может ограничивать конкуренцию и наносить вред рыночной структуре.

Основные аргументы суда:

1.Определение рынка. Суд уточнил, что ключевым вопросом является определение «релевантного рынка». В данном случае речь шла о рынке

[164] В 1973 Суд Европейского союза назывался Судом Европейских сообществ **(**Court of Justice of the European Communities**,** CJEC).

металлических контейнеров для мяса и рыбы, где конкуренция была значительно ослаблена после слияния с TDV.

2. Злоупотребление через слияния. Суд подчеркнул, что усиление доминирующего положения через антиконкурентные слияния может привести к устранению конкурентов и препятствовать их выходу на рынок, что нарушает правила ЕС о конкуренции.

3. Ограничение конкуренции. Суд отметил, что действия Continental Can ограничивали свободу конкурентов и создавали барьеры для входа новых игроков на рынок.

Выводы. Суд постановил, что такие действия Continental Can, как слияния, которые существенно ограничивают конкуренцию и усиливают рыночное доминирование, могут считаться злоупотреблением доминирующим положением. Это расширило применение нынешней статьи 102 ДФЕС, впервые применив её к слияниям.

Влияние дела Continental Can на конкурентное право ЕС заключалось в следующем:

1) Расширение понимания злоупотребления доминирующим положением. До этого решения антимонопольные меры в ЕС в основном касались прямых антиконкурентных действий, таких как картели или дискриминационные практики. Дело Continental Can расширило применение нынешней статьи 102 ДФЕС, установив, что злоупотребление может включать стратегии, направленные на уменьшение конкуренции через поглощения;

2) Слияния как часть антимонопольного контроля. После решения по делу Continental Can слияния стали более пристально рассматриваться в контексте их воздействия на рыночную конкуренцию. Это положило основу для будущих регламентов по слияниям и сделкам, таких как Регламент ЕС о контроле за слияниями;[165]

---

[165] Council Regulation (EC) No 139/2004 of 20 January 2004 on the control of concentrations between undertakings (the EC Merger Regulation) (Text with EEA relevance).

3) Прецедент для будущих дел. Решение по делу Continental Can стало прецедентом для других дел, касающихся контроля слияний и поглощений. Суд подчеркнул, что любое действие, направленное на ограничение конкуренции, должно быть тщательно расследовано и может быть признано нарушением антимонопольного законодательства.

Долгосрочные последствия:

1) Компании с доминирующим положением вынуждены более тщательно подходить к стратегиям слияний и поглощений, чтобы избежать обвинений в антиконкурентных действиях;

2) Регуляторы получили ясные критерии для оценки влияния слияний на конкуренцию на рынке, а также полномочия для предотвращения сделок, которые могут навредить рыночной динамике. Это позволяет контролирующим органам вмешиваться на ранних стадиях, если существует риск, что слияние или поглощение существенно ограничит конкуренцию, до того, как сделка будет завершена.

По итогу, Дело Continental Can существенно расширило понимание злоупотребления доминирующим положением в праве ЕС, установив, что такие действия могут включать слияния, которые ограничивают конкуренцию. Это решение стало важным прецедентом, подчеркивающим необходимость более тщательного контроля за слияниями для предотвращения антиконкурентных последствий. Оно также заложило основу для будущих регламентов по контролю слияний, обеспечив регуляторам четкие механизмы для оценки и предотвращения сделок, угрожающих конкуренции.

Также немаловажным делом стало Дело Michelin I (Case 322/81)[166]. В 1983 году Европейская комиссия установила, что французская компания Michelin злоупотребила своим доминирующим положением на рынке шин в Нидерландах. Комиссия обвинила Michelin в использовании дискриминационных схем скидок и премий, которые стимулировали дистрибьюторов приобретать большинство своей

[166] Michelin I, Case 322/81, Judgment of the Court of 9 November 1983.

продукции исключительно у компании. Такая политика, как считала Комиссия, ограничивала возможности конкурентов.

Рассматривая это дело, необходимо сделать акцент на его основных элементах:

1. Дискриминационные скидки. Michelin предлагала своим дистрибьюторам сложные схемы скидок, которые зависели от объёма покупок, и чем больше дистрибьютор покупал шин у Michelin, тем большие скидки он получал. Эти скидки не были транспарентными [167] и часто менялись, что ставило дистрибьюторов в зависимое положение, вынуждая их покупать почти исключительно у Michelin, чтобы сохранить свои скидки.
2. Злоупотребление доминирующим положением. Суд Европейского Союза подтвердил, что такие практики Michelin являлись злоупотреблением доминирующим положением по статье 102 ДФЕС. Суд указал, что схемы скидок Michelin были направлены на укрепление своей позиции на рынке и препятствовали доступу новых конкурентов.
3. Определение рынка. Важно, что Суд подчеркнул необходимость точного определения «релевантного рынка» — в данном случае рынок шин для легковых автомобилей и грузовиков в Нидерландах. Michelin занимала сильные позиции на этом рынке, что создало риск для конкуренции.
4. Прецедентное значение. Дело Michelin I стало важным прецедентом для определения злоупотребления из-за дискриминационных скидок и ограничений доступа к рынку для конкурентов.

В последствии данное дело оказало следующее влияние на конкурентное право ЕС:

1. Дискриминационные схемы скидок. После этого дела схемы скидок компаний, занимающих доминирующее положение, стали объектом более

[167] Транспарентность — это прозрачность, открытость и понятность процессов или действий, при которых участники имеют доступ к полной и четкой информации, что исключает недоразумения и позволяет обеспечить справедливость и доверие.

пристального внимания Европейской комиссии. Суд разъяснил, что системы скидок не могут быть использованы для подрыва конкуренции на рынке.

2. Прозрачность условий. Дело Michelin I стало основой для понимания того, что рыночные практики доминирующих компаний должны быть прозрачными и справедливыми по отношению к дистрибьюторам, чтобы избежать нарушения конкурентного права.
3. Роль дистрибьюторов. Важно, что это дело подчеркнуло значимость дистрибьюторов и их свободы выбора поставщиков. Антиконкурентные практики, направленные на ограничение таких свобод, были признаны незаконными.

По итогу, дело Michelin I является значимым шагом в развитии антимонопольного законодательства ЕС. Решение подтвердило, что доминирующие компании не могут злоупотреблять своим положением через дискриминационные схемы скидок, которые ограничивают свободу дистрибьюторов и создают барьеры для входа новых конкурентов.

В последствии судебная практика только пополнилась еще одним важным прецедентом — Дело Michelin II (Case T-203/01)[168].

Дело Michelin II рассматривалось в 2001 году и касалось антиконкурентных практик компании Michelin на рынке грузовых шин в Европейском Союзе. Европейская комиссия обвинила Michelin в злоупотреблении доминирующим положением из-за использования схем лояльности и скидок, которые мотивировали дистрибьюторов покупать продукцию исключительно у Michelin, ограничивая возможности для конкурентов.

Основные элементы дела:

1. Схемы скидок и бонусов. Michelin предлагала дистрибьюторам сложные и непрозрачные схемы скидок, которые зависели от объема покупок. Эти схемы создавали барьеры для конкурентов, так как дистрибьюторы были

[168] Michelin II, Case T-203/01, Judgment of the General Court of 30 September 2003.

вынуждены покупать почти исключительно у Michelin, чтобы получить выгодные условия.

2. Непрозрачность схемы. Комиссия отметила, что условия предоставления скидок не были прозрачными, что затрудняло дистрибьюторам прогнозирование их объема и планирование закупок у других поставщиков. Такая политика создавала зависимость дистрибьюторов от Michelin и ограничивала конкуренцию.
3. Рынок. Релевантным рынком был признан рынок шин для грузовых автомобилей в Европейском Союзе, на котором Michelin занимала доминирующее положение.

По итогу у суда были следующие основные аргументы:

1. Злоупотребление доминирующим положением. Суд Европейского Союза постановил, что Michelin злоупотребила своим положением на рынке, применяя дискриминационные схемы скидок. Это было расценено как нарушение статьи 102 ДФЕС, так как такие схемы препятствовали дистрибьюторам приобретать продукцию у конкурентов.
2. Ограничение конкуренции. Суд подтвердил, что такие практики значительно ограничивали конкуренцию, лишая конкурентов возможности войти на рынок и эффективно соревноваться с Michelin. Дистрибьюторы фактически были привязаны к Michelin, что препятствовало нормальному функционированию рынка.

По итогам дела Европейская комиссия наложила на компанию Michelin штраф в размере 19.76 миллиона евро за злоупотребление доминирующим положением на рынке. Основным нарушением было использование сложной системы скидок и бонусов, которая удерживала дистрибьюторов в зависимости от компании и ограничивала доступ конкурентов на рынок шин для грузовиков в Европейском Союзе. Штраф был подтверждён Общим судом Европейского Союза в 2003 году.

Дело Michelin II закрепило позиции ЕС в отношении использования антиконкурентных схем скидок и бонусов, усилив контроль за компаниями, занимающими доминирующее положение на рынке. Оно также подтвердило, что

непрозрачные скидки и программы лояльности, направленные на подавление конкуренции, могут квалифицироваться как злоупотребление доминирующим положением.

Если сравнивать дело Michelin I и Michelin II, то необходимо выделить следующие сходства:

- 1) Оба дела касаются злоупотребления доминирующим положением через дискриминационные системы скидок и премий;
- 2) Оба дела были инициированы Европейской комиссией и подтверждены судами.

Но также необходимо выделить и следующие различия:

- 1) Дело Michelin I касалось рынка шин в Нидерландах и сфокусировалось на местном сегменте шин для легковых автомобилей и грузовиков, в свою очередь, дело Michelin II касалось рынка грузовых шин в Европейском Союзе в целом и имело более широкий географический охват.
- 2) Дело Michelin I задало основу для регулирования схем скидок, а дело Michelin II подтвердило, что компания продолжала антиконкурентные практики и на более широком рынке.

Таким образом, дело Michelin I было первым важным прецедентом в отношении схем скидок, а дело Michelin II подтвердило продолжающиеся нарушения и привело к значительному штрафу.

Более современным, но от того не менее интересным для рассмотрения является дело Intel Corporation против Европейской комиссии[169]. Ведущий мировой производитель полупроводниковых чипов, оказался в центре значительного судебного дела, когда Европейская комиссия обвинила его в злоупотреблении доминирующим положением на рынке микропроцессоров x86. Это дело является вехой в сфере антимонопольного законодательства ЕС, особенно в отношении практик доминирующих компаний и их воздействия на рыночную конкуренцию. Intel известна своими инновациями и доминированием в индустрии

[169] Case T-286/09, Intel Corp. v Commission of the European Communities, [2014] ECR II-0755.

полупроводников, особенно в производстве микропроцессоров x86, которые необходимы для широкого спектра вычислительных устройств. К началу 2000-х годов Intel заняла ведущие позиции на рынке, занимая более 70% мирового рынка[170]. Такое доминирование поставило Intel не только в центр всеобщего внимания, но также подвергло ее деловые практики пересмотру с точки зрения соответствия антимонопольному законодательству ЕС.

Первоначальные обвинения и расследование Европейской комиссией. Европейская комиссия начала расследование практик Intel в 2007 году после жалоб конкурентов, включая AMD (Advanced Micro Devices). Комиссию беспокоило, что практики Intel могут подавлять конкуренцию и поддерживать ее рыночное доминирование с помощью тактик, считающихся антиконкурентными по законам ЕС.

Конкретные практики, подвергшиеся расследованию, включали:

1) Ситуативные скидки. Intel предлагала скидки оригинальным производителям оборудования (OEM) при условии, что они покупают все или большинство своих требований к ЦП от Intel.

2) Прямые ограничения. Intel обвиняли в том, что она делала прямые выплаты крупным производителям оригинального оборудования и ритейлеру при условии, что эти стороны будут ограничивать продажу устройств, оснащенных ЦП конкурентов. Эти практики, как утверждалось, вредили конкуренции, укрепляя рыночное доминирование Intel и ограничивая способность конкурентов эффективно конкурировать.

Решение Европейской комиссии. В 2009 году после подробного расследования Европейская комиссия признала Intel виновной в злоупотреблении доминирующим положением и наложила штраф в размере 1,06 миллиарда евро[171] — на тот момент самый крупный штраф за нарушение антимонопольных правил ЕС. Решение Комиссии было основано на том, что практики Intel оказали значительное исключающее воздействие, препятствуя достойной конкуренции.

---

[170] Rong and Shi [2015]. Intel Re-Enters the Mobile Computing Business Ecosystem, p. 3.
[171] Case COMP/C-3/37.990 – Intel Corporation, Commission Decision of 13 May 2009.

Ответ Intel и последующие апелляции Intel оспаривала выводы Комиссии, утверждая, что ее практики были конкурентоспособными, а не исключающими. Intel утверждала, что скидки и условия, предложенные производителям оригинального оборудования, были основаны на эффективности и заслугах конкуренции, которые приносили пользу потребителям. Intel обжаловала решение Комиссии в Общем суде Европейского Союза, который в 2014 году первоначально подтвердил штраф. В последующем Intel подала апелляцию в Суд Европейского Союза (ECJ), что привело к пересмотру экономической оценки практик Intel.

Основой решения Европейской комиссии против Intel была природа схем скидок, предложенных OEM-производителям, которые, по мнению Комиссии, были условными, требуя от этих компаний покупать продукцию исключительно у Intel. Общий суд первоначально поддержал выводы Комиссии, что привело к апелляции Intel в Суд ЕС, что в свою очередь привело к значительному правовому и экономическому анализу.

Основные моменты из решения Суда ЕС:

1) Необходимость учета экономического контекста. Суд ЕС подчеркнул важность учета экономического контекста схем скидок для определения их способности ограничивать конкуренцию. Суд ЕС критиковал Общий суд за недостаточное рассмотрение экономических аргументов, представленных Intel: «Общий суд не учел, были ли скидки, о которых идет речь, способны ограничивать конкуренцию...» [172].

2) Тест на эффективного конкурента (AEC). [173] Один из аргументов Intel включал тест на эффективного конкурента, который, по утверждениям компании, показал, что практики компании не могли исключить из рынка конкурента, такого же эффективного, как она сама. Суд ЕС отметил, что Общий суд недостаточно рассмотрел этот тест: «Общий суд также допустил ошибку в праве, не ответив на аргументы, касающиеся теста на эффективного конкурента, представленные Intel с

---

[172] Intel Corporation Inc. v European Commission, Case C-413/14 P, Judgment of the Court (Grand Chamber) of 6 September 2017, par. 45.

[173] С английского: «As-Efficient-Competitor» - «Эффективный конкурент».

целью оспаривания способности рассматриваемых скидок ограничивать конкуренцию».

Правовое обоснование и выводы Решение Суда ЕС подчеркивает несколько критически важных аспектов правового и экономического анализа в случаях предполагаемого злоупотребления доминирующим положением:

Прежде всего, это — учет всех обстоятельств. Суд подчеркнул необходимость учета всех обстоятельств дела, особенно стратегий, используемых Intel, и общей конкурентоспособности рынка: «Для того чтобы установить, что система скидок, которая не основана на обязательстве покупать исключительно у доминирующего предприятия, имеет эффект, препятствующий клиентам приобретать продукцию у конкурентов, Комиссия должна доказать, что в контексте конкурентных обстоятельств... такая система скидок ограничивает конкуренцию.» [174]

Другим важным моментом, который подчеркнул Суд, является важность экономического анализа. Европейский Суд подчеркнул важность подробного экономического анализа при определении того, действительно ли конкретные модели поведения, такие как схемы возвратов, способны ограничить конкуренцию:

«Европейский Суд считает, что Суд общей юрисдикции должен был изучить все аргументы Intel относительно способности рассматриваемых скидок ограничивать конкуренцию»[175].

Существенным фактом является и то, что данное решение подчеркивает необходимость всестороннего экономического анализа при оценке конкурентного воздействия схем скидок, используемых доминирующими компаниями. Это решение установило важные правовые и экономические прецеденты в рамках системы применения антимонопольного законодательства ЕС, среди которых:

А) Требование экономической оценки. Решение по делу Intel подчеркнуло важность оценки реального или потенциального экономического воздействия практик, используемых доминирующими компаниями. Суд подчеркнул, что не все

---

[174] Intel Corporation Inc. v European Commission, Case C-413/14 P, Judgment of the Court (Grand Chamber) of 6 September 2017, par. 58.

[175] Intel Corporation Inc. v European Commission, Case C-413/14 P, Judgment of the Court (Grand Chamber) of 6 September 2017, par. 79.

схемы скидок являются антиконкурентными по своей сути, но их воздействие должно быть оценено в фактическом экономическом контексте: «Суд считает необходимым, чтобы Общий суд рассмотрел аргументы Intel, направленные на доказательство того, что скидки, о которых идет речь, не способны ограничивать конкуренцию»[176].

Этот акцент на экономическом контексте побудил регуляторов и суды включать более подробные экономические и рыночные анализы, обеспечивая принятие решений на основе понимания рыночной динамики и реальных эффектов корпоративных поведений, что в конечном итоге сыграло значимую роль в развитии Конкурентного права ЕС.

Б) Решение по делу Intel также подчеркнуло значимость теста на «эффективного конкурента» в случаях предполагаемых антиконкурентных скидок. Этот тест используется для определения того, мог бы эффективный конкурент конкурировать, несмотря на предложенные доминирующей фирмой скидки. Суд отмечает, что «Апелляция Intel также указывает на ошибки в применении теста на эффективного конкурента»[177].

Здесь следует более подробно рассмотреть, сущность AEC-теста. Он предназначен для оценки того, могут ли финансовые условия, налагаемые доминирующим субъектом, быть выполнены или поддержаны конкурентом, который является таким же эффективным, как и сама доминирующая компания. Логика заключается в том, что антиконкурентные эффекты должны вызывать беспокойство только в том случае, если компания, работающая так же эффективно, как доминирующая, не сможет конкурировать на установленных доминирующей компанией условиях. По общему правилу, этот тест наиболее часто применяется в делах, связанных с обвинениями в хищническом ценообразовании и исключающих скидках. В случае хищнического ценообразования тест определяет, настолько ли низки установленные доминирующей компанией цены, что другие компании,

---

[176] Там же, пар. 140.
[177] Intel Corporation Inc. v European Commission, Case C-413/14 P, Judgment of the Court (Grand Chamber) of 6 September 2017, par. 136.

которые являются равно эффективными, не могут конкурировать прибыльно на уровне этих цен. В контексте скидок тест оценивает, смог бы эффективный конкурент предложить аналогичный уровень скидки клиентам без убытков, которые были бы неустойчивы в долгосрочной перспективе.

Сущность теста на «эффективного конкурента» заключается в следующих аспектах:

1) Определение базового уровня затрат. Тест обычно включает сравнение цен доминирующей компании с затратами теоретически эффективного конкурента. В качестве базового уровня затрат часто используются средние избегаемые затраты (AAC) [178] или долгосрочные средние приращенные затраты (LRAIC) [179] . Эти показатели затрат помогают определить минимальный уровень цен, ниже которого даже самая эффективная компания не покроет свои затраты, что указывает на такой вид злоупотребления, как хищническое ценообразование.

2) Анализ сценариев. Тест создает гипотетические сценарии для определения, мог бы эффективный конкурент выдержать конкурентное давление, наложенное ценовой или скидочной стратегией доминирующей компании. Это включает в себя моделирование или модели, которые учитывают различные рыночные и финансовые данные для прогнозирования результатов.

3) Сравнительная оценка. Затем результаты сравниваются с фактическими условиями и ценами, предложенными доминирующей компанией, чтобы увидеть, позволяют ли конкурентные условия справедливую конкуренцию со стороны эффективных фирм.

Использование теста AEC часто переносит бремя доказывания на доминирующего субъекта, который должен показать, что его стратегии ценообразования не имеют потенциала исключить таких же эффективных конкурентов. Это существенно, потому что это заставляет доминирующего субъекта оправдывать свои практики не только на основе собственной эффективности, но и в контексте более широкой конкурентной динамики рынка.

---

[178] Прим. с английского Average Avoidable Cost (AAC).
[179] Прим. с английского Long-Run Average Incremental Cost (LRAIC).

Вместе с тем, Тест АЕС неоднократно подвергался критике за то, что он слишком теоретичен и не всегда точно отражает реальные рыночные условия. Брюс Лайонс в своей работе пишет следующее: «тест на «эффективного конкурента» теоретически изящен, но часто практически оторван. Он предполагает рыночные условия, которые редко совпадают с несовершенной природой реальной конкуренции, потенциально ведя к тому, что регуляторы упускают из виду нюансы рыночной динамики.»[180]

Также, критики утверждают[181], что он может упустить из виду другие стратегические поведения компаний и фактические условия конкурентоспособности в конкретных отраслях. Кроме того, зависимость от бенчмарков затрат и гипотетических сценариев иногда может привести к выводам, которые не соответствуют практическим рыночным условиям.

Несмотря на все вышесказанное, тест на «эффективного конкурента» играет ключевую роль в антимонопольном праве, особенно при оценке исключающих эффектов ценовых практик доминирующих компаний. Хотя он предоставляет структурированный способ анализа потенциального антиконкурентного поведения, его применение требует тщательного учета как теоретических моделей, так и эмпирических рыночных данных, чтобы гарантировать, что принудительное исполнение антимонопольного законодательства соответствует экономическим реалиям.

Влияние дела Intel на будущие антимонопольные расследования в данной сфере:

1) Уточнение правовых стандартов. Решение по делу Intel оказало значительное влияние на правовые стандарты, применяемые к доминирующим фирмам в рамках антимонопольного законодательства ЕС. Оно прояснило, что доказательство злоупотребления доминирующим положением требует не только

---

[180] Bruce Lyons, "Could Politicians Be More Right Than Economists? A Theory of Merger Standards," Review of Industrial Organization, 2009, p. 54.

[181] Например, Damien Geradin, "Limiting the Scope of Article 82 EC: What can the EU Learn from the US Supreme Court's Judgment in Trinko in the Wake of Microsoft, IMS, and Deutsche Telekom?" Common Market Law Review, 2005., p 17.

демонстрации доминирующего положения и исключающего эффекта, но также и их связывания с реальными или вероятными антиконкурентными последствиями.

2) Влияние на корпоративные стратегии. Решение побудило многие компании пересмотреть свои стратегии ценообразования и скидок, особенно те, которые занимают сильные рыночные позиции. Фирмы теперь более осторожны в разработке стимулов для продаж, которые могут быть интерпретированы как потенциально антиконкурентные, стремясь сбалансировать агрессивные маркетинговые стратегии с обязательствами по соблюдению норм.

3) Регуляторное внимание к экономическим оправданиям. Регуляторы и антимонопольные органы по всему ЕС уделили больше внимания экономическим оправданиям и рыночным исследованиям в своих действиях по принуждению. Дело Intel поощрило более тонкий подход к применению антимонопольного законодательства, где экономические данные и подробный анализ рынка играют центральную роль в процессах принятия решений.

Заключение Последствия решения Суда ЕС по делу Intel значительны, например, можно утверждать, что в какой-то степени был переосмыслен ландшафт применения антимонопольного законодательства в Европе. Установлен прецедент для тщательной экономической оценки дел о злоупотреблении доминирующим положением. Решение повлияло не только на правовую практику, но и на то, как компании стратегически организуют свою рыночную деятельность. Это дело ознаменовало значительное развитие в применении статьи 102 ДФЕС, подчеркивая, что понимание сложностей современных рынков требует сочетания правового взгляда и экономического анализа. Решение Суда ЕС подчеркивает необходимость для доминирующих субъектов тщательно продумывать свои стратегии ценообразования и скидок с учетом их воздействия на рынок. Теперь субъектам необходимо убедиться, что их конкурентные практики не приводят к несправедливому исключению конкурентов, которые обладают сопоставимой эффективностью. Это способствует более честной конкуренции, что, в свою очередь, может стимулировать большее количество инноваций и предоставить потребителям более широкий выбор.

Также, подчеркивая необходимость детального экономического анализа при оценке воздействия схем скидок, решение по делу Intel может поощрять новых участников рынка, гарантируя, что доминирующие компании не могут использовать свою рыночную власть для установления несправедливых барьеров. Это может привести к увеличению конкуренции, потенциально снижая цены и улучшая качество обслуживания для потребителей.

Решение имеет значительные последствия для того, как антимонопольные органы по всему Европейскому Союзу, и потенциально во всем мире, подходят к делам, связанным со злоупотреблением доминирующим положением. Вероятно, произойдет сдвиг в сторону более строгих экономических оценок и меньшей зависимости от предположений о вреде определенных деловых практик. Этот сдвиг требует от регуляторов создания более сильных экономических аргументов и сбора конкретных доказательств вреда или потенциального вреда для конкуренции.

Решение по данному делу способствует развитию правовых стандартов по статье 102 ДФЕС относительно злоупотребления рыночным доминированием. Это может побудить Европейскую комиссию уточнить свои руководства относительно приемлемых деловых практик для доминирующих компаний, особенно в вопросах, касающихся скидок за лояльность и эксклюзивных сделок. Это может привести к более ясным и предсказуемым регуляторным руководствам, помогая субъектам рынка соблюдать требования и обеспечивая последовательное правоприменение регуляторами.

Решение по делу Intel также внимательно изучается юрисдикциями за пределами ЕС, влияя на глобальные антимонопольные политики. Страны с развивающимися системами антимонопольного законодательства могут принять аналогичные строгие стандарты для экономической оценки, что приведет к большей международной гармонизации правоприменения в области конкуренции. Этот глобальный подход способствует сотрудничеству по борьбе с антиконкурентными практиками в многонациональных операциях.

Например, для ЕАЭС, который продолжает развивать совершенствовать регулирование данного вопроса, принятие подобных строгих экономических оценок могло бы повысить эффективность и справедливость его антимонопольного правоприменения. Этот подход может привести к более сложным методологиям в рассмотрении дел, связанных со злоупотреблением доминирующим положением в государствах-членах ЕАЭС.

Более того, тщательное изучение схем скидок Intel Судом ЕС предоставляет полезный ориентир для регуляторов ЕАЭС. Это может направить антимонопольные органы ЕАЭС при рассмотрении аналогичных дел, где доминирующие компании используют стратегии ценообразования или скидки, которые могут потенциально исключать конкурентов. Изучив подход ЕС, ЕАЭС может разработать или уточнить свои руководства о том, что считается антиконкурентными скидками и эксклюзивными соглашениями.

Хотя антимонопольное законодательство ЕАЭС отличается от законодательства ЕС, принципы и аргументация в знаковых делах ЕС, таких как Intel, могут оказывать убедительное влияние на толкование законов и действия по правоприменению в ЕАЭС. Это влияние особенно актуально в эпоху глобализированной торговли, когда многонациональные компании работают в обеих юрисдикциях, требуя определенного уровня регуляторной согласованности.

Дело Intel подчеркивает необходимость для доминирующих компаний вести конкуренцию на основе заслуг, а не используя исключающие тактики. Этот урок критически важен для стран ЕАЭС, где рынки все еще развиваются, и где доминирующие игроки часто имеют значительный контроль. Стимулирование про-конкурентных поведений согласуется с более широкими экономическими целями ЕАЭС по содействию инновациям, эффективности и благосостоянию потребителей.

Дело также может поощрять усиленное трансграничное сотрудничество в области правоприменения между ЕАЭС и ЕС. Понимание и ссылка на такие значимые решения ЕС могут способствовать диалогу и сближению в подходах к

политике конкуренции, что полезно для управления делами, субъекты, работающие в обоих регионах.

Хотя прямое влияние решения суда ЕС, как в деле Intel, на ЕАЭС будет зависеть от конкретного правового и регуляторного контекста ЕАЭС, принципы и аналитические подходы, одобренные Судом ЕС, могут служить ценными ориентирами. По мере развития политики конкуренции в ЕАЭС, выводы из ведущих дел в ЕС могут помочь сформировать более надежную и экономически обоснованную среду антимонопольного законодательства, содействуя честной конкуренции и защите интересов потребителей на евразийском экономическом ландшафте.

Таким образом, судебная практика, сформированная по делу Intel поощряет сбалансированный подход к правоприменению в области конкуренции, где доминирующие компании рассматриваются не только с точки зрения их рыночной мощи, но и того, как они используют эту мощь в способы, которые могут нанести вред конкуренции и благосостоянию потребителей. По мере того, как рынки продолжают развиваться с учетом увеличения технологических достижений, принципы, установленные в деле Intel, вероятно, будут играть ключевую роль в формировании конкурентных практик и регуляторных ответов, обеспечивая динамичность и конкурентоспособность рынка. Это дело, таким образом, служит критической отправной точкой для будущих антимонопольных расследований и, вероятно, будет влиять на политику конкуренции как на уровне ЕС, так и в мировом масштабе в течение многих лет.

Дело Google против Комиссии (Дело T-612/17)[182] отлично подходит в качестве еще одного интересного примера сформированной судебной практики Суда Европейского Союза.

Как известно, Google — мировой лидер в области технологий, занимает доминирующее положение на рынке поисковых систем в интернете. Это

[182] Google LLC v. Commission, Case T-612/17, Judgment of the General Court (Grand Chamber) of 10 November 2021.

доминирование предоставляет Google значительное влияние на различные аспекты цифровой экономики, включая онлайн-рекламу и шопинг.

Европейская комиссия начала расследование действий Google, связанных с его сервисом сравнения цен. Комиссию беспокоило, что Google использует свою поисковую систему для несправедливого продвижения своего сервиса сравнения цен в ущерб конкурентам, потенциально злоупотребляя своим доминирующим положением на рынке в нарушение законов ЕС о конкуренции.

Европейская комиссия утверждала, что Google манипулировал результатами поиска, чтобы продвигать свой сервис сравнения цен на верхних позициях страниц результатов поиска, в то время как позиции сервисов конкурентов понижались. Кроме того, подозревалось, что такое поведение значительно вредит конкурентам, уменьшая их видимость и перенаправляя трафик с их сайтов, что может снизить конкуренцию и инновации на рынке онлайн-шопинга.

В 2017 году Европейская комиссия пришла к выводу, что Google действительно злоупотребил своим доминирующим положением на рынке. В результате Google был оштрафован на 2,42 миллиарда евро, что стало одним из самых крупных штрафов, когда-либо наложенных Комиссией за антиконкурентное поведение.

Решение Европейской комиссии. В 2017 году Европейская комиссия пришла к выводу, что Google действительно злоупотреблял своим доминирующим положением на рынке. В результате Google был оштрафован на 2,42 миллиарда евро, что стало одним из самых крупных штрафов, когда-либо наложенных Комиссией за антиконкурентное поведение.

Основные моменты из решения Комиссии: Комиссия обнаружила, что практики Google значительно подавляли конкуренцию на Едином рынке ЕС, отдавая предпочтение своему сервису сравнения цен, что является нарушением по статье 102 Договора о функционировании Европейского Союза (ДФЕС). Комиссия отметила, что поведение Google повлияло не только на конкурентные сервисы сравнения покупок, но и на потребителей, которые могли не получить наиболее релевантные результаты по своим запросам.

Google обжаловал это решение, что привело к рассмотрению дела Общим Судом Европейского Союза (дело T-612/17).

В ноябре 2021 года Трибунал[183] в основном поддержал решение Европейской комиссии, согласившись, что Google действительно занимался практиками, которые злоупотребляли его доминирующим положением. Суд отклонил большинство аргументов Google и подтвердил выводы Комиссии о антиконкурентной природе практик Google.

Суд заявил, что: «продвигая свой сервис сравнения покупок на страницах результатов веб-поиска, Google отклонился от конкуренции на основе заслуг».[184]

Кроме того, Суд стал на сторону Комиссии: «Практики Google имели антиконкурентный эффект на рынке, что оправдывает вмешательство Комиссии.»[185]

Таким образом, Суд признает, что действия Google значительно повлияли на конкурентный ландшафт, оправдывая регуляторное вмешательство для восстановления равных условий конкуренции.

Все аргументы Google против решения Комиссии были отвергнуты судом. Google получил всеобъемлющий отказ Суда от аргументов Google против выводов Комиссии, поддерживая надежность действий по антимонопольному регулированию.

В своем решении по делу T-612/17, Google LLC против Комиссии в 2021 году Общий Суд Европейского Союза, подтвердил, что предпочтительное отношение Google к собственной службе сравнения покупок составляет злоупотребление доминирующим положением.[186]

---

[183] Press Release No 197/21, URL: https://curia.europa.eu/jcms/upload/docs/application/pdf/2021-11/cp210197en.pdf (дата обращения: 29.05.2024).
[184] Google LLC v. Commission, Case T-612/17, Judgment of the General Court (Grand Chamber) of 10 November 2021, par 43.
[185] Google LLC v. Commission, Case T-612/17, Judgment of the General Court (Grand Chamber) of 10 November 2021, par 360.
[186] Google LLC v. Commission, Case T-612/17, Judgment of the General Court (Grand Chamber) of 10 November 2021, par 248.

Суд ЕС в данном случае занял очень консервативную позицию в этом деле, что дает отчетливо понять, насколько это критически важное направление для конкурентной политики ЕС. Это дело значимо по нескольким ключевым причинам:

1) Установление прецедента для конкуренции на цифровом рынке. Это дело является важным прецедентом в определении того, что считается злоупотреблением доминирующим положением в соответствии с законодательством ЕС на цифровых рынках. Оно подчеркивает, что доминирующие компании, особенно те, которые контролируют ключевые цифровые платформы, несут особую ответственность за недопущение злоупотребления своим положением, которое может подавлять конкуренцию. Суд подтвердил, что манипулирование результатами поиска с целью предпочтения собственной услуги и понижения позиций конкурентов может быть расценено как злоупотребление доминирующим положением, устанавливая четкий регулятивный стандарт для аналогичных цифровых практик.

2) Влияние на поисковые системы и онлайн-рекламу. Учитывая значительную роль Google в онлайн-поиске и рекламе, решение напрямую влияет на то, как законно могут функционировать поисковые системы в отношении отображения результатов. Это оспаривает бизнес-модели, основанные на интеграции собственных услуг с основными предложениями, когда такая интеграция вредит выбору потребителей и конкуренции.

3) Глобальное влияние на антимонопольные политики. Решение имеет последствия за пределами Европейского Союза, влияя на то, как юрисдикции по всему миру рассматривают и потенциально регулируют действия техногигантов[187]. Страны или регионы, рассматривающие, как обращаться с доминированием крупных технологических компаний, могут использовать это решение в качестве руководства, потенциально гармонизируя глобальные подходы к цифровой

[187] Техногиганты — это крупные транснациональные компании, работающие в области информационных технологий, интернета и цифровых услуг. Они имеют значительное влияние на мировую экономику, общество и технологические инновации. Например, это такие компании как: Google, Apple, Meta (Facebook), Amazon и Microsoft.

конкуренции. ЕАЭС также следует взять на вооружение практику Суда ЕС по данном делу, для усовершенствования своей системы антимонопольного права.

4) Стимулирование изменений в деловых практиках. Технологические компании по всему миру, вероятно, пересмотрят свои деловые практики в свете этого решения, чтобы избежать подобных правовых вызовов. Это может привести к более прозрачным и справедливым практикам в отношении того, как продукты и услуги представляются пользователям, создавая условия, при которых меньшие конкуренты имеют более справедливые шансы на успех.

5) Усиление защиты прав потребителей и справедливой конкуренции. Принятое решение подтверждает важность приоритета интересов потребителей, гарантируя им доступ к объективным результатам поиска и широкому выбору услуг, свободных от необоснованного влияния со стороны доминирующих компаний на рынке. Это особенно значимо в цифровую эпоху, когда решения потребителей в значительной степени зависят от контента, отобранного с помощью алгоритмов.

6) Стимулирование инноваций и входа на рынок. Ограничивая антиконкурентные практики, решение может способствовать инновациям и входу на рынок меньших конкурентов. Это может привести к большим инновациям в технологической индустрии, поскольку компании могут конкурировать на более равных условиях, не опасаясь быть несправедливо затмеваемыми доминирующими игроками.

7) Уточнение юридических стандартов. Решение Суда помогает уточнить юридические стандарты того, какие действия доминирующей компании могут считаться антиконкурентными, предоставляя подробный анализ, который можно использовать в будущих антимонопольных расследованиях. Это особенно важно в технологическом секторе, где динамика конкуренции может быть сложной и многогранной.

8) Стимулирование тщательного экономического анализа. Акцент на детальном экономическом анализе при оценке воздействия практик доминирующих компаний поощряет более тонкий подход к применению

антимонопольного законодательства. От властей ожидается, что они будут тщательно демонстрировать, как конкретные действия вредят конкуренции, что может привести к более обоснованным и эффективным мерам принуждения.

Подводя итоги, необходимо отметить, что Дело Google против Комиссии является вехой в применении антимонопольного законодательства на цифровых рынках и устанавливает прецедент, который, уже повлиял на поведение крупных технологических компаний на долгие годы вперед. Судебное решение акцентирует внимание на современных вызовах регулирования цифровых рынков, направленных на поддержку справедливой конкуренции и защиту интересов потребителей. Оно подчёркивает ключевую цель — сохранение динамичности и конкурентоспособности цифровой экономики. Это дело служит важной ориентировочной точкой для будущих антимонопольных расследований и серьезно повлияет на антимонопольную политику как на уровне ЕС, так и в глобальном масштабе.

В заключении необходимо отметить, что роль Суда Европейского Союза (Суда ЕС) в сфере запрета индивидуальных антиконкурентных действий является ключевой и многогранной. Прецедентная практика Суда ЕС играет решающую роль в формировании и развитии конкурентного права ЕС, обеспечивая его последовательное и справедливое применение. Суд ЕС выполняет несколько важных функций:

1. Толкование законодательства. Суд ЕС предоставляет авторитетное толкование положений Договора о функционировании Европейского Союза (ДФЕС), касающихся индивидуальных антиконкурентных действий. Эти толкования обеспечивают единообразное применение конкурентного права на всей территории ЕС, гарантируя, что национальные суды и антимонопольные органы будут придерживаться общих стандартов.

2. Создание правоприменительной практики. Суд ЕС формирует прецеденты, которые служат ориентиром для национальных судов и органов по конкуренции. Решения Суда по ключевым делам, таким как United Brands, Michelin, Google и другие, устанавливают стандарты оценки и определения антиконкурентных

действий, таких как: злоупотребление доминирующим положением и антиконкурентные соглашения.

3. Защита принципов правового государства. Суд ЕС обеспечивает соблюдение принципов правовой определенности, пропорциональности и равенства. Его решения способствуют прозрачности и предсказуемости в применении конкурентного права, что позволяет бизнесу уверенно планировать свою деятельность и защищать свои права.

4. Инновации и адаптация к новым вызовам. В условиях быстрого развития цифровых технологий и новых бизнес-моделей Суд ЕС демонстрирует гибкость и готовность адаптировать существующие нормы к новым реалиям. Его решения в делах, связанных с цифровыми платформами и новыми формами антиконкурентного поведения, отражают стремление поддерживать эффективную конкуренцию в изменяющемся экономическом ландшафте.

5. Содействие интеграции внутреннего рынка. Суд ЕС играет важную роль в устранении барьеров для свободного перемещения товаров, услуг, капитала и рабочей силы в ЕС. Его решения способствуют созданию единых конкурентных условий для всех участников рынка, что способствует укреплению внутреннего рынка и повышению его конкурентоспособности на глобальной арене.

Таким образом, Суд Европейского Союза является не только «хранителем» правовых норм в сфере конкуренции, но и активным участником процесса их эволюции и адаптации. Его прецедентная практика способствует поддержанию честной и свободной конкуренции, что в конечном итоге приносит пользу как бизнесу, так и потребителям, укрепляя экономическую интеграцию и развитие Европейского Союза.

2.4 Тенденции и перспективы развития правового регулирования в сфере пресечения индивидуальных антиконкурентных действий в ЕС, связанные с цифровизацией и формированием «цифровых монополий»

Конкурентное право в Европейском Союзе не является статичным; оно развивается в ответ на экономические, технологические и геополитические изменения. Эти рынки имеют несколько ключевых характеристик, которые отличают их от цифровых рынков и определяют особенности антимонопольного регулирования. К таким характеристикам традиционных рынков относятся:

1) Физические товары или услуги:

А) в промышленной сфере эта категория включает в себя производство и продажу физических товаров, таких как автомобили, бытовая техника, текстиль и другие промышленные товары. Производственные процессы часто зависят от материальных ресурсов и требуют значительных капиталовложений в оборудование и инфраструктуру;

Б) в сфере сельского хозяйства, данная категория охватывает выращивание и производство сельскохозяйственной продукции, включая зерновые, овощи, фрукты, мясо и молочные продукты. Этот сектор часто зависит от климатических условий и сезонных изменений;

2) Услуги: Услуги включают широкий спектр экономической деятельности, такой как транспортные, финансовые, образовательные и медицинские услуги. Хотя услуги не являются материальными товарами, они часто требуют физического взаимодействия, например, визиты к врачу или использование транспортных услуг. Эти виды экономической деятельности занимают важное место в традиционных рынках, но существенно отличаются от физических товаров.

3) Прямые продажи. Традиционные рынки характеризуются прямыми продажами, где производители или поставщики услуг напрямую взаимодействуют с потребителями или через посредников, таких как розничные торговцы и дистрибьюторы. Это отличается от цифровых платформ, где часто присутствуют

многосторонние рынки и посредники. Например, в сельском хозяйстве фермеры могут продавать свою продукцию на местных рынках или через оптовиков, которые затем распределяют продукцию по розничным магазинам.

4) Слабая динамика. По сравнению с цифровыми рынками, традиционные рынки изменяются медленнее. Технологические инновации в этих секторах могут требовать значительных инвестиций и времени для их внедрения. Например, модернизация производственных линий на заводах может занимать годы и требует значительных капиталовложений. В сельском хозяйстве переход на новые методы земледелия или технологии может быть медленным из-за зависимости от сезонных циклов и необходимости испытаний новых методов.

Традиционные рынки остаются важным объектом антимонопольного регулирования благодаря их значительной роли в экономике и относительно стабильной структуре. Законодательство ЕС в сфере конкуренции направлено на предотвращение антиконкурентных соглашений, злоупотреблений доминирующим положением и контроля за слияниями и поглощениями. Тем самым законодательство обеспечивает справедливую конкуренцию и защиту потребителей. Эти меры помогают поддерживать здоровую рыночную среду, способствующую экономическому росту и инновациям.

В тоже время постоянное развитие цифровых рынков, изменения в глобальных торговых моделях и сдвиги в политических приоритетах требуют адаптации законодательства и его правоприменительной практики. Находясь на пороге новой эры в экономическом регулировании, конкурентное право Европейского Союза сталкивается как с беспрецедентными вызовами, так и с уникальными возможностями. Быстрое развитие глобальных рынков, подпитываемое технологическими инновациями и сложными геополитическими изменениями, требует отзывчивого и прогрессивного подхода к политике конкуренции. И. Лианос и Д. Жераден, давно выступают за динамичное толкование

антимонопольного законодательства, которое адаптируется к меняющимся контурам глобальной экономики и технологий.[188]

Так, И. Лианос утверждает, что традиционные рамки антимонопольного законодательства часто не справляются с тонкими вызовами, стоящими перед цифровыми рынками, где монополии на данные и экономика платформ переопределяют традиционные рыночные границы. К аналогичному, выводу пришел и Д. Жераден[189], который подчеркивает важность интеграции динамики цифровых рынков в антимонопольное законодательство, чтобы предотвратить антиконкурентные практики, которые могут подавлять инновации и вредить благосостоянию потребителей.

Продолжая эту дискуссию, Э. Фокс и М. Гал предлагают, что будущее антимонопольного законодательства должно учитывать более широкие социально-экономические цели, включая устойчивость и справедливый рост [190] . Эти соображения подчеркивают необходимость политики конкуренции, которая не только обеспечивает соблюдение рыночных правил, но и способствует более справедливой экономической системе.

Подходы, предложенные Э. Фокс и М. Гал, открывают пространство для дальнейшего расширения границ антимонопольного законодательства. В частности, интеграция принципов ESG (экология, социальная ответственность и корпоративное управление) [191] в конкурентное право ЕС могла бы стать следующим шагом в эволюции этой области. Такая интеграция позволила бы не только учитывать влияние рыночных игроков на конкуренцию, но и направлять их деятельность на достижение более широких целей: снижение углеродного следа, обеспечение социальных стандартов и повышение прозрачности корпоративного

---

[188] Lianos, I. (2020). «Competition Law for the Digital Economy: Between Continuity and Radical Reform.» Common Market Law Review, vol. 57, no. 3, pp. 705-748.

[189] Geradin, D. (2019). «Adapting Competition Law to the Challenges of the Digital Era.» European Competition Journal, vol. 15, no. 2-3, pp. 250-274.

[190] Fox, E., & Gal, M. (2018). "Drafting Competition Law for a Globalized Economy: An Analysis of Current Trends." Journal of Antitrust Enforcement, vol. 6, no. 3, pp. 344-362.

[191] ESG (Environmental, Social, Governance) — это принципы, связанные с экологическими, социальными и управленческими аспектами, которые компании учитывают при разработке стратегий и принятии решений.

управления. Эти принципы могли бы стать инструментом для создания более сбалансированной и ответственной экономики, где рыночные механизмы работают не только ради максимизации прибыли, но и в интересах устойчивого развития и благополучия общества.

По мере того, как глобализация все теснее связывает рынки, подход ЕС к конкурентному праву также должен учитывать его глобальное воздействие и взаимозависимости. Ученые, такие как А. Брэдфорд, исследовали концепцию «Брюссельского Эффекта», отмечая, как регулирование ЕС часто устанавливает глобальные стандарты благодаря значительному масштабу и влиянию рынка[192]. Это глобальное влияние подчеркивает важность стратегического позиционирования ЕС в формировании политики конкуренции, которая имеет далеко идущие последствия за его границами.

Выводы этих юристов и экономистов предоставляют ценную основу для понимания развивающегося ландшафта конкурентного права ЕС. Они коллективно подчеркивают необходимость регулятивных рамок, которые не только реагируют, но и активно влияют на рыночные сдвиги и технологические достижения.

Текущее состояние. Европейский Союз признал трансформационное влияние цифровых платформ на рынок и общество. Быстрый рост и доминирующая роль техногигантов, таких как Google, Facebook, Amazon и Apple, привели к введению значительных законодательных инициатив, таких как: «Акт о цифровых услугах» Digital Services Act (DSA) и «Акт о цифровых рынках» Digital Marketing Act (DMA), которые уже были рассмотрены в параграфе 1.2. настоящей диссертации.

Перспективы на будущее. По мере ускоренного развития цифровой экономики нормативно-правовые акты, такие как «Акт о цифровых услугах» Digital Services Act (DSA) и «Акт о цифровых рынках» Digital Marketing Act (DMA), вероятно, будут претерпевать изменения и уточнения для наиболее эффективного ответа на новые вызовы. К этим вызовам могут относиться:

---

[192] Bradford, A. (2020). The Brussels Effect: How the European Union Rules the World. Oxford University Press.

- Конфиденциальность данных. Усиление регулирования в отношении сбора, обработки и распространения данных пользователей. Это станет особенно актуальным с учетом всё более широкого использования технологий искусственного интеллекта (ИИ), что требует создания четких границ для обеспечения этичности использования ИИ доминирующими платформами, особенно в вопросах, касающихся прав потребителей и их выбора.
- Монопольный контроль над данными. Более строгие меры по предотвращению злоупотреблений, связанных с использованием данных. Доминирующие платформы, обладающие доступом к огромным объемам пользовательских данных, могут укрепить свое господство на рынке, создавая барьеры для конкурентов. Регуляторы ЕС будут усиливать контроль, чтобы гарантировать, что данные не станут инструментом монополизации рынка.
- Усиление трансграничного сотрудничества. Глобализация требует углубления сотрудничества между регуляторами ЕС и антимонопольными органами других стран. Техногиганты, такие как Google, Amazon и Facebook, ведут деятельность на глобальных рынках, и их поведение влияет на несколько юрисдикций одновременно. Это требует координации в расследованиях и обмена информацией между регуляторами из различных юрисдикций для последовательного и эффективного антимонопольного контроля.

Прогнозируемые будущие разработки:

1. Координированные антимонопольные расследования. Ожидается рост числа совместных антимонопольных расследований, особенно в отношении многонациональных корпораций. Это позволит регуляторам согласовывать действия и вырабатывать единые стратегии для борьбы с антиконкурентными практиками в глобальном масштабе.
2. Совместные обзоры слияний и поглощений. Глобальная природа бизнеса также требует усиления совместных проверок слияний, которые оказывают

мультиюрисдикционное влияние[193]. Такие проверки будут направлены на предотвращение создания глобальных монополий, способных доминировать в нескольких регионах одновременно.

Тенденции в антимонопольном законодательстве. Недавние изменения в антимонопольном праве ЕС свидетельствуют о сдвиге приоритетов в сторону благосостояния потребителей. Традиционный акцент на ценообразовании уступает место более широким оценкам, включая инновации, качество обслуживания и выбор для потребителей. В будущем этот подход, вероятно, станет ещё более распространенным, сосредотачиваясь на следующих аспектах:

1. Обеспечение справедливого ценообразования. Контроль за тем, чтобы цены отражали реальные рыночные условия и не искажались монопольной властью, что особенно важно в цифровом пространстве, где платформы могут влиять на стоимость доступа к ключевым услугам.
2. Содействие инновациям. Законодательство будет поощрять инновационные практики, обеспечивающие технологический прогресс и создающие новые, улучшенные продукты для потребителей. Это включает предотвращение барьеров для входа на рынок новых игроков и содействие конкуренции, которая стимулирует инновации.
3. Повышение качества и выбора. Регулирование должно гарантировать, что потребители имеют доступ к широкому выбору высококачественных продуктов и услуг. В цифровой экономике это особенно важно, поскольку доминирующие платформы могут ограничивать доступ к альтернативным предложениям.

Эти изменения отражают динамичный подход ЕС к конкуренции, который адаптируется к вызовам глобализации и цифровой экономики. В будущем регулятивная система ЕС, вероятно, станет еще более гибкой, интегрируя

---

[193] Это воздействие, оказываемое на несколько правовых систем или юрисдикций одновременно. В контексте международного права и регулирования это может означать, что принятое решение или законодательная норма в одной стране или регионе (например, ЕС) оказывает влияние на политику, законодательство и деловую практику в других странах благодаря тесной взаимосвязи глобальных рынков и единых стандартов регулирования.

инновационные методы для управления как традиционными рынками, так и новыми цифровыми платформами. В результате мы можем ожидать баланс между защитой честной конкуренции, обеспечением справедливого ценообразования и поддержкой технологического прогресса.

Новые вызовы и законодательные изменения в Европейском Союзе в сфере конкуренции:

1. Первый вызов — глобальные цепочки поставок. Пандемия COVID-19 продемонстрировала значительную уязвимость глобальных цепочек поставок, подчеркнув их зависимость от одного источника или региона для получения критически важных компонентов. Ограничения глобальной мобильности привели к остановкам производства, нехватке материалов и значительным сбоям в цепочках поставок.

Основные проблемы:

1) Зависимость от одного региона. Во время пандемии выяснилось, что многие компании зависят от поставок из определенных регионов, особенно из Азии. Это вызвало перебои, когда страны ввели ограничения на перемещение товаров и людей, что поставило многие компании в сложное положение.

2) Недостаток запасов критически важных товаров. В условиях неопределенности оказалось, что компании не имели достаточных запасов материалов, что усилило кризис.

Возможная стратегия ЕС для решения данных проблем:

1. Разнообразие источников поставок. ЕС, вероятно, будет поощрять компании диверсифицировать свои цепочки поставок. Это будет означать расширение базы поставщиков и снижение зависимости от одного источника или региона. Примером является переход к многонациональным или региональным цепочкам поставок, где компании смогут быстро адаптироваться к изменениям, если одна часть мира сталкивается с перебоями. То есть на практике это может заключаться в поощрении создания международных и региональных соглашений о поставках,

которые позволят странам в ЕС обмениваться критически важными материалами и технологиями во время кризисов. ЕС может создавать условия для соглашений между производителями в разных регионах, чтобы обеспечить стабильность поставок.

2. Повышение устойчивости цепочек поставок. ЕС, вероятно, будет поощрять компании инвестировать в устойчивые цепочки поставок, которые могут лучше справляться с кризисами. Это может включать создание стратегических запасов критически важных товаров, чтобы снизить зависимость от своевременных поставок. Например, стимулирование инвестиций в инфраструктуру хранения или разработку инновационных логистических решений, которые позволят быстрее реагировать на изменение глобальной ситуации.
3. Регуляторная поддержка децентрализации. Для того, чтобы избежать монополий на цепочки поставок, ЕС может внести изменения в правила конкуренции, направленные на поддержку небольших и локальных поставщиков. Это будет способствовать децентрализации производственных мощностей, снижению зависимости от крупных производителей и созданию более конкурентных рынков.
4. Поддержка малых предприятий. Подобные меры могут включать регуляторные преференции для небольших поставщиков, поддерживая их на начальных стадиях бизнеса и поощряя инновации. Это также позволит малым компаниям играть большую роль в глобальных цепочках поставок, создавая конкуренцию крупным корпорациям и поддерживая разнообразие.

Другими словами, связь этих вопросов с конкурентным правом ЕС заключается в том, что современные изменения в глобальных цепочках поставок создают новые вызовы для поддержания честной конкуренции на рынке, которые необходимо будет решать. Глобализация неизбежно будет сталкиваться с изменениями, связанными с геополитическими и экономическими рисками, поэтому в будущем Европейский Союз будет все больше акцентировать внимание на создании

устойчивых, гибких и децентрализованных экономических систем. Это также обеспечит большую безопасность и стабильность в случаях возможных будущих кризисов или катастроф.

2. Второй вызов — устойчивость и стратегическая инициатива Европейской комиссии, запущенная в 2019 году «Зеленая сделка»[194]. ЕС уделяет большое внимание устойчивости, что затрагивает такие секторы, как энергетика, транспорт и сельское хозяйство. Поскольку эти секторы критически важны для экономики и часто включают крупномасштабные операции, их согласование с экологическими целями без ущерба для принципов конкуренции представляет собой значительный вызов. В данной стратегической инициативе содержатся следующие интересные в разрезе Конкурентного права ЕС аспекты:

А) Антимонопольные меры. ЕС будет внимательно следить за тем, чтобы экологические инициативы не приводили к созданию новых монополий или ограничению конкуренции;

Б) Государственная помощь. В рамках «Зеленой сделки» компании, участвующие в проектах, связанных с переходом на экологически чистую энергию, могут получать государственную помощь. Здесь вступает в действие статья 107 ДФЕС, которая регулирует допустимые рамки государственной поддержки для того, чтобы не нарушать конкуренцию;

В) Поддержка инноваций. Конкурентное право ЕС будет адаптироваться к требованиям устойчивого развития, поощряя инвестиции в «зеленые» технологии и поддерживая конкуренцию среди компаний, работающих над новыми экологическими проектами.

Таким образом, «Зеленая сделка» — это инициатива, под которой могут разрабатываться конкретные законы и акты, включая нормы, касающиеся конкурентного права, направленные на поддержку устойчивого экономического развития в ЕС.

---

[194] Прим. Это новая стратегия роста. Основная идея проста: экономическая эффективность Европы по большей части зависит от сохранения естественных основ.

Это лишь один из примеров того, как Европейский Союз разрешает различные вопросы, связанные с устойчивостью. Однако, для решения этих вызовов будущие нормативно-правовые акты ЕС в сфере конкурентного права могут:

- интегрировать цели устойчивости. Явное включение устойчивости в качестве фактора при оценке конкуренции, позволяющее сбалансировать экологические опасения и рыночную конкуренцию. Стимулы для «зеленых инноваций»: предоставление стимулов в рамках конкурентной политики для продвижения зеленых технологий и устойчивых практик среди предприятий;

- поддержать экологически чистые бизнес-практики. Облегчение сотрудничества между компаниями для достижения целей устойчивости, даже если такое сотрудничество может ограничивать некоторые аспекты конкуренции.

3. Третий вызов касается международных геополитических напряженностей с основными торговыми партнерами, что может значительно повлиять на рыночную динамику и применение нормативно-правовых актов в сфере конкурентного права. Проблемы, такие как «торговые войны», экономические санкции и дипломатические споры, могут исказить рынки и создать неопределенность для компаний, работающих на международном уровне. ЕС может потребоваться адаптировать свои нормативно-правовые акты в сфере конкурентного права, для лучшего ответа на эти вызовы, чтобы такие нормативно-правовые акты обладали следующими характеристиками:

- гибкость в применении. Обеспечение большей гибкости в применении нормативно-правовые акты в сфере конкурентного права, чтобы учитывать геополитические реалии, которые могут потребовать отклонений от нормальной практики, формировавшейся годами;

- защитные меры. Внедрение мер для защиты рынка ЕС и потребителей от негативных последствий международных политических напряженностей, например, обеспечение безопасности поставок на энергетических рынках;

- защита стратегических интересов. Корректировка политики для защиты стратегических экономических и технологических интересов от потенциального использования через иностранную политику.

Эволюция конкурентного права ЕС происходит путем преодоления этих новых вызовов, требующих ситуативных и немедленных законодательных реакций. Решая проблемы, связанные с уязвимостями глобальных цепочек поставок, интегрируя устойчивость в рамки конкуренции и адаптируясь к сложностям, внесенным геополитическими напряженностями, ЕС стремится защитить и улучшить свой рынок конкуренции. Эти адаптации не только направлены на поддержание честной конкуренции, но и гарантируют, что рыночная динамика соответствует более широким экономическим, экологическим и политическим целям. Этот стратегический подход, вероятно, будет направлять будущее развитие конкурентного права ЕС, делая его ключевой областью внимания для политиков, бизнеса и юридических специалистов.

В стремительно развивающейся цифровой экономике появился новый вид монополий, который коренным образом трансформирует рынки и представляет серьезные вызовы для традиционных регуляторных рамок. Эти цифровые монополии, образованные такими технологическими гигантами, как Google, Amazon, Facebook и Apple и т.д. Такие монополии используют огромные объемы данных и сетевые эффекты для укрепления рыночной власти и сдерживания конкурентных угроз. В отличие от традиционных монополий, которые часто растут за счет увеличения физических активов и доли на рынке, цифровые монополии расширяются за счет накопления данных, интеграции различных цифровых платформ и быстрого роста пользовательской базы, что часто приводит к значительным барьерам для входа новых конкурентов.

Возникновение этих цифровых гигантов порождает сложные вопросы для правоприменения в области антимонопольного законодательства. Традиционные антимонопольные принципы, разработанные в эпоху реальных бизнесов, испытывают трудности с решением тонких и динамичных способов, которыми цифровые компании могут доминировать на рынках и подавлять конкуренцию. Ключевые проблемы включают применение устаревших правовых рамок к современным цифровым бизнес-моделям, определение соответствующих рынков на многосторонних платформах, понимание роли данных как конкурентного

инструмента и управление глобальным масштабом цифровых рынков, которые часто превышают национальные юрисдикции.

Более того, скорость, с которой развиваются цифровые рынки, и инновационный характер цифровых бизнес-моделей дополнительно усложняют регуляторный ответ. Цифровые монополии могут изменять конкурентный ландшафт за гораздо более короткие сроки, чем традиционные отрасли, часто опережая медленные законодательные процессы, предназначенные для их регулирования. Это несоответствие между темпами развития рынка и регуляторным ответом подчеркивает критический разрыв в современном правоприменении антимонопольного законодательства.

Цифровые монополии отличаются от традиционных монополий сразу в нескольких ключевых аспектах, главным образом из-за технологической основы и бизнес-моделей, которые они используют. Основные черты цифровых монополий включают сетевые эффекты, контроль над данными и экосистемы, основанные на платформах:

1. Сетевые эффекты описывают ситуацию, когда продукт или услуга становятся более ценными для их пользователей по мере увеличения числа пользователей. Эта характеристика особенно значима на цифровых рынках, где платформы и сервисы часто функционируют таким образом, что взаимодействие и активность пользователей повышают полезность сервиса. Например, социальные медиа становятся более привлекательными и ценными, когда присоединяются и начинают публиковать контент все больше друзей и членов семьи пользователя.

Существуют различные виды сетевых эффектов:

А) Прямые сетевые эффекты. Они возникают, когда ценность сервиса увеличивается непосредственно с количеством пользователей. Например, на сайте социальной сети, как Facebook, платформа становится более ценной по мере присоединения новых пользователей, так как это увеличивает вероятность связей, взаимодействий и обмена контентом;

Б) Косвенные сетевые эффекты. Присутствуют, когда ценность сервиса увеличивается благодаря наличию дополнительных продуктов или услуг.

Классический пример — отношение между программным обеспечением и аппаратным обеспечением, такими как приложения, разработанные для смартфонов.

Наличие сетевых эффектов может привести к сценарию, когда победитель забирает все, так в своем фундаментальном труде[195] Аннабель Гоуэр обсуждает усиливающий эффект сетевых внешностей на цифровых платформах, объясняя, как они могут создавать сценарий победителя, завоевывающего все на цифровых рынках. В свою очередь это является достаточно опасным явлением, приводящим к недопущению конкуренции.

На цифровых рынках, как только платформа достигает «критической массы» пользователей, она может стать доминирующим игроком. Это заметно усложняет возможность конкурировать для новых участников рынка. Установленная платформа может использовать свою большую базу пользователей для привлечения новых пользователей, рекламодателей и даже разработчиков для создания эксклюзивного контента или приложений, дополнительно закрепляя свое положение на рынке.

Новым компаниям может быть сложно привлечь пользователей, потому что услуга действующего игрока значительно ценнее из-за его большой пользовательской базы. Также, пользователям может быть неудобно переходить на новую платформу из-за высоких издержек переключения, связанных с потерей установленных сетей и контента. В своих исследованиях Гоуэр изучает, как цифровые платформы, использующие сетевые эффекты, могут организовать рыночные условия, которые способствуют их продолжающемуся доминированию. Она отмечает, что эти платформы не только используют сетевые эффекты для роста, но и стратегически управляют своими экосистемами, чтобы поддерживать контроль над ними. Это управление может включать в себя решения о том, кто может участвовать в платформе, как делится данными и как распределяются прибыли среди участников.

---

[195] Gawer, Annabelle. «Bridging differing perspectives on technological platforms: Toward an integrative framework.» Research Policy, vol. 43, no. 7, 2014, pp. 1239-1249.

В этой статье А. Гоуэр предоставляет рамки для понимания роли платформ в современных экономиках. Она утверждает, что для полного понимания воздействия цифровых платформ необходимо рассмотреть, как они интегрируются в различные отрасли и услуги, используя сетевые эффекты для обеспечения и расширения своего рыночного влияния.

Понимание сетевых эффектов и их глубокое воздействие на цифровые рынки имеет решающее значение для регуляторов и конкурентов. Анализ А. Гоуэр подчеркивают необходимость стратегических подходов как в бизнесе, так и в регулировании для решения вызовов, с которыми сталкиваются цифровые платформы, доминирующие благодаря этим эффектам. Понимание и учет этих динамик помогут заинтересованным сторонам лучше способствовать здоровой конкуренции и инновациям на все более цифровизированных рынках.

2. Стратегическое использование данных. Цифровые монополии, такие как Google, Amazon и Facebook, имеют доступ к огромным объемам данных, которые они используют для уточнения своих алгоритмов, персонализации услуг и повышения вовлеченности пользователей. Эти данные не просто побочный продукт их деятельности; это основной актив, который определяет стратегические решения и конкурентное положение. Помимо традиционных сетевых эффектов, цифровые монополии извлекают выгоду из сетевых эффектов данных и чем больше данных они собирают, тем лучше становятся их услуги, что, в свою очередь, привлекает больше пользователей и генерирует еще больше данных. Этот цикл значительно укрепляет их рыночное положение и затрудняет конкуренцию для новичков без аналогичного доступа к данным.

Так В. Майер-Шёнбергер и Т. Рамге с своих исследованиях пришли к выводу, что: «компании, богатые данными, не только опережают конкурентов, но и создают барьеры для входа на рынок за счет принятия решений, основанных на этих данных».[196]

[196] Mayer-Schönberger, Viktor, and Thomas Ramge. «Reinventing Capitalism in the Age of Big Data.» Basic Books, 2018.

Стратегическое использование данных оказывает заметное влияние на рыночную конкуренцию:

А) Барьеры для входа. Накопление и контроль данных доминирующими платформами могут создавать высокие барьеры для входа новых компаний. Новым участникам часто трудно конкурировать эффективно, потому что им не хватает критического объема данных, необходимых для обучения передовых алгоритмов и предложения сопоставимых услуг. Например, в цифровой рекламе компании, такие как Google и Facebook, доминируют благодаря своим подробным данным о потребителях, что позволяет проводить высокоточную таргетированную рекламу. Новым участникам сложно соперничать в точности такого таргетинга без аналогичных наборов данных.

Б) Закрытие рынка. Цифровые монополии могут использовать свое доминирование данными для закрытия рыночных сегментов, опережая конкурентов за счет использования данных пользователей для внедрения новых продуктов или услуг, которые сразу же получают выгоду от интегрированных данных, подавляя потенциальную конкуренцию. В. Майер-Шёнбергер и Т. Рамге пишут: «В мире, богатом данными, традиционные аксиомы капитализма, такие как механизмы ценообразования и экономические сигналы, вытесняются прямым потоком информации, трансформируя то, как функционируют рынки, и кто держит выигрышную руку.» [197]

Стратегическое использование данных цифровыми монополиями представляет собой изменение парадигмы в характере конкуренции и рыночной динамики. Как подчеркивают В. Майер-Шёнбергер и Т. Рамге, способность использовать и эксплуатировать огромные массивы данных может привести к значительным конкурентным преимуществам, изменяя традиционные принципы рыночной конкуренции. Это изменение требует новых регуляторных подходов и стратегий для того, чтобы новые участники могли эффективно бросить вызов закрепившимся данными монополиям. Понимание многогранной роли данных

[197] Mayer-Schönberger, Viktor, and Thomas Ramge. "Reinventing Capitalism in the Age of Big Data." Basic Books, 2018., p. 54.

имеет решающее значение для любого заинтересованного лица, ориентирующегося в современной цифровой экономике.

3. Платформы как экосистемы. Цифровые монополии зачастую являются и Многосторонними Платформами (MSP)[198], которые обслуживают две или более взаимозависимые группы клиентов, облегчая взаимодействие между ними. Распространенные примеры включают онлайн-рынки, такие как Amazon, социальные сети, такие как Facebook, и сервисы совместных поездок, такие как Uber. Эти платформы не просто посредники, они создают взаимосвязи, позволяя различным группам взаимодействовать напрямую, что иначе могло бы происходить не так эффективно. MSP часто получает позитивную обратную связь. Чем больше потребителей пользуется платформой, тем ценнее для поставщиков услуг или рекламодателей присоединиться к ней, что, в свою очередь, повышает ценность платформы для потребителей. Этот цикл может ускорить рост платформы и ее доминирование на рынке, например: на платформе, такой как Airbnb, больше объявлений привлекают больше арендаторов, и наоборот, больше арендодателей привлекают больше объявлений. Каждая сторона способствует росту другой стороны, создавая устойчивую экосистему.

Воздействие Многосторонних Платформ на динамику рынка и барьеры для входа:

1) Эффекты блокировки. Блокировка пользователя происходит из-за того, что затраты на переключение — затраты, которые пользователь несет, изменяя конкурирующую платформу — высоки. Это может включать потерю выгод от установленных отношений или необходимость воссоздания аналогичных впечатлений на новой платформе. Также может происходить блокировка поставщиков, особенно если бизнесы сильно зависят от платформы для доступа к клиентам и аналитике данных, которые не так легко перенести;

---

[198] С английского «Multi-sided platforms». Многосторонние платформы (MSP, от англ. Multi-Sided Platforms) — это бизнес-модели, в которых одна платформа (обычно цифровая) соединяет две или более взаимозависимые группы пользователей или клиентов, облегчая их взаимодействие и создавая ценность для каждой из этих групп. MSP функционирует как посредник, который упрощает обмен товарами, услугами или информацией между этими группами.

2) Барьеры для входа. Новым участникам сложно конкурировать из-за установленных сетевых эффектов на MSP. Для конкуренции им необходимо преодолеть сетевое преимущество действующих участников, что часто требует значительных первоначальных инвестиций или инновационных бизнес-моделей, которые изменяют существующие взаимодействия.

В своей книге[199] Д. Эванс и Р. Шмалензи исследуют, как MSP преобразуют отрасли, эффективно управляя этими сетевыми эффектами. Они обсуждают стратегии, которые платформы используют для преодоления проблемы привлечения достаточного количества участников каждой группы пользователей для придания ценности платформе и как, достигнув «критической массы», сетевые эффекты становятся мощной силой, которая может исключить конкурентов.

Авторы утверждают, что экономические принципы, управляющие традиционными бизнесами, не применяются напрямую к MSP. Например, стратегии ценообразования часто включают субсидирование одной группы пользователей для привлечения другой, тактика, видимая в том, как ценятся игровые консоли или как платежные карты взимают плату с торговцев, предлагая вознаграждения держателям карт.

Динамика многосторонних платформ и их сетевые эффекты предоставляют глубокие представления о современной цифровой экономике. Эти платформы могут переформатировать отрасли, создавая экосистемы, которые значительно выигрывают от масштабирования и плотности сети. Однако они также ставят серьезные вызовы для новых участников и регуляторов из-за потенциала блокировки рынка и трудностей в управлении конкуренцией. Понимание этих динамик критически важно для разработки эффективных стратегий для содействия здоровой конкуренции и инновациям на все более цифровизированных рынках.

Проблемы правоприменения, связанные с цифровыми монополиями.

1) Актуальность ценовых стратегий. В традиционных рынках антимонопольный анализ часто сосредотачивается на ценовых стратегиях, таких

---

[199] «Matchmakers: The New Economics of Multisided Platforms.» Harvard Business Review Press, 2016.

как хищническое ценообразование или ценовые сговоры, для оценки антиконкурентного поведения. Однако на цифровых рынках, где многие услуги предоставляются бесплатно (например, социальные сети, поисковые системы), эти ценовые метрики становятся неактуальными.

Л. М. Хан в своей статье «Антимонопольный парадокс Amazon» [200] утверждает, что текущее антимонопольные право плохо приспособлено к бизнес-стратегиям цифровых гигантов, таких как Amazon, которые ставят приоритет на рост над прибылями. Этот подход, хотя и выгоден для потребителей с точки зрения снижения цен, может подавлять конкуренцию менее очевидными способами, которые не связаны непосредственно с ценообразованием.

2) Оценка данных как валюты. В цифровой экономике данные пользователей часто служат валютой. Цифровые монополии собирают огромные объемы данных, которые они используют не только для улучшения своих услуг, но и для поддержания и укрепления своих рыночных позиций. Традиционные антимонопольные инструменты не учитывают конкурентное значение накопления и контроля над данными. Так, например, М. Э. Стаке и А. Эзрахи в своей работе «Виртуальная конкуренция» [201] обсуждают, как доминирование данными может привести к рыночной власти, сосредоточенной на цене и объеме продаж, которая недостаточно отражена традиционными метриками антимонопольного права.

3) Темпы технологических достижений. Темпы технологических инноваций на цифровых рынках чрезвычайно высоки. Новые продукты и услуги могут быстро развиваться и трансформировать целые рыночные сектора. Этот быстрый темп может сделать регулирующие меры, разработанные под медленно движущиеся промышленные предположения, устаревшими или недостаточными к моменту их внедрения.

4) Динамичные рыночные структуры. Цифровые рынки не только быстро меняются, но также характеризуются динамичными изменениями в рыночной

---

[200] Khan, Lina M. «Amazon's Antitrust Paradox.» The Yale Law Journal, Vol. 126, 2017, pp. 710-805.
[201] Stucke, Maurice E., and Ezrachi, Ariel. «Virtual Competition: The Promise and Perils of the Algorithm-Driven Economy.» Harvard University Press, 2016.

структуре. Границы цифровых рынков часто являются подвижными, с компаниями, которые часто входят в смежные рынки или используют свои платформы для вертикальной интеграции.

В заключение необходимо отметить, что появление цифровых монополий внесло значительные сложности в сферу исполнения антимонопольного законодательства. Эти сущности, характеризующиеся контролем над огромными объемами данных, зависимостью от сетевых эффектов и быстрыми инновационными возможностями, ставят под сомнение традиционные рамки антимонопольного анализа, первоначально предназначенные для более статичных и менее взаимосвязанных рыночных сред.

Традиционные антимонопольные метрики, такие как стратегии ценообразования, часто оказываются неэффективными при применении к цифровым рынкам, где услуги могут быть бесплатными, а настоящей валютой являются пользовательские данные. Это изменение требует переоценки того, как определяются рыночная власть и антиконкурентное поведение. Ученые, такие как Л.М. Кхан и М.Е. Стаке, указывали на недостатки текущих антитрестовских инструментов в отношении способов, с помощью которых цифровые монополии могут злоупотреблять своим доминирующим положением. Например, используя данные для улучшения собственных услуг и исключения конкурентов, или используя инфраструктуру своей платформы для предпочтительной обработки своих продуктов или услуг.

Более того, быстрый темп инноваций, характерный для цифровых рынков, представляет собой еще одно значительное препятствие для регуляторов. Применение антимонопольного законодательства может отставать от технологических достижений, делая его неэффективным к моменту применения. Динамичный характер цифровых рынков, где компании быстро входят и трансформируют отрасли, требует более гибкого и проактивного регуляторного подхода. Этот подход должен не только реагировать быстрее, но и предвидеть потенциальные антиконкурентные практики до того, как они укоренятся.

В связи с этими вызовами среди ученых юристов и политиков растет консенсус относительно необходимости новых инструментов и стратегий. Предложения включают разработку более сложных экономических моделей для понимания ценности данных и сетевых эффектов, повышение прозрачности в сборе и использовании данных, а также продвижение большей взаимосовместимости между конкурирующими платформами для снижения привязанности потребителей и уменьшения барьеров для входа.

Кроме того, международное сотрудничество становится все более важным в глобализированной цифровой экономике, где многие цифровые платформы действуют сразу в нескольких регионах. Это сотрудничество направлено на гармонизацию регуляторных подходов и обмен лучшими практиками для эффективного управления глобальным масштабом цифровых монополий.

Регламенты «Акт о цифровых рынках» (Digital Markets Act, DMA) и «Акт о цифровых услугах» (Digital Services Act, DSA) предлагают конкретные инструменты и стратегии, направленные на частичное решение вышеупомянутых вопросов:

- «Акт о цифровых рынках» улучшает конкуренцию, снижая барьеры для входа на рынок и уменьшая привязанность потребителей к большим платформам через обеспечение взаимосовместимости и прозрачности.
- «Акт о цифровых услугах» фокусируется на защите прав пользователей, регулировании данных и обеспечении прозрачности алгоритмов, что помогает эффективно бороться с цифровыми монополиями и улучшает международное сотрудничество в этой области.

Эти Регламенты предоставляют новые инструменты для управления цифровыми рынками и монополиями, обеспечивая баланс между инновациями, конкуренцией и защитой прав потребителей. И хотя данные Регламенты решают многие ключевые вызовы в регулировании цифровых рынков, есть несколько аспектов, которые эти Регламенты пока что не полностью охватывают или решают недостаточно эффективно:

1. Регулирование искусственного интеллекта (ИИ). «Акт о цифровых рынках» и «Акт о цифровых услугах» вводят механизмы для повышения прозрачности алгоритмов и защиты данных пользователей. Это важно для борьбы с манипуляциями через алгоритмы, но охватывает ИИ лишь частично.

Проблема. Платформы активно внедряют ИИ для персонализации контента, рекламы и принятия решений. Однако прямое регулирование ИИ и его этического использования отсутствует. Например, вопросы прозрачности принятия решений ИИ, автоматизация услуг и контроль за тем, как ИИ обрабатывает данные пользователей, пока остаются за рамками существующих законов.

Необходимые меры. Регуляторы рассматривают возможность введения отдельного законодательства, например, в виде Акта о регулировании ИИ (AI Act), который будет напрямую касаться этих проблем.

2. Конфиденциальность и защита данных. «Акт о цифровых услугах» делает шаг вперед в области защиты данных, требуя от платформ прозрачности в использовании данных пользователей.

Проблема. Более глубокие вопросы, касающиеся конфиденциальности данных, особенно в отношении сложных экосистем, где данные перемещаются между платформами, плохо регулируются. Например, многие крупные платформы продолжают собирать обширные данные о поведении пользователей, несмотря на усилия по защите прав потребителей. Взаимодействие между «Актом о цифровых услугах» и Общим Регламентом по защите данных (General Data Protection Regulation (GDPR))[202] (Общий Регламент ЕС по защите данных) требует дальнейшего совершенствования для эффективного контроля за использованием данных.

[202] Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data (General Data Protection Regulation, GDPR).

Необходимые меры. Регулирование более сложных случаев передачи данных между платформами и создание четких рамок для «миграции» данных пользователей.

3. Монополизация через инновации. «Акт о цифровых рынках» стремится предотвратить злоупотребление доминирующим положением через контролируемую инновацию, требуя прозрачности и предотвращая само-преференции.

Проблема. Тем не менее, монополизация инноваций в областях, таких как облачные технологии, блокчейн и другие будущие технологии, все еще остается нерешенной проблемой. Компании, контролирующие инновационные инфраструктуры, могут использовать свои патенты и доминирующие позиции, чтобы подавлять конкурентов в этих областях.

Необходимые меры. Более детализированное регулирование в области защиты инноваций, чтобы не допустить монополизацию новых технологий.

4. Контроль за глобальными данными и технологиями. Вышеупомянутые Регламенты вводят требования к европейским компаниям и платформам по обработке данных в ЕС.

Проблема. Однако платформы с глобальной базой данных, действующие за пределами ЕС, могут обойти эти правила. Более того, законы ЕС не могут напрямую влиять на использование данных за пределами юрисдикции Евросоюза, что создает пробелы в регулировании трансграничных операций с данными.

Необходимые меры. Требуется усиленное международное сотрудничество и развитие новых стандартов для глобальных компаний, обрабатывающих данные пользователей ЕС.

5. Технологические барьеры для входа на рынок. «Акт о цифровых рынках» пытается уменьшить барьеры для входа на рынок за счет требований о взаимосовместимости и снижении зависимости от доминирующих платформ.

Проблема. Однако проблемы технологической зависимости от крупных платформ остаются значительными. Вход на рынок требует значительных

инвестиций в инфраструктуру, что все еще может быть препятствием для мелких и средних игроков.

Необходимые меры. Более активная поддержка стартапов и инвестиции в инновационные компании, которые могли бы конкурировать с доминирующими платформами.

Подводя итог, следует отметить, что хотя Регламенты «Акт о цифровых рынках» и «Акт о цифровых услугах» предлагают значимые решения для некоторых наиболее острых проблем цифровых рынков, ряд вызовов требует дальнейшего законодательного ответа. Эти проблемы включают управление искусственным интеллектом, трансграничные данные, глобальную монополизацию через инновации и технологические барьеры для малых игроков. Для решения этих вопросов возможно потребуется принятие дополнительных законодательных актов, таких как Акта о регулировании ИИ и совершенствование международного сотрудничества в регулировании данных.

Глава 3. Опыт ЕС в регулировании запрета индивидуальных антиконкурентных действий и интересы российского бизнеса

3.1. Практика Суда ЕС в сфере запрета индивидуальных антиконкурентных действий по делам российских компаний

Дела в Суде Европейского Союза в сфере конкурентного права с участием российских юридических лиц представляет собой важную и актуальную область исследования, особенно учитывая сложные геополитические и экономические отношения между ЕС и Россией. По мере того, как ЕС продолжает применять свои нормативно-правовые акты, появляется все больше громких дел, в которых фигурируют российские компании, что подчеркивает глобальное влияние и значимость регуляторных действий ЕС. Эти дела не только отражают сложности применения нормативно-правовых актов Европейского Союза к субъектам находящимся вне территории ЕС, но и иллюстрируют более широкие последствия для международной деловой практики и двусторонних отношений.

Европейский Союз, имеющий строгие нормативно-правовые акты в сфере конкурентного права, стремится поддерживать справедливую и конкурентоспособную рыночную среду внутри своих границ. Эта регуляторная система часто распространяется на компании, зарегистрированные за пределами ЕС, которые работают на рынке Европейского Союза, включая компании из России. Судебные процессы и решения в этих делах предоставляют ключевые сведения о том, как трактуются нормативно-правовые акты в сфере конкурентного права Европейского Союза, особенно в отношении субъектов из страны, играющей важную стратегическую роль в европейской экономике и политике.

Компании, зарегистрированные за пределами ЕС, могут подпадать под действие европейского законодательства в сфере конкурентного права, если они ведут свою деятельность на рынке ЕС или их действия оказывают значительное влияние на этот рынок. Основой для привлечения к ответственности компаний из третьих стран являются несколько ключевых принципов:

1. Экстерриториальность законодательства ЕС. Европейское конкурентное право имеет экстерриториальное действие, что означает, что оно применяется не только к субъектам, зарегистрированным в ЕС, но и к тем, кто ведет деятельность или оказывает влияние на рынок ЕС. Этот принцип подкреплен прецедентами судебной практики и регулируется статьями 101 и 102 Договора о функционировании Европейского Союза (ДФЕС). Например, если компания из России осуществляет антиконкурентные практики, такие как картельные соглашения или злоупотребление доминирующим положением, и эти действия оказывают влияние на рынок ЕС, она может быть привлечена к ответственности.
2. Теория «эффектов» (Effects Doctrine).

   - В основе применения конкурентного права ЕС к компаниям из третьих стран лежит так называемая теория «эффектов». Согласно этой доктрине, если действия компании, находящейся за пределами ЕС, оказывают влияние на рынок внутри ЕС, то такие действия могут подпадать под юрисдикцию законодательства ЕС.

   - Это означает, что даже если компания физически находится в другой стране, она несет ответственность, если её действия нарушают конкуренцию внутри ЕС.

   - Например, дело Wood Pulp (Case 89/85 Ahlström Osakeyhtiö and others v Commission), [203] где Суд ЕС применил теорию эффектов к компаниям, которые находились за пределами ЕС, но их антиконкурентные действия касались рынка ЕС.
3. Обязанность соблюдения правил конкуренции на рынке ЕС.

   - Любая компания, ведущая коммерческую деятельность на территории ЕС, обязана соблюдать нормативно-правовые акты в сфере конкурентного права, включая запрет на картели, злоупотребление доминирующим положением и нарушения, связанные с государственными субсидиями и т.д.

---

[203] Ahlström Osakeyhtiö and others v Commission (Wood Pulp), Case 89/85, Judgment of the Court of 27 September 1988.

- Другими словами, например, российские компании, которые экспортируют товары или услуги на рынок ЕС или имеют представительства, должны соблюдать законы ЕС, независимо от того, где они зарегистрированы.

Обоснование правовой ответственности компаний третьих стран.

1. Статьи 101 и 102 ДФЕС. Эти статьи регулируют вопросы антиконкурентных соглашений и злоупотребление доминирующим положением. Согласно этим нормам, любая компания, чьи действия оказывают влияние на внутренний рынок ЕС, может быть привлечена к ответственности. Таким образом, если российская компания нарушает конкурентное право ЕС, её действия могут быть предметом рассмотрения в судебных органах ЕС.

2. Прецедентное право. Ряд дел подтвердил экстерриториальное применение законодательства ЕС к иностранным компаниям. Например, дело Intel v Commission (Case C-413/14 P) [204] проиллюстрировало применение конкурентного права ЕС к компании, зарегистрированной за пределами ЕС, из-за того, что действия этой компании влияли на рынок внутри Европейского Союза.

Таким образом, компании из третьих стран, такие как Россия, могут быть привлечены к ответственности за нарушение норм конкурентного права ЕС, если их действия затрагивают внутренний рынок Европейского Союза.

Начать рассмотрение судебной практики по данному вопросу необходимо с дела PGNiG Supply & Trading GmbH v European Commission (2017).[205]

Данное дело связано с изменениями в регулировании доступа третьих сторон к газопроводу OPAL, который является продолжением газопровода Северный поток и транспортирует российский газ через Германию. OPAL — это один из ключевых газопроводов, по которому газ из России поступает в Центральную и Восточную Европу. В 2016 году Европейская комиссия одобрила изменения, которые позволили увеличить объемы использования OPAL компанией Газпром,

[204] Intel Corporation Inc. v European Commission, Case C-413/14 P, Judgment of the Court (Grand Chamber) of 6 September 2017.
[205] PGNiG Supply & Trading GmbH v European Commission, Case T-849/16, Judgment of the General Court of 10 September 2019.

сняв некоторые ограничения для третьих сторон на доступ к газопроводу. Это решение дало Газпрому право использовать до 90% пропускной способности OPAL, что фактически укрепляло его контроль над инфраструктурой газоснабжения.

PGNiG, польская нефтегазовая компания, подала иск в Общий суд Европейского Союза против такого решения Комиссии. Основные аргументы PGNiG заключались в следующем:

1. Нарушение конкурентного права. PGNiG утверждала, что решение Комиссии ущемляет принципы свободной конкуренции, давая Газпрому чрезмерный контроль над газопроводом OPAL и, соответственно, над поставками газа в Европу.
2. Энергетическая безопасность. PGNiG указала, что это решение увеличивает зависимость от российского газа, что противоречит политике диверсификации поставок, которую продвигает ЕС. Польша и другие страны Центральной и Восточной Европы, полагающиеся на газ из России, особенно уязвимы перед такими изменениями.
3. Доступ третьих сторон. Компания также заявила, что предоставление Газпрому более полного доступа к OPAL ограничивает возможность использования газопровода другими поставщиками, что снижает конкуренцию на рынке энергоресурсов.

Решение Общего суда (2017). В 2017 году Общий суд ЕС отклонил иск PGNiG. Суд пришел к выводу, что PGNiG не представила достаточных доказательств того, что изменения в регулировании OPAL нарушают их права или значительно влияют на конкуренцию.

Основные выводы суда:

1. Недостаточные доказательства. Суд посчитал, что аргументы PGNiG о нарушении конкурентного права и энергобезопасности не подкреплены достаточными доказательствами.

2. Законность действий Комиссии. Суд подтвердил, что Европейская комиссия действовала в рамках своих полномочий, принимая решение об изменениях в доступе к OPAL.
3. Доступ к инфраструктуре. Важным элементом решения стало то, что суд не нашел прямых нарушений в предоставлении Газпрому дополнительных объемов доступа к инфраструктуре, поскольку это согласовывалось с рыночными и экономическими интересами ЕС.

Данное решение в последствии оказало следующее влияние:

1. Укрепление позиции Газпрома. Решение суда фактически позволило Газпрому укрепить свою позицию на рынке газоснабжения в Европе, особенно в Центральной и Восточной Европе, где газопровод OPAL играет стратегически важную роль.
2. Энергетическая безопасность. Несмотря на опасения PGNiG, суд счел, что энергетическая безопасность ЕС не находится под угрозой в результате данных изменений, и что эти меры не противоречат общей энергетической политике ЕС.
3. Возможности для будущих жалоб. Решение открыло дорогу для возможных будущих исков со стороны других участников рынка, которые могли бы более тщательно собирать доказательства нарушений.

По итогу, Дело PGNiG v European Commission (2017) подчеркивает сложность регулирования газовых потоков и инфраструктуры в Европе, где интересы различных стран и компаний сталкиваются с геополитическими и экономическими реалиями. Решение суда продемонстрировало, что даже крупные государственные компании, такие как PGNiG, должны предоставлять тщательно обоснованные доказательства, чтобы оспаривать действия Европейской комиссии в вопросах, касающихся энергетической инфраструктуры.

Суд в этом случае встал на сторону Комиссии, утверждая, что её решение по OPAL было экономически обоснованным и не нарушало нормы конкурентного права.

Безусловно одним из самых ярких дел с участием российских компаний является дело Газпрома.[206] Газпром, российский энергетический гигант, играет ключевую роль в поставках газа во многие страны Центральной и Восточной Европы. Его обширный контроль над газопроводами и механизмами поставок делает его доминирующим игроком на этих региональных рынках. Однако такое доминирование стало предметом внимания Европейской комиссии, которая выразила обеспокоенность возможными антиконкурентными практиками, которые могли бы подавить конкуренцию на рынке и неблагоприятно манипулировать динамикой поставок энергии в ущерб потребителям и принципам справедливости на рынке.

Расследование Комиссии, инициированное из-за обвинений в злоупотреблении Газпромом своим доминирующим положением на рынке, сосредоточилось на нескольких ключевых вопросах:

1) Ограничительные договорные практики. Контракты Газпрома с несколькими странами Центральной и Восточной Европы включали пункты, ограничивающие перепродажу газа, что фактически препятствовало диверсификации поставок и закрепляло доминирование Газпрома на рынке;

2) Механизмы ценообразования. Стратегии ценообразования, используемые Газпромом, по мнению Комиссии были несправедливыми, особенно связывание цен с индексами нефти, которые могли не отражать реальные условия рынка природного газа. Такие практики могли потенциально вредить потребителям и искажать конкуренцию, поддерживая искусственно высокие цены на газ;

3) Контроль над инфраструктурой. Влияние Газпрома на инфраструктуру по транспортировке газа в этих странах дополнительно усугубляло ситуацию, поскольку ограничивало возможности других поставщиков входить на рынок.

После обширных переговоров и судебных разбирательств дело было разрешено не через формальное решение[207], а через принятие обязательств.

---

[206] Case AT.39816, Gazprom, European Commission, [2018] ECR.

[207] Summary of Commission Decision of 24 May 2018 relating to a proceeding under Article 102 of the Treaty on the Functioning of the European Union and Article 54 of the EEA Agreement

Газпром согласился на ряд мер (обязательств), которые удовлетворили Европейскую комиссию и развеяли ее опасения, не признавая формально каких-либо нарушений. К этим обязательствам относились:

1) Удаление ограничительных пунктов. Газпром согласился устранить любые ограничения на перепродажу газа, позволяя странам больше гибкости в использовании и продаже закупаемого газа;

2) Пересмотр ценообразования. Газпром согласился связать цены на газ более тесно с конкурентными бенчмарками, такими как цены на в Западной Европы, которые более точно отражают реальную рыночную динамику, чем предыдущие цены, индексированные к нефти;

3) Доступ третьих сторон. Частью соглашения стали обязательства обеспечить лучший доступ для третьих сторон к контролируемой Газпромом инфраструктуре по транспортировке газа, повышая способность альтернативных поставщиков конкурировать на рынке.

Таким образом, значение антимонопольного дела Газпрома можно оценить сразу по нескольким аспектам:

1. Регуляторный охват и сила власти. Дело Газпрома подчеркнуло приверженность Европейской комиссии к соблюдению законов ЕС о конкуренции даже в отношении мощных корпораций, базирующихся за пределами ЕС. Газпром, как крупный игрок на европейском энергетическом рынке, стал значительным испытанием для способности ЕС регулировать иностранные компании, доминирующие на ключевых рынках. Дело продемонстрировало решимость ЕС в защите конкурентных рынков и обеспечении того, чтобы доминирующие игроки не злоупотребляли своим положением.

2. Влияние на энергетическую безопасность ЕС. Процесс против Газпрома тщательно планировался из-за его последствий для энергетической безопасности ЕС. Газпром поставляет значительную часть природного газа, потребляемого в ЕС, особенно в Центральной и Восточной Европе. Полученные от Газпрома

(Case AT.39816 — Upstream gas supplies in Central and Eastern Europe) (notified under document C (2018) 3106).

обязательства, особенно касающиеся устранения ограничений на перепродажу газа, были критически важны для повышения безопасности и диверсификации поставок, которые являются ключевыми элементами энергетической стратегии ЕС.

Прецедент для поведения на рынке и практик заключения контрактов. Это дело создало прецедент в отношении приемлемого поведения на рынке и практик заключения контрактов для доминирующих поставщиков в ЕС. Бросив вызов использованию Газпромом территориальных ограничений и других исключающих практик, Комиссия дала сигнал другим поставщикам о пределах допустимого поведения согласно законам ЕС о конкуренции, потенциально влияя на нормы контрактов и деловые практики в других секторах. Следующим витком развития дела стал иск PGNiG в Общий суд. PGNiG (Польская нефтегазовая компания) была одной из компаний, которая активно сотрудничала с Европейской комиссией в рамках антимонопольного расследования против Газпрома. Польша является одним из крупнейших импортеров российского газа в Европе, и PGNiG столкнулась с проблемами, связанными с антиконкурентными практиками Газпрома, такими как территориальные ограничения и несправедливое ценообразование. Эти практики усложняли польским и другим восточноевропейским компаниям закупки газа по конкурентоспособным ценам и ограничивали их возможности перепродавать газ другим потребителям. После решения Комиссии 2018 года PGNiG подала иск в Общий суд ЕС, оспаривая это решение. Польская компания считала, что предложенные Газпромом обязательства недостаточны и не обеспечивают справедливую конкуренцию на рынке газа. В частности, PGNiG утверждала, что Европейская комиссия должна была наложить на Газпром более строгие санкции и не соглашаться на добровольные обязательства.

В 2022 году Общий суд ЕС удовлетворил иск PGNiG, аннулировав решение Комиссии, но при этом подтвердил обязательства Газпрома, установленные в 2018 году.

Общий суд постановил, что Европейская комиссия допустила явную ошибку в оценке, опираясь на решение польского энергетического регулятора по

сертификации Газ-Системы 2015 года, чтобы отклонить жалобу PGNiG в отношении Ямальского газопровода. Суд также заключил, что Комиссия нарушила процедурные права PGNiG.

Судебное решение обязало Европейскую комиссию пересмотреть жалобу PGNiG 2017 года. Руководство PGNiG выразило надежду на то, что Комиссия предпримет решительные меры против нарушений Газпрома, подчеркивая, что многие из упомянутых практик продолжаются до сих пор и требуют тщательного расследования.

Решение Общего суда ЕС по делу PGNiG против Газпрома подчеркивает важность соблюдения процедурных прав и тщательного рассмотрения антимонопольных жалоб. Оно также указывает на необходимость более жесткого контроля и санкций в отношении антиконкурентных практик крупных доминирующих компаний, таких как Газпром, для обеспечения справедливой конкуренции на европейском энергетическом рынке.

В 2023 году в деле PGNiG против Газпрома произошло несколько ключевых событий, касающихся антимонопольного разбирательства и действий Европейской комиссии. В 2023 году продолжались разбирательства между PGNiG и Газпромом в различных юрисдикциях. Одним из значительных событий стало решение Арбитражного суда в Стокгольме в пользу PGNiG, что обязало Газпром вернуть около 1,5 миллиарда долларов США за переплату по контракту на поставку газа по Ямальскому договору. Суд подтвердил, что цена газа по контракту была завышенной и не соответствовала рыночным условиям.

Таким образом, становится очевидно, что после решения Общего суда ЕС в 2022 году, обязывающего Европейскую комиссию пересмотреть жалобу PGNiG 2017 года, Комиссия должна была продолжить расследование и оценить новые доказательства по делу. PGNiG настоятельно призывала Комиссию принять более жесткие меры против Газпрома, включая финансовые штрафы и обязательство по продаже активов. В 2024 судебные споры между PGNiG и Газпромом продолжились, впрочем, эти споры стали все четче приобретать политический окрас.

В 2023 году ЕС продолжала свои усилия по диверсификации источников поставок газа, чтобы уменьшить зависимость от российского газа. Польша активно развивала инфраструктуру для импорта сжиженного природного газа (СПГ) из США, Катара и Норвегии, а также реализовывала проект Baltic Pipe для импорта газа с норвежского континентального шельфа через Данию.

Последствия антимонопольного дела Газпрома:

1. Изменения в практике заключения контрактов. После этого дела Газпром и другие энергетические поставщики должны были пересмотреть свои контрактные практики в соответствии с законодательством ЕС о конкуренции. Это включает в себя удаление положений, запрещающих перепродажу газа, что позволило увеличить гибкость на вторичном рынке газа и улучшить конкурентоспособность.

2. Повышение конкуренции на рынках газа Центральной и Восточной Европы. Устранение барьеров для перепродажи газа означало, что страны Центральной и Восточной Европы теперь могли более свободно искать альтернативных поставщиков, тем самым снижая зависимость от единственного поставщика. Это может привести к более конкурентоспособным ценам и улучшению уровня обслуживания, поскольку поставщики соревнуются за долю рынка в более открытой и конкурентной рыночной среде.

3. Укрепление правовой системы ЕС. Дело укрепило правовую систему ЕС, демонстрируя, что ЕС может эффективно применять свои законы против доминирующих фирм, укрепляя целостность своего единого рынка. Это особенно важно для поддержания доверия инвесторов и надлежащего функционирования рынка по всему ЕС.

4. Влияние на будущие антимонопольные расследования. Дело Газпрома предоставило ценные сведения о проведении антимонопольных расследований и переговоров с интернациональными корпорациями, особенно теми, которые имеют значительное государственное участие. Опыт и прецеденты из этого дела будут формировать будущие действия Европейской комиссии против подобных нарушений, потенциально приводя к более эффективным процедурам принудительного исполнения.

В заключение, антимонопольное дело Газпрома имело далеко идущие последствия не только для энергетического сектора, но и для широкого применения законов ЕС о конкуренции. Оно подчеркнуло вызовы и сложности регулирования многонациональных корпораций на рынке ЕС и также подчеркнуло важность надежных регулятивных механизмов для обеспечения справедливости рынка и энергетической безопасности.

Еще одним важным делом с участием российского юридического лица было дело Alrosa[208]. Дело касается Alrosa, крупного российского производителя алмазов, и Европейской комиссии. Оно возникло после решения Комиссии 2006 года касательно De Beers[209], доминирующего игрока на глобальном рынке алмазов. De Beers заключила соглашение о закупках с Alrosa, которое, по мнению Комиссии, могло ограничить конкуренцию, ограничив доступное количество необработанных алмазов на рынке. Стремясь поддерживать рыночную конкуренцию, Комиссия потребовала от De Beers значительно сократить закупки у Alrosa.

Alrosa обжаловала решение Европейской комиссии, которое касалось обязательств, принятых от De Beers по прекращению закупок алмазов у Alrosa. Это привело к рассмотрению дела в Общем суде (General Court), который первоначально поддержал решение Комиссии, постановив, что обязательства De Beers не нарушают прав Alrosa.

Затем Alrosa подала апелляцию в Суд Европейского Союза (Court of Justice, ECJ), что привело к делу C-441/07 P. Основным вопросом в данном деле было, могла ли Европейская комиссия принять обязательства от De Beers, которые затрагивали Alrosa, без её согласия. Alrosa утверждала, что такие обязательства, которые напрямую влияли на их бизнес, нарушали принципы пропорциональности и защиты деловой свободы.

---

[208] C-441/07 P - Commission v Alrosa [2010], ECR.

[209] Commission Decision of 22 February 2006**,** relating to a proceeding pursuant to Article 82 of the EC Treaty and Article 54 of the EEA Agreement (Case COMP/B-2/38.381 — De Beers), 2006/520/EC, Official Journal L 205, 27 July 2006, p. 24-25.

В 2010 году Суд ЕС частично отменил решение предыдущей инстанции, указав, что Комиссия должна была учесть влияние обязательств De Beers на Alrosa более детально, особенно в контексте пропорциональности действий.

Суд (ECJ) частично согласился с доводами Alrosa, указав, что Комиссия должна была более тщательно рассмотреть влияние предложенных обязательств на права других участников рынка и принципы пропорциональности.

Европейский суд (ECJ) вынес решение, оказавшее значительное влияние на принципы принятия обязательств в антимонопольных делах в ЕС:

- баланс интересов. Европейский суд постановил, что хотя Комиссия имеет широкие полномочия по принятию обязательств, эти полномочия не безграничны. Суд пришел к выводу, что Комиссия неправильно сбалансировала интересы Alrosa и воздействие на конкуренцию, сделав решение непропорциональным.

- права третьих сторон. Это дело подчеркнуло необходимость учитывать права и интересы третьих сторон, когда обязательства напрямую влияют на их рыночную деятельность. Европейский суд критиковал Комиссию за недостаточное учет положения Alrosa при принятии обязательств от De Beers.

Решение Суда повлияло на то, как Европейская комиссия обрабатывает решения по обязательствам в рамках антимонопольного законодательства, обеспечивая более строгий контроль и учет прав всех затронутых сторон. Исполнение антимонопольного законодательства. Дело подтвердило принцип, согласно которому, хотя у Комиссии широкие полномочия по принудительному исполнению, ее решения должны соответствовать основным правам и справедливости, особенно в отношении судебного контроля и пропорциональности ее действий.

Дело C-441/07 P между Комиссией и Alrosa является знаковым решением в законодательстве ЕС о конкуренции, подчеркивающим критическое равновесие между дискреционными полномочиями по исполнению и защитой прав индивидуального предприятия на рынке ЕС. Оно выделяет судебные проверки полномочий Комиссии, особенно в сложных рыночных сценариях, включая значительные обязательства доминирующих игроков рынка. Это дело служит

важной ориентировочной точкой для понимания динамики антимонопольного исполнения и роли судебного надзора в поддержании справедливой конкуренции в Европейском Союзе.

Дела ЕС, связанные с Газпромом и Алросой, имеют ключевое значение для понимания сложностей и вызовов применения антимонопольного законодательства ЕС к значительным неевропейским субъектам, работающим на едином рынке. Эти дела иллюстрируют динамичное взаимодействие между регуляторными рамками ЕС и глобальными бизнес-операциями, выделяя несколько важных аспектов применения антимонопольного законодательства ЕС и судебного контроля:

1. Регуляторный охват и дискреционные полномочия. Дела Газпрома и Алросы демонстрируют широкий охват Европейской комиссии в регулировании доминирующих рыночных игроков, независимо от их географического происхождения. Дело Газпрома, сосредоточенное на антиконкурентных контрактных практиках в энергетическом секторе, и дело Алросы, касающееся торговли алмазами, подчеркивают приверженность Комиссии поддержанию рыночной конкуренции. Эти дела показывают, как Комиссия использует свои дискреционные полномочия для переговоров по обязательствам и применения регламентов для предотвращения рыночных злоупотреблений;

2. Баланс между нормативно-правовыми актами и правами на защиту. Дело Алросы, в частности, выявило критически важный баланс, который должен поддерживаться между эффективным регуляторным исполнением и правами участвующих субъектов. Решение Европейского суда подчеркнуло необходимость для Комиссии учитывать пропорциональность своих действий и потенциальное воздействие на бизнес, затронутый ее решениями. Это дело устанавливает прецедент для будущих антимонопольных расследований, обеспечивая сохранение прав на защиту и судебный контроль, тем самым повышая юридическую надежность решений о принятии обязательств;

3. Влияние на экономические отношения между ЕС и Россией: оба дела имеют широкие последствия для экономических отношений между ЕС и Россией,

особенно в ключевых секторах, таких как энергетика и глобальные рынки товаров. Они отражают текущие напряженности и требуют тонкого баланса в управлении торговлей и соблюдении регуляторных норм между ЕС и российскими компаниями. Результаты этих дел имеют не только юридические, но и геополитические последствия, влияя на будущие переговоры и взаимодействия между российскими компаниями и европейскими регуляторами;

4. Повышение прозрачности и справедливой конкуренции. Разрешение этих дел способствует повышению прозрачности и справедливости на рынке ЕС. Решая и исправляя антиконкурентные практики, Европейская комиссия укрепляет целостность единого рынка, обеспечивая его конкурентоспособность и свободу от недопустимого монопольного контроля. Это имеет решающее значение для создания среды, где процветает конкуренция, стимулируется инновация, и защищаются потребители;

5. Установление прецедентов для глобального исполнения антимонопольного законодательства. Наконец, дела Газпрома и Алросы служат значительными прецедентами для применения антимонопольного законодательства ЕС к зарубежным субъектам, работающим в пределах юрисдикции ЕС. Они предоставляют ключевые выводы о том, как подобные дела могут быть рассмотрены в будущем, информируя как юридических специалистов, так и мультинациональные корпорации об ожиданиях и юридических стандартах на одном из крупнейших рынков мира.

Таким образом, анализ дел Газпрома и Алросы в рамках юридической системы Европейского союза иллюстрирует ключевую роль Европейской комиссии в обеспечении конкуренции и регулировании рыночного поведения не только юридических лиц, находящихся в пределах Европейского союза, но и иностранных юридических лиц, которые работают на рынке ЕС.

3.2. Оценка применимости опыта ЕС для становления и развития антимонопольного права ЕАЭС: возможность аппроксимации и адаптации успешных моделей

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) сталкивается с рядом вызовов в области антимонопольного регулирования, среди которых индивидуальные антиконкурентные действия, такие как злоупотребление доминирующим положением. Такие действия представляют собой серьезную угрозу для эффективного функционирования рынков. Опыт Европейского Союза, который имеет долгую историю успешного применения антимонопольного права, может служить важным источником для аппроксимации и адаптации моделей в странах ЕАЭС. Европейский Союз, со своим сложным сочетанием экономик и правовых традиций, постоянно стремится усовершенствовать своё антимонопольное законодательство для эффективного решения внутренних и внешних экономических задач. Это усилие требует всестороннего понимания практик глобального антимонопольного законодательства.

В свою очередь, ЕАЭС представляет собой другую парадигму. Как относительно молодой союз, созданный для содействия экономической интеграции между несколькими постсоветскими государствами, его подход к антимонопольному законодательству направлен на гармонизацию различных экономических политик его государств-членов.

ЕАЭС, созданный в 2015 году, представляет собой экономический союз пяти государств-членов: России, Беларуси, Казахстана, Армении и Киргизии. Данный Союз предназначен для обеспечения свободного передвижения товаров, услуг, капитала и труда, а также для разработки скоординированной, гармонизированной политики в ключевых экономических секторах, включая регулирование конкуренции.

Политика конкуренции ЕАЭС в первую очередь регулируется Договором о Евразийском экономическом союзе [210] и последующими протоколами, которые определяют правила конкуренции и регулирование антиконкурентных практик между государствами-членами. Основная цель — предотвращение монополистической деятельности и содействие конкурентной среде внутри внутреннего рынка союза. Это включает борьбу с манипуляциями ценами, разделением рынка и другими антиконкурентными соглашениями.

Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) играет центральную роль в администрировании правил конкуренции по всему союзу. У нее есть полномочия для расследования и применения нормативно-правовых актов, направленных против антиконкурентных практик, которые могут затрагивать трансграничные рынки. Национальные антимонопольные органы в каждом государстве-члене также применяют местное законодательство о конкуренции (зачастую это антимонопольное право), которое должно гармонизироваться с законодательством ЕАЭС. Главная цель — это обеспечение, такой ситуации, при которой национальные политики не будут противоречить или не подрывать цели, ради которых был создано ЕАЭС.

В настоящий момент конкурентная политика ЕАЭС имеет ряд проблем, главными из которых являются:

1) Гармонизация национальных законов с политиками союза. Различия в экономическом развитии, правовых традициях и возможностях применения среди государств-членов могут привести к несоответствующему применению и эффективности антимонопольного законодательства. Обеспечение соответствия национального законодательства правилам ЕАЭС критически важно для предотвращения возникновения так называемых «пробелов» в праве, которые могли бы использовать доминирующие субъекты рынка;

2) Несоответствие в применении. Эффективность применения значительно различается среди государств-членов из-за разных уровней ресурсов, экспертизы и

---

[210] Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астана 29.05.2014) // Собрание законодательства Евразийского экономического союза. - 2014. - № 1. - Ст. 1.

административных возможностей. Это изменчивость может привести к неравной защите от антиконкурентных практик в рамках союза, потенциально нанося вред интегрированному рынку.

Тем не менее, ЕАЭС стремится создать комплексный интегрированный единый рынок, подобный Европейскому союзу, где товары, услуги и капитал свободно перемещаются. Надежная и однородно применяемая политика конкуренции крайне важна для достижения этой цели, так как она обеспечивает честную конкуренцию и предотвращает какие-либо «искажения» рынка. Союз стремится улучшить экономическое сотрудничество и развитие путем координирования политик, которые включают не только законодательство в сфере антимонопольного права, но также торговые, таможенные и энергетические регуляции.

Трансграничный характер многих рынков в рамках ЕАЭС усложняет применение законодательства в сфере антимонопольного права.

Рекомендации для ЕАЭС:

Создание специализированного органа регулирования цифрового рынка. Вдохновленная примером FTC в США и Европейской комиссией в ЕС, ЕАЭС могла бы создать специализированный орган для надзора за практиками на цифровом рынке, оснащенный полномочиями и инструментами для эффективного применения регулирования цифрового рынка.

Адаптивная регулятивная система. Учитывая быстро изменяющийся характер технологий, регулятивная система ЕАЭС должна быть гибкой и адаптивной, способной быстро реагировать на новые вызовы и инновации в технологическом секторе.

Несмотря на все вышеперечисленное, следует отметить, что в основе развития антимонопольного права в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) лежат значительные заимствования и адаптации опыта Европейского Союза. Одним из центральных аспектов, которые могут быть применимы в ЕАЭС, является развитие правоприменительной практики на основе европейских решений. Суд ЕАЭС уже имеет прецеденты, в которых опирается на решения Суда Европейского Союза, как

было отмечено в делах о конкуренции и других сферах регулирования. Например, по делу о «вертикальных» соглашениях. Консультативное заключение Суда ЕАЭС по вертикальным соглашениям, вынесенное 15 октября 2018 года Министерством национальной экономики Казахстана (дело R-2/18)[211]. Суд ЕАЭС утверждал, что правила конкуренции на трансграничных рынках подпадают под действие наднационального права Союза. Таким образом, это исключает свободу усмотрения государств-членов в самостоятельном регулировании данной сферы. В деле также использовались ссылки на практику Суда ЕС [212] в отношении вертикальных соглашений, что подкрепляло подход, согласно которому антимонопольное законодательство должно применяться последовательно во всех странах, в соответствии с принципами прецедентного права ЕС.

Это свидетельствует о том, что ЕАЭС может адаптировать успешные модели ЕС для развития более эффективной системы контроля за конкуренцией. В частности, механизм децентрализованного контроля за конкурентными нарушениями, применяемый в ЕС, может быть адаптирован для ЕАЭС. Это позволит наделить национальные органы антимонопольного контроля полномочиями для инициирования расследований и осуществления правоприменительных мер, что создаст единые стандарты для всех стран-участниц ЕАЭС.

Использование опыта ЕС также актуально в контексте регулирования цифровых рынков. Регламент ЕС «Акт о цифровых рынках» (DMA) может стать ориентиром для разработки аналогичных правил в ЕАЭС, с целью предотвращения злоупотреблений доминирующими платформами. Учитывая, что рынок цифровых услуг и товаров в ЕАЭС продолжает развиваться, такие нормы помогут создать более сбалансированные рыночные условия, поддерживая конкуренцию и защищая права потребителей.

---

[211] Консультативное заключение Суда ЕАЭС по вертикальным соглашениям, вынесенное 15 октября 2018 года Министерством национальной экономики Казахстана (дело R-2/18).

[212] Consten and Grundig v Commission, Case 56/64, Judgment of the Court of Justice of the European Union of 13 July 1966.

Для Евразийского экономического союза (ЕАЭС), который разрабатывает свою цифровую экономику и регулятивные рамки, некоторые аспекты Акта о Цифровых Рынках могут быть особенно полезны для принятия или адаптации. Вот ключевые моменты из DMA, которые можно было бы рассмотреть для включения в регулятивный подход ЕАЭС:

1) Определение «гейткиперов». «Акт о цифровых рынках» определяет конкретные критерии для идентификации цифровых платформ как «вратарей», основываясь на их размере, воздействии на пользователей и структуре рынка. Это четкое определение помогает применять законодательство к тем платформам, которые имеют значительный контроль над «входом» на рынок.

Предлагаемая адаптация ЕАЭС. Установление четкого и объективного набора критериев для идентификации доминирующих цифровых платформ в рамках ЕАЭС может помочь обеспечить то, что регулирование будет сосредоточено и эффективно, нацелено только на те сущности, которые имеют значительное влияние на формирование рынка.

2) Обязанности по справедливому поведению. «Акт о цифровых рынках» налагает конкретные обязанности на вратарей для обеспечения справедливой конкуренции, такие как запрет на предпочтительное обращение к собственным услугам, обязательность переноса данных и обеспечение взаимодействия с платформами конкурентов. Предлагаемая адаптация ЕАЭС: внедрение подобных обязанностей может предотвратить антиконкурентные практики, такие как самопредпочтение, и способствовать более конкурентной среде, которая стимулирует инновации и выбор потребителей на цифровых рынках ЕАЭС.

3) Запрет определенных практик. «Акт о цифровых рынках» перечисляет практики, которые явно запрещены для «вратарей», такие как блокировка пользователей от удаления любого предустановленного программного обеспечения или приложений. Предлагаемая адаптация ЕАЭС: запрет конкретных антиконкурентных практик может помочь поддерживать равные рыночные условия и защитить меньшие или новые рыночные структуры, способствуя более здоровой цифровой экосистеме.

4) Принудительное исполнение и штрафы. «Акт о цифровых рынках» предусматривает строгие механизмы принудительного исполнения, включая возможность наложения штрафов до 10% от общего мирового годового оборота компании, и периодические платежи штрафов. Предлагаемая адаптация ЕАЭС: установление надежных механизмов принудительного исполнения с существенными штрафами может удержать «вратарей» от участия в антиконкурентных поведениях, обеспечивая соблюдение регулятивных рамок.

5) Расследование рынка и механизмы обновления законодательства. «Акт о цифровых рынках» включает механизмы для постоянного обследования рынка и возможности обновления регулятивных требований по мере развития цифровых рынков.

Предлагаемая адаптация ЕАЭС. Интеграция гибких механизмов для мониторинга рынка и адаптации законодательства может помочь ЕАЭС не отставать от быстрых технологических изменений и новых рыночных динамик.

6) Требования к прозрачности и отчетности. «Акт о цифровых рынках» предъявляет высокие стандарты прозрачности для платформ-вратарей, требуя от них сообщать о различных аспектах своей деятельности и соблюдении законодательства.

Предлагаемая адаптация ЕАЭС: усиление требований к прозрачности для крупных цифровых платформ может улучшить надзор за рынком и доверие потребителей к цифровым услугам на территории ЕАЭС.

Заимствуя эти элементы из «Акта о цифровых рынках», ЕАЭС может укрепить свою регулятивную систему для лучшего управления сложностями цифрового рынка, обеспечивая конкуренцию и способствуя инновационной и дружественной к потребителю цифровой экономике. Этот подход не только поможет справиться с текущими рыночными динамиками, но и подготовит ЕАЭС к будущим технологическим и экономическим разработкам.

Изучение практик конкурентного права в Европейском Союзе предоставляет богатый опыт и стратегические знания, которые могут быть полезны для Евразийского экономического союза в процессе усовершенствования и укрепления

его собственного рамочного законодательства о конкуренции. Каждый из этих регионов предлагает отличительные подходы и решения, которые были проверены и доказали свою эффективность в управлении сложной рыночной динамикой и способствовании конкурентной экономической среде.

ЕАЭС может перенять регуляторные стратегии у Европейского Союза, что поможет сосредоточить акцентирующие внимание на интеграции рынков и прозрачности, защищая при этом интересы потребителей в разнообразных национальных рынках. Обширная регуляторная база ЕС, особенно просматривающаяся в «Акте о цифровых рынках», предлагающая модель для управления цифровыми монополиями и крупными платформенными экономиками, которые доминируют в доступе к рынку. Эти регламенты гарантируют открытость и конкурентоспособность рынка, предотвращая злоупотребления со стороны «вратарей». Для ЕАЭС применение подобного законодательства могло бы улучшить управление цифровыми и транснациональными рынками, обеспечивая их живучесть и конкурентоспособность.

Кроме того, усилия ЕС, сконцентрированные на сотрудничестве между государствами-членами в области правоприменения конкурентного права, предоставляет ценный пример для ЕАЭС. Данный пример заключается в том, что государства с различным уровнем экономического развития и правовых систем успешно взаимодействуют между собой. Усиленное сотрудничество может привести к более последовательному и эффективному применению законодательства в сфере антимонопольного права по всему союзу, снижая риск регуляторного арбитража и обеспечивая равные условия для всех предприятий.

Стратегическое интегрирование опыта ЕС также могло бы включать:

- разработку специализированного набора критериев для определения доминирования на рынке и антиконкурентного поведения, отражающих уникальные экономические условия и структуры рынка ЕАЭС;

- внедрение программ обучения и повышения квалификации для повышения уровня квалификации национальных регуляторов и судебных органов по всему ЕАЭС;

- создание централизованной базы данных и аналитического центра, аналогичного Европейской сети конкуренции (ECN), для содействия обмену информацией и координированным действиям против трансграничных антиконкурентных практик и возможное интегрирование многих других практик.

В заключение, выборочное интегрирование полезных регуляторных практик из Европейского Союза дает ЕАЭС возможность значительно улучшить уровень регуляции конкурентного права. Эта интеграция не только укрепит способность ЕАЭС эффективно управлять своими внутренними рынками, но и повысит его конкурентоспособность на глобальном уровне. Такие усовершенствования крайне важны для создания экономической среды, способствующей инновациям, росту и благосостоянию потребителей. Поскольку ЕАЭС продолжает развивать свою цифровую экономику и широкие рыночные структуры, опора на успешные международные практики, прошедшие проверку временем, будет ключевым фактором для обеспечения того, чтобы законы ЕАЭС в сфере антимонопольного права оставались надежными и актуальными на фоне развивающихся экономических вызовов.

Заключение

Подход Европейского Союза к регулированию индивидуальных антиконкурентных действий представляет собой образцовый пример управления экономическими, правовыми и этическими вызовами в рамках единого внутреннего рынка ЕС с жесткими регуляторными нормами. Данное исследование продемонстрировало, как ЕС успешно балансирует между строгим соблюдением антимонопольного законодательства и необходимостью адаптации к постоянно меняющимся глобальным, технологическим и социополитическим условиям.

Основные выводы анализа. Анализ дел (Google, Газпром, Алроса) подтвердил строгую позицию Европейской комиссии в отношении конкуренции и приверженность к поддержанию честной рыночной среды. Эти прецеденты подчеркивают, что ЕС активно борется с злоупотреблением доминирующим положением и ограничительными соглашениями, используя эффективные механизмы правоприменения.

Законодательные инициативы. Принятие «Акта о цифровых рынках» является важным шагом в обновлении антимонопольного законодательства ЕС в условиях цифровизации. Регламенты «Акт о цифровых рынках» и «Акт о цифровых услугах» направлены на регулирование деятельности цифровых платформ, обладающих значительной рыночной силой, с целью предотвращения злоупотреблений и создания условий для честной конкуренции. Этот пример можно использовать для разработки аналогичных механизмов в Евразийском экономическом союзе, что позволит ЕАЭС лучше контролировать деятельность крупных платформ.

Новые тенденции и вызовы. Европейский союз также активно отвечает на современные вызовы, такие как уязвимость глобальных цепочек поставок и интеграция целей устойчивости в конкурентное регулирование. Эти направления развития показывают, как Европейский союз адаптируется к изменяющимся условиям, оставаясь при этом на передовых позициях в глобальном регулировании в вопросах конкуренции, несмотря на это, все же отмечается ряд проблем, которые Европейскому Союзу предстоит решить.

Значение и более широкий анализ, проведенный в рамках этой диссертации, формулирует глубокие выводы для ученых, юристов и академиков. Он предоставляет тонкое понимание взаимодействия законов о конкуренции с разнообразными рыночными силами и общественными целями, выступая за сбалансированный подход, который способствует конкуренции, инновациям и благосостоянию потребителей. Кроме того, он подчеркивает важность:

- адаптивного регулирования. Необходимость эволюции законов в сфере конкурентного права в ответ на технологические, экономические и геополитические изменения;
- целостного подхода. Интеграция более широких социальных и экологических соображений в рамки регулирования конкуренции;
- глобального влияния. Роль Европейского союза как мирового лидера в формировании стандартов законодательства в сфере конкурентного права, которые могут служить ориентиром для других юрисдикций.

Кроме того, с учетом результатов анализа подхода Европейского союза к индивидуальным антиконкурентным действиям по итогам работы сформулированы несколько стратегических рекомендаций, которые Евразийский экономический союз (ЕАЭС) может рассмотреть для совершенствования собственной системы антимонопольного законодательства. Эти рекомендации направлены на обеспечение надежного регулирования рынка, содействие экономической интеграции и поддержание конкурентной среды в ЕАЭС.

В заключение, диссертация подтверждает, что подход Европейского союза к регулированию индивидуальных антиконкурентных действий представляет собой комплексный и гибкий механизм, направленный на защиту конкуренции, предотвращение недобросовестных практик и обеспечение устойчивого развития рыночной экономики. Преодолевая вызовы стремительно меняющегося мира, Европейский Союз извлекает ценные уроки из своего опыта, которые становятся не только важным ресурсом для развития внутри его границ, но и ценным ориентиром для глобального экономического управления в эпоху цифровизации и за её пределами. Это исследование обогащает наше понимание конкурентного

права Европейского союза, предлагая пути для будущих исследований и разработки политики. В свете полученных данных было сформулировано несколько рекомендаций для Евразийского экономического союза. Опыт Европейского союза может быть полезен для разработки эффективной системы антимонопольного регулирования в Евразийском экономическом союзе, особенно в вопросах трансграничного регулирования и цифровых рынков. Евразийский экономический союз может извлечь уроки из европейских инициатив, таких как Digital Marketing Act (Регламент Европейского союза «Акт о цифровых рынках» 2022) и адаптировать их для предотвращения злоупотреблений и поддержки инноваций на своих рынках.

Список используемых источников и литературы

Источники первичного права Европейского Союза

1. Treaty on the Functioning of the European Union (1957) (Consolidated version 2012) // Official Journal C 326. 26.10.2012. P. 47–390;

2. Treaty on European Union (1992) (Consolidated version 2012) // Official Journal C 326. 26.10.2012. P. 13–390;

3. Charter of Fundamental Rights of the European Union // Official Journal C 202. 07.06.2016. P. 389-405;

4. Treaty establishing the European Coal and Steel Community (ECSC), 18.04.1951;

5. Treaty establishing the European Economic Community (EEC), 25.03.1957.

Источники вторичного права Европейского Союза

Регламенты

6. Commission Regulation (EU) No 330/2010 of 20 April 2010 on the application of Article 101(3) of the Treaty on the Functioning of the European Union to categories of vertical agreements and concerted practices // Official Journal L 102. 23.04.2010. P. 1–7.

7. Council Regulation (EC) No 1/2003 of 16 December 2002 on the implementation of the rules on competition laid down in Articles 81 and 82 of the Treaty // Official Journal L 1. 04.01.2003. P. 1–25.

8. Council Regulation (EC) No 139/2004 of 20 January 2004 on the control of concentrations between undertakings (the EC Merger Regulation) // Official Journal L 24. 29.01.2004. P. 1–22.

9. European Council, 1962. Council Regulation No 17: First Regulation implementing Articles 85 and 86 of the Treaty // Official Journal 13. 21.02.1962. P. 204–211.

10. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of

personal data and on the free movement of such data (General Data Protection Regulation, GDPR) // Official Journal L 119. 04.05.2016. P. 1–88.

11. Regulation (EU) 2022/1925 of the European Parliament and of the Council of 14 September 2022 on contestable and fair markets in the digital sector (Digital Markets Act) // Official Journal L 265. 12.10.2022. P. 1–66.

12. Regulation (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on a Single Market For Digital Services and amending Directive 2000/31/EC (Digital Services Act) // Official Journal L 277. 27.10.2022. P. 1–102.

13. Council Regulation (EEC) No 4064/89 of 21 December 1989 on the control of concentrations between undertakings // Official Journal L 395. 30.12.1989. P. 1–12;

14. Council Regulation (EC) No 139/2004 of 20 January 2004 on the control of concentrations between undertakings (the EC Merger Regulation) // Official Journal L 024. 29.1.2004. P. 1-22;

15. Commission Regulation (EU) No 461/2010 of 27 May 2010 on the application of Article 101(3) of the Treaty on the Functioning of the European Union to categories of vertical agreements and concerted practices in the motor vehicle sector // Official Journal L 129. 28.5.2010. P. 52–57;

16. Commission Regulation (EU) No 316/2014 of 21 March 2014 on the application of Article 101(3) of the Treaty on the Functioning of the European Union to categories of technology transfer agreements // Official Journal L 93. 28.3.2014. P. 17–23;

17. Commission Regulation (EU) No 1217/2010 of 14 December 2010 on the application of Article 101(3) of the Treaty on the Functioning of the European Union to certain categories of research and development agreements // Official Journal L 335. 18.12.2010. P. 36–42.

Директивы

18. Council Directive 84/450/EEC of 10 September 1984 relating to the approximation of the laws, regulations and administrative provisions of the Member States concerning misleading advertising // Official Journal L 250. 19.09.1984. P. 17 – 20;

19. Directive (EU) 2019/1 of the European Parliament and of the Council of 11 December 2018 to empower the competition authorities of the Member States to be more effective enforcers and to ensure the proper functioning of the internal market // Official Journal L 11. 14.01.2019. P. 3–33;

20. Directive 2000/31/EC of the European Parliament and of the Council of 8 June 2000 on certain legal aspects of information society services, in particular electronic commerce, in the Internal Market ('Directive on electronic commerce') // Official Journal L 178. 17.07.2000. P. 1–16.

Судебная практика Суда Европейского Союза

21. Judgment of the Court of First Instance of 12 December 2000. Alitalia v. Commission. Case T-319/99 // ECLI identifier: ECLI:EU:T:2000:289.

22. Judgment of the Court of 27 September 1988. Ahlström Osakeyhtiö and others v Commission (Wood Pulp). Case 89/85 // ECLI identifier: ECLI:EU:C:1988:447.

23. Judgment of the Court (Grand Chamber) of 17 July 2014. DEI v. Commission. Case C-553/12P // ECLI identifier: ECLI:EU:C:2014:2083.

24. Judgment of the Court of Justice of the European Union of 13 July 1966. Consten and Grundig v Commission. Case 56/64 // ECLI identifier: ECLI:EU:C:1966:41.

25. Judgment of the Court (Third Chamber) of 12 March 2020. Commission v. Greece. Case C-93/19 // ECLI identifier: ECLI:EU:C:2020:174.

26. Judgment of the Court of Justice of 13 July 1966. Consten SA and Grundig-Verkaufs-GmbH v Commission of the EC. Case 56/64 // ECLI identifier: ECLI:EU:C:1966:41.

27. Judgment of the Court of Justice of 26 February 1963. NV Algemene Transport- en Expeditie Onderneming van Gend & Loos v Netherlands Inland Revenue Administration. Case 26/62 // ECLI identifier: ECLI:EU:C:1963:1.

28. Judgment of the Court (Fifth Chamber) of 20 September 2001. Courage Ltd v. Crehan. Case C-453/99 // ECLI identifier: ECLI:EU:C:2001:465.

29. Judgment of the Court (Second Chamber) of 13 July 2006. Manfredi v. Lloyd Adriatico Assicurazioni SpA. Joined Cases C-295/04 to C-298/04 // ECLI identifier: ECLI:EU:C:2006:461.

30. Judgment of the Court (Grand Chamber) of 14 October 2010. Deutsche Telekom AG v. Commission. Case C-280/08 P // ECLI identifier: ECLI:EU:C:2010:603.

31. Judgment of the Court of First Instance of 17 September 2007. Microsoft Corp v Commission. Case T-201/04 // ECLI identifier: ECLI:EU:T:2007:289.

32. Judgment of the Court (Grand Chamber) of 14 June 2011. Pfleiderer AG v. Bundeskartellamt. Case C-360/09 // ECLI identifier: ECLI:EU:C:2011:389.

33. Judgment of the Court of Justice of the European Union of 21 February 1973. Europemballage Corporation and Continental Can Company Inc. v Commission of the EC. Case 6/72 // ECLI identifier: ECLI:EU:C:1973:22.

34. Judgment of the Court (Grand Chamber) of 17 June 2010. Commission v. Alrosa. Case C-441/07 P // ECLI identifier: ECLI:EU:C:2010:377.

35. Judgment of the Court of First Instance of 10 September 2019. PGNiG Supply & Trading GmbH v European Commission. Case T-849/16 // ECLI identifier: ECLI:EU:T:2019:615.

36. Judgment of the General Court (Grand Chamber) of 10 November 2021. Google LLC v. Commission. Case T-612/17 // ECLI identifier: ECLI:EU:T:2021:763.

37. Judgment of the Court of 14 February 1978. United Brands Company and United Brands Continentaal BV v Commission of the European Communities. Case 27/76 // ECLI identifier: ECLI:EU:C:1978:22.

38. Judgment of the Court of Justice of 14 February 1979. Hoffmann-La Roche & Co. AG v Commission of the European Communities. Case 85/76 // ECLI identifier: ECLI:EU:C:1979:36.

39. Judgment of the General Court of 30 September 2003. Michelin II, Case T-203/01 // ECLI identifier: ECLI:EU:T:2003:250.

40. Judgment of the Court of 9 November 1983. Michelin I, Case 322/81 // ECLI identifier: ECLI:EU:C:1983:313.

41. Judgment of the Court (Second Chamber) of 4 June 2009. T-Mobile Netherlands BV, et al. v Raad van bestuur van de Nederlandse Mededingingsautoriteit. Case C-8/08 // ECLI identifier: ECLI:EU:C:2009:343.

42. Judgment of the Court (Grand Chamber) of 6 September 2017. Intel Corporation Inc. v European Commission. Case C-413/14 P // ECLI identifier: ECLI:EU:C:2017:632.

43. Judgment of the Court of Justice of the European Union of 21 February 1973. Europemballage Corporation and Continental Can Company Inc. v Commission of the EC. Case 6/72 // ECLI identifier: ECLI:EU:C:1973:22.

Иные официальные документы Европейского Союза

44. Decision of the European Commission of 10 November 2020. Amazon.com, Inc. v. Commission. Case AT.40462 // ECLI identifier: ECLI:EU:T:2020:541.

45. Decision of the European Commission of 24 May 2018. Gazprom. Case AT.39816 // ECLI identifier: ECLI:EU:C:2018:460.

46. Decision of the European Commission of 13 May 2009. Intel Corporation. Case COMP/C-3/37.990 // ECLI identifier: ECLI:EU:C:2009:348.

47. Decision of the European Commission of 14 May 2014. Nexans SA and Nexans France SAS v European Commission. Case T-135/09 // ECLI identifier: ECLI:EU:T:2014:605.

48. Decision of the European Commission of 6 March 2017. Nexans France and Nexans v Commission. Case T-449/14 // ECLI identifier: ECLI:EU:T:2017:310.

49. Judgment of the Court (Second Chamber) of 13 July 2006. Manfredi v. Lloyd Adriatico Assicurazioni SpA. Joined Cases C-295/04 to C-298/04 // ECLI identifier: ECLI:EU:C:2006:461.

50. Decision of the European Commission of 22 February 2006. De Beers. Case COMP/B-2/38.381 // ECLI identifier: ECLI:EU:C:2006:520.

51. EC-Commission Report. Competition Policy in the New Trade Order: Strengthening International Co-operation and Rules, Brussels, 12.7.1995 // COM(95) 359 final.

52. European Commission. "Green Paper on Vertical Restraints in EU Competition Policy." Brussels: European Commission, 2010.

Документы Евразийского экономического союза

53. Декларация о евразийской экономической интеграции. Москва, 2011;

54. Договор о Евразийском экономическом союзе. Астана, 2014;

55. Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 04.04.2017 № СЕ-2-1/1-17-БК «О разъяснении положений статей 74, 75, 76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014» // Официальный сайт Суда Евразийского экономического союза;

56. Соглашение о единых принципах и правилах конкуренции (прекратило действие с 01.01.2015 на основании международного договора от 29.05.2014) // Собрание законодательства РФ. 30.01.2012. № 5. ст. 545;

57. Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Санкт-Петербург, 2018;

58. Консультативное заключение Суда ЕАЭС по вертикальным соглашениям, вынесенное 15 октября 2018 года Министерством национальной экономики Казахстана (дело R-2/18);

59. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 19.12.2012 № 29 (ред. от 26.12.2016) «Об утверждении Критериев отнесения рынка к трансграничному» // Официальный сайт Евразийского экономического союза;

60. Статут Суда Евразийского экономического суда // Официальный сайт Суда Евразийского экономического союза;

61. Конкуренция на трансграничных рынках Евразийского экономического союза («Белая книга») // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии;

62. Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 17.12.2012 № 118 «О Методике расчета и порядке наложения штрафов за нарушение общих правил конкуренции на трансграничных рынках» // Доступ из справочно-правовой системы Консультант Плюс.

Литература

На русском языке

63. Герасимов, И. С. Запрет коллективных антиконкурентных действий в праве Европейского Союза // Дис. канд. юрид. наук. М., 2021.

64. Ентин, К. В. Право конкуренции и охрана интеллектуальной собственности в практике Суда ЕС и Европейской Комиссии // Дис. … канд. юрид. наук. М., 2011.

65. Калиниченко, П. А. Правовое регулирование отношений между Россией и Европейским Союзом // Дис. …док. юрид. наук. М., 2011.

66. Кашкин, С. Ю., Четвериков, А. О. Европейский союз: Основополагающие акты в редакции Лиссабонского договора с комментариями. — Подготовлено для системы КонсультантПлюс, 2007.

67. Мейсон, Э. С. Economic Concentration and the Monopoly Problem. Harvard University Press, 1957.

68. Митрофанов, И. О. Запрет коллективных антиконкурентных действий в праве Европейского Союза // Дис. канд. юрид. наук. М., 2021, стр. 80-84.

69. Смит, Адам. Богатство народов. М.: Наука, 2007.

70. Слепак, В. Ю. Отдельные аспекты применения запрета на злоупотребление доминирующим положением в ЕС и ЕАЭС, стр. 428-430.

71. Толоконников, А. Н. Правовая защита конкуренции в Европейском Союзе // Дис. … канд. юрид. наук. М., 2007.

72. Юмашев, Ю. М., Постникова, Е. В. Экономическое право Европейского союза: Монография. М.: Норма, Инфра-М, 2014.

На иностранных языках

73. Ackermann, Thomas. "The ECJ's Fundamental Approach Towards the Protection of Competition: From Continental Can to Cartes Bancaires and Beyond." *Common Market Law Review*, Vol. 47, No. 3, 2010, pp. 787-812.

74. Bradford, Anu. The Brussels Effect: How the European Union Rules the World. Oxford University Press, 2020.

75. Bradford, Anu. "The Brussels Effect: How the European Union Rules the World." Oxford University Press, 2020, p. 17.

76. Craig, Paul, and Gráinne de Búrca. EU Law: Text, Cases, and Materials. 7th ed., Oxford University Press, 2020.

77. Ezrachi, Ariel. Virtual Competition: The Promise and Perils of the Algorithm-Driven Economy. Harvard University Press, 2017.

78. Faull, Jonathan, and Ali Nikpay, eds. The EU Law of Competition. 3rd ed., Oxford University Press, 2014.

79. Fox, Eleanor. "Modern Approaches to Antitrust and Their Application." Fordham International Law Journal, Vol. 33, No. 2, 2010, pp. 597-620.

80. Fox, Eleanor M. Global Issues in Antitrust and Competition Law. 2nd ed., Oxford University Press.

81. Fox, Eleanor M. "The Modernization of EU Competition Law." Harvard International Law Journal, Vol. 52, No. 2, 2011, pp. 321-342.

82. Fox, Eleanor M. "EU Directives: Harmonization Achievements and Challenges." European Law Journal, Vol. 25, No. 1, 2019, pp. 57-75.

83. Fox, Eleanor, and Michal Gal. "Drafting Competition Law for a Globalized Economy: An Analysis of Current Trends." Journal of Antitrust Enforcement, Vol. 6, No. 3, 2018, pp. 344-362.

84. Geradin, Damien. "Implementing the Framework: Challenges and Opportunities for the EU Competition Law." Journal of European Competition Law & Practice, Vol. 8, No. 6, 2017, pp. 383-397.

85. Geradin, Damien, and Ioannis Lianos. Competition Law for the Digital Era. Oxford University Press, 2020.

86. Gerber, David J. Law and Competition in Twentieth Century Europe: Protecting Prometheus. Clarendon Press, Oxford, 1998.

87. Hovenkamp, Herbert. The Antitrust Enterprise: Principle and Execution. Harvard University Press, 2005.

88. Jones, Alison. "Challenges in Transposing EU Directives into National Law: The Case of Competition Policy." European Competition Law Review, Vol. 40, No. 4, 2019, pp. 175-190.

89. Jones, Alison, and Brenda Sufrin. EU Competition Law: Text, Cases, and Materials. 6th ed., Oxford University Press, 2016.

90. Kaczorowska, Alina. European Union Law. 2nd ed., Routledge, UK and USA, 2011.

91. Khan, Lina M. "Amazon's Antitrust Paradox." The Yale Law Journal, Vol. 126, 2017, pp. 710-805.

92. Korah, Valentine. An Introductory Guide to EC Competition Law and Practice. 9th ed., Hart Publishing, Oxford, 2004.

93. Lianos, Ioannis. Competition Law in the Digital Economy. Oxford University Press, 2020, pp. 22-37.

94. Monti, Giorgio. Competition Law and Policy in the EU and Beyond. Cambridge University Press, 2011.

95. Monti, Giorgio. "The Dynamics of EU Directives and National Level Implementation: Competition Law as a Case Study." Journal of Common Market Studies, Vol. 34, No. 2, 2019, pp. 243-260.

96. Posner, Richard A. Antitrust Law. University of Chicago Press, 2001.

97. Stucke, Maurice E., and Ariel Ezrachi. Virtual Competition: The Promise and Perils of the Algorithm-Driven Economy. Harvard University Press, 2016.

98. Tirole, Jean. The Theory of Industrial Organization. MIT Press, 1988.

99. Whish, Richard, and David Bailey**.** *Competition Law.* 9th ed., Oxford University Press, 2018.

Интернет-ресурсы

100. https://www.europa.eu/ – Официальный сайт Европейского Союза;

101. https://ec.europa.eu/ – Официальный сайт Европейской комиссии;

102. https://www.curia.eu/ – Официальный сайт Суда Европейского Союза;

103. http://www.europarl.europa.eu/ - Официальный сайт Европейского парламента.

104. http://www.eaeunion.org/ - Официальный сайт Евразийского экономического союза;

105. http://courteurasian.org/ - Официальный сайт Суда Евразийского экономического союза;

106. http://www.eurasiancommission.org/ - Официальный сайт Евразийской экономической комиссии;

107. http://www.kremlin.ru/ - Официальный сайт Президента России;

108. http://www.pravo.gov.ru/ - Официальный интернет-портал правовой информации.

Электронные информационно-правовые системы

109. Справочно-поисковая система «Консультант Плюс»;

110. Справочно-поисковая система «CURIA»;

111. Справочно-поисковая система «Eur-Lex».